

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 3(31)

2023
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2023 № 3(31)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:

В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

Е.Ф. Ивашкевич (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенко, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменицки,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Bochkov A.A., Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh. Legal Genesis: A Conceptual and Methodological Approach 3

Петров А.П., Вишневецкий О.В. Пределы противоправного поведения при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию и соотношению его с деяниями, связанными с риском 11

Gurshchenkov P.V., Sidorchuk V.K., Lobanovsky A.A. Public Utilities as an ESG-Superecosystem 16

Белякова А.В. Динамика показателей семейно-бытового насилия в Республике Беларусь 21

Николичев Д.Н. О совершенствовании правового регулирования сделок, наделяющих уполномоченное, управомоченное лицо по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе 29

ЭКОНОМИКА

Дём О.Д. О необходимости введения предварительной оценки кредитного риска субъектов малого и среднего бизнеса на основе непараметрических моделей 35

Самоховец М.П. Количественная оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь в региональном аспекте 41

Солодовников С.Ю., Суй Ц. Некоторые методические особенности отнесения предприятия к транснациональной корпорации 48

Павлыш Э.В., Семёнова Е.А., Типанова Е.И., Огурцова А.Ю. Экономические санкции в условиях кризиса однополярного мира: промежуточные итоги для Республики Беларусь 57

ПСИХОЛОГИЯ

Бахмат Е.М. Об определении основных структурных характеристик образа ответственного руководителя 62

Позняк К.В. Классификация когнитивных искажений 68

Барабан И.И. Гендерные различия в характеристиках когнитивных стилей курсантов, обучающихся управлению воздушным движением 76

Ильин Е.А., Богомаз С.Л. Операционализация феномена гражданской идентичности в традициях философской и психологической культуры 82

Чудакова А.В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у студентов 88

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2023 № 3(31)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

E.F. Ivashkevich (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratshevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Бочков А.А., Гурценков П.В., Бочкова Г.Ш.* Правогенез: концептуально-методологический подход 3
- Petrov A.P., Vishnevsky O.V.* Limits of Illegal Behavior when Staying among Accomplices of a Crime on a Special Assignment and its Correlation with Acts Associated with Risk 11
- Гурценков П.В., Сидорчук В.К., Лобановский А.А.* Коммунальное хозяйство как ESG-суперэкосистема 16
- Belyakova A.V.* Dynamics of Family and Domestic Violence Indicators in the Republic of Belarus 21
- Nikolichiev D.N.* On Improving the Legal Regulation of Transactions that Empower the Authorized Person to Make Legally Significant Decisions in Someone Else's Interest at their Own Discretion 29

ECONOMICS

- Dziom V.D.* On the Need to Introduce a Preliminary Assessment of the Credit Risk of Small and Medium-Size Businesses Based on Nonparametric Models 35
- Samokhovets M.P.* Resource Quantification of Agricultural Companies of the Republic of Belarus in the Regional Aspect 41
- Solodovnikov S.Yu., Xu J.* Some Methodological Features of Qualifying a Company as a Transnational Corporation 48
- Pavlysh E.V., Semyonova E.A., Tipanova E.I., Ogurtsova A.Yu.* Economic Sanctions in the Conditions of the Crisis of the Unipolar World: Interim Consequences for the Republic of Belarus 57

PSYCHOLOGY

- Bakhmat E.M.* On Identifying Main Structure Characteristics of the Image of a Responsible Manager 62
- Pozniak K.V.* Classification of Cognitive Biases 68
- Baraban I.I.* Gender Differences in the Characteristics of Cognitive Styles of Air Traffic Control Cadets 76
- Ilyin E.A., Bogomaz S.L.* Operationalization of the Phenomenon of Civil Identity in the Traditions of Psychology and Philosophy Culture 82
- Chudakova A.V.* Interrelation of Emotional Intelligence and Coping Strategies among Students 88

УДК 94(100)«.../05»: 340.151

Legal Genesis: A Conceptual and Methodological Approach

Bochkov A.A., Gurshchenkov P.V., Bochkova G.Sh.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The study of the conceptual and methodological foundations of legal genesis not only helps to formulate the concept of law, but also to determine the continuity, essence, and functions of jurisprudence. The origin of law shows its deep origins, makes it possible to understand the interaction of objective and subjective factors, projects patterns of legal development.

The purpose of the research is to determine the main directions of legal genesis, taking into account new scientific data, various doctrinal theories, to identify the role of pre-and protolaw, its connection with natural and positive law, to comprehensively consider this process.

Material and methods. *The research material was educational and scientific literature, conceptual approaches of leading pre-revolutionary and modern authors on the problems of legal genesis, anthroposociogenesis, ethnology, ethnography, archeology and history. Main methods: dialectical-materialistic, system analysis, interpretation of law, comparative studies, legal modeling.*

Results and their discussion. *The article attempts to unify the variety of factors of legal genesis in a hypothetical presentation. The origin of law is regarded as a natural evolutionary-revolutionary process in the system of social regulation of the state and society.*

Conclusion. *The variety of factors of legal genesis forms its integral objective picture. The process is mainly due to internal political, economic and humanitarian reasons, the complication of managerial functions, the development of the regulatory system of the producing form of economy. The law arises as a result of the splitting of mononorms and the emergence of new positive-binding rules of behavior due to a different organization of production, distribution and power. Monopolization and democratization of the legal sphere go hand in hand.*

Key words: *primitive society, law, state, legal genesis, archaic law, natural law, positive law, mononorms, judicial process.*

Правогенез: концептуально-методологический подход

Бочков А.А., Гурщенко П.В., Бочкова Г.Ш.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Исследование концептуально-методологических основ правогенеза не только помогает сформулировать понятие права, но и определить преемственность, сущность, функции юриспруденции. Происхождение права показывает его глубинные истоки, позволяет уяснить взаимодействие объективных и субъективных факторов, проектирует закономерности правового развития.

Цель работы – определить основные направления правогенеза с учетом новых научных данных, различных доктринальных теорий, выявить роль пред- и протоправа, его связь с правом естественным и позитивным, комплексно рассмотреть указанный процесс.

Материал и методы. Материалом исследования послужила учебная и научная литература, концептуальные подходы ведущих дореволюционных и современных авторов по проблемам правовозникновения, антропосоциогенеза, этнологии, этнографии, археологии и истории. Главные методы: диалектико-материалистический, системного анализа, толкования права, компаративистики, правового моделирования.

Результаты и их обсуждение. В статье предпринята попытка унифицировать многообразие факторов правовозникновения в гипотетическом изложении. Происхождение права рассматривается как закономерный эволюционно-революционный процесс в системе социального регулирования государства и общества.

Заключение. Многообразие факторов правовозникновения формируют его целостную объективную картину. Процесс обусловлен преимущественно внутренними политико-экономическими и гуманитарными причинами, усложнением управленческих функций, развитием нормативно-регулятивной системы производящей формы хозяйства. Право возникает в результате расщепления мононорм и появления новых позитивно-обязывающих правил поведения, обусловленных иной организацией производства, распределения и власти. Монополизация и демократизация правовой сферы идут рука об руку.

Ключевые слова: первобытное общество, право, государство, правовозникновение, архаическое право, естественное право, позитивное право, мононормы, судебный процесс.

The most important condition for anthroposociogenesis, the formation and development of society and the strengthening of the state is legal genesis (from). Legal genesis (Greek. genesis – birth, origin) is the moment of origin, emergence, the process of formation and development of a qualitatively new regulatory system. This is the process and result of the natural development of means and methods of regulation and protection of a state-organized society. Legal genesis is associated with quantitative accumulations, a break in gradualness and an abrupt transition to a new qualitative state. It is carried out on the basis of certain prerequisites created by the previous development associated with the transformation into a new system integrity. The problem concerns not only the past, the present, but also the future. It leaves its imprint on the essence of the state-legal reality, its functioning and improvement.

According to the pre-revolutionary “patriarch” of jurisprudence, Professor N.M. Korkunov (1853–1904), the most difficult question of jurisprudence is to explain how law originally arose and the very idea of law appeared [1, p. 112]. It is also necessary to solve – what came first, the idea of law, or the law itself? Does it arise arbitrarily or consciously, who, what creates it and for what? In accordance with this theory, N.M. Korkunov explained the origin of law either by the dictates of authority, government or contract: “It turns out to be a vicious circle – legal norms are established by contract, and the binding nature of the contract is the historical formation of a legal norm” [ibid., p. 101]. The contractual establishment of legal norms already presupposes the existence of law. The pre-revolutionary Russian lawyer of the beginning of the XX century, professor of Philosophy of Law I.V. Mikhailovsky (1867–1921), argued that the question of the origin of law had not been solved by science and existed only in the form of hypotheses [2, p. 221]. The teachings on the origin of law usually interact closely with

the concepts of the origin of the state, although they contain a lot of specific things. The study of this problem is far from complete. It is genetically related to the understanding of law and the purpose of all jurisprudence.

The purpose of the research is to determine the main directions of legal genesis, taking into account new scientific data, the analysis of doctrinal theories, to identify the role of archaic law, its formation and development, the connection with natural and positive law, a comprehensive consideration of this process.

Material and methods. The research material was educational and scientific literature, conceptual developments of leading pre-revolutionary and modern authors on the problems of legal genesis, anthroposociogenesis, ethnology, ethnography, archeology and history. Main methods: dialectical-materialistic, system analysis, interpretation of law, comparative studies, legal modeling.

Results and their discussion. The process of the origin of law has not received an unambiguous solution among scientists due to its complexity, versatility, remoteness in time, the presence of specific features of geographical, climatic, historical, national, religious, economic, social, political, cultural development. When analyzing this phenomenon, it is necessary to take into account different approaches of the authors, different conditions, circumstances of objective, subjective, natural, state, internal and external order, evolutionary and revolutionary. The process of primary (archaic), secondary, revived emergence of law, natural and positive law should also be borne in mind [3, p. 50–51]. Due to the diversity of law, we can talk about the origin of ideal and positive, natural and artificial law, typical and atypical, traditional and modernized law, earthly and eternal, oral and written law, real and virtual, typewritten and machine-readable law, the law of claims and privileges. It is necessary to clarify the

subject of the study mainly by the origin of customary law, which included the law as an act of princely, royal power.

Natural law is desirable, ideal, intuitive, pluralistic, based on human rights and freedoms, their equality from birth, morality, Nature, God. There is no single concept of natural law, its forms and sources. It develops naturally, of course, exists orally, as established and recognized rules of behavior in society, fixed primarily in customs and traditions. It is believed, that it is based on the absolute idea of law, its principles, requirements, the natural order of things, God's will and justice, human nature and his mind. The source of natural law is the hope for a better life, morality, conscience, legal awareness, democratic aspirations, communicative, dialogical environment. The well-known lawyers Jerome Stroynovsky, Kazimir Narbut, Anthony Zagursky (XVIII century) adhered to the natural-legal views on the Belarusian lands. From the standpoint of natural law in the XVI–XVII centuries, the need to embody justice in the laws adopted was justified by F. Skorina, S. Budny, M. Litvin, A. Volan, A. Olizarovsky, etc.

Positive law (Latin *positivus* – positive) is the norms created or recognized by the state (the world community), having a specific content and form, uniform, binding rules of conduct for the whole society, existing in written (digital) form. The term positive state law was introduced into legal science and practice at the end of the XVI–beginning of the XVII century by the Dutch thinker G. Grotius as opposed to natural and divine law [4, p. 264]. The dualism of natural and positive law is imaginary, because in fact, it presupposes unity, since without the first there is no second and vice versa.

There are theological, patriarchal, natural-legal, historical, normative, psychological, Marxist, dialogical, communicative concepts, etc., which have their pros and cons, activating attention on various aspects of the origin of law. The authors of the theories deduced law from customs, faith, the life of the patriarchal family, natural inalienable human rights, the people's will, the national spirit, the creation of a "peaceful" environment, the state monopoly on the use of force, the psyche of people, class antagonisms, the will of the ruling class, consent, etc.

The origin of law is connected with the development and decomposition of primitive society, in the depths of which its prerequisites are formed. The emergence of law is an indicator of the disintegration of the unity of a primitive society based on traditions, myths, and anthropomorphism. On the other hand, it is an attempt to bind, consolidate

society with the help of legal norms that have a public, binding, non-personified, formally equal character for all. Another thing is that this attempt did not lead to success and opposed one part of society to another, the minority to the majority.

The process of the origin of law is, first of all, a process of long-term social evolution and a qualitative revolutionary leap in the system of social regulation associated with both the development of the individual and society. At the same time, the anthropological constants of man (openness to the world, plasticity of the instinctual and intellectual structure) are aimed at adapting, creating, constructing their own nature, which, of course, includes law and the state as factors of stability, order, management, designed for joint life. At the same time, the inner mental life of a person receives an externally expressed (symbolic and social) form of its existence (exteriorization) [5, p. 135].

Among the social factors, scientists distinguish the following: the prohibition of incest; the improvement of marital relations; the development of culture with its rituals; the formation of human consciousness; the establishment of intertribal and new communicative ties [6, p. 5]

The talented pre-revolutionary philosopher V.S. Solovyov (1853–1900) deduced the origin of law from the instinctive ancestral mind, ancestral (folk, tribal) spirit, a custom, a contract aimed at achieving common benefit. According to the author, it is from the meeting of individual freedom and public welfare that law is born [7, p. 6–9, 39]. At the same time, it is impossible to discard both the personalized and collective power interest that moved people when seizing power and formulating rules of behavior. The Russian scientist A.F. Cherdantsev considers that objective (natural) reasons for the origin of are the production of material goods; the production of the person himself; the complication of public management functions; the development of the normative, regulatory system of society, its ideology (taboos, myths, rituals) [8, p. 53–54]. The transition from potestary (public) power to public power played an important role in the origin of law. This required the emergence of a new system of social governance – law, which was able to perform both general social and class (elite) functions in the new conditions. Only the public authority in its legal guise could ensure the economic development of society, the management of the territories of public education, the publication of mandatory regulations for all, the use of public coercion, the protection and expansion of its borders.

According to Professor A.V. Polyakov, the problem of legal genesis is closely related to the process of ethnogenesis (an ethnos is a collective of people with a special internal structure and an original stereotype of behavior that opposes itself to similar collectives). In his communicative theory of law, A.V. Polyakov relies on the teachings of L.N. Gumilev (1912–1992), the creator of the passionary theory of ethnogenesis, who wrote that an ethnos at the time of its origin is a group of similar individuals who adapted a certain landscape region to their needs and at the same time adapted themselves to it.

In order to maintain the achieved ethno-landscape balance, it is necessary that descendants repeat the deeds of their ancestors at least in relation to their surrounding nature. In historical science, this is termed tradition [5, p. 140–141].

The concept of interaction between natural (primeval, primitive, early, archaic, ancient, traditional pre-law, proto-law) and positive law created and conditioned by the state deserves attention. They are related to each other, but not identical. At the same time, natural law appears in the form of customs, rites, rituals and develops earlier, carrying out social regulation in primitive society. Then it is fixed in positive law, relying on the power of the state. The subject of the origin of archaic law relates primarily to legal ethnology.

It is necessary to agree with the position of the Russian professor V.V. Ershov that initially the law appeared as a result of an agreement between people (consensus) in the form of customs in law and contracts containing rules of conduct [9, p. 161].

The primitive system, which lasted hundreds of thousands of years, preceded the stage of statehood and human rights. Social regulation was aimed at limiting antisocial conflictogenic behavior through prohibitions and restrictions within the framework of the “can–can’t” model. The economic basis of primitive society was collective (primary communal) property. A characteristic feature of the community is collectivism, since in conditions of a low level of development of productive forces, a person alone could not survive. Production (hunting, fishing, gathering), management (primitive democracy) and the equalizing distribution of consumer products were collective.

The existing division of labor was due to natural and age-related characteristics. Since there was no excess surplus product, there was no accumulation of wealth in the hands of one group of the population. There was no inequality and exploitation. The whole

life was aimed at preserving the whole collective, the genus.

Man was a “group” natural being. Group values held together a holistic way of life. Ancient thinking was magical, artistic and imaginative. The average life expectancy in the Ancient and Middle Stone Age was 26 years; in the Paleolithic and Mesolithic era, people lived to the age of over 30 years, in the Bronze Age, the number of people who crossed a fairly low threshold of old age did not reach 2% [10, p. 43, 66]. Causes: diseases, famine, natural disasters, conflicts, death on the hunt. However, the birth rate was also very high.

Unfortunately, the ancient man, the subject of primitive culture, is often represented as a wild and primitive being, unable to think logically and deprived of his own “I”. However, this is not a correct representation. He was characterized by collectivism, spiritual universalism and religiosity, moderation and the ability to self-sacrifice. It is their absence in modern man (as well as egocentrism, ingratitude, arrogance, loss of conscience) that leads civilization to destruction. The American ethnographer R. Barton, who studied the life of the Filipino Infugao tribe in the field, noted the high level of mental development of the people of this tribe, who had to know hundreds of gods with their functions, preferences, remember rituals, magic and myths. And since they have no books and records, they must have a memory more excellent than that of a white man. Therefore, many Infugao know their ancestors for 10 and 15 generations, as well as siblings of their ancestors. The Soviet and Russian archaeologist B.A. Rybakov (1908–2001), studying ancient Russian paganism, wrote that a simple rural magician should know and remember all the rituals, conspiracies, ritual songs, be able to calculate the calendar dates of magical actions, know the healing properties of herbs. In terms of the amount of knowledge, he is approaching a modern professor of ethnography [Ibid., p. 66–68].

A characteristic feature of primitive society was the syncretism (unity, non-separateness) of man and society, the individual and the genus, material and ideal, natural and supernatural. If at the beginning we are talking about a natural unconscious collectivity, then it turns into a collective one based on social experience, traditions, myths, rituals, knowledge [Ibid., p. 45, 58].

The forms of expression of social norms were myths, customs, traditions, rites and rituals. The forms and methods were traditional, conservative, turned to the “sacred” experience of the ancestors, preserved for centuries. The past dominated

the present. This gave reason to I. Kant to declare that “the dead control the living.” Since the society was based on traditions, it was called traditional. The old people were the bearers of traditions, information about the past. Old age was considered synonymous with experience, wisdom, and was endowed with high authority. Hence respect, veneration of elders, gerontocracy and patriarchy.

According to the collector of Australian myths, ethnographer W. McConnell, the main function of the myth is a set of “good and bad” examples. Man in myths was perceived as a part of nature. Hence, the characteristic feature of this society is anthropomorphism, which meant humanization, spiritualization of nature, endowing it with physical and spiritual qualities of a person, their integrity and unity. There is a hypothesis of the religious origin of social norms and law. Religion is based on the recognition by man of the activity of a supernatural agent – the souls of ancestors, deities, demons, to whom they turn for protection, help, etc. Religion was perceived as a propitiation and pacification of forces above man. Magic is based on the activity of the person himself, who is able to benefit or harm people with the help of supernatural forces (“white” and “black” magic) [Ibid., p. 66, 77]. It was the religious norm that regulated many types of social relations and subsequently created the spiritual basis of legal norms and (or) acted with them in parallel.

The problem of archaic normatics is debatable. Some authors talk about customs (pre-law), magico-religious phenomena (vows, spells, curses), morality; others (in particular, the Soviet and Russian historian, ethnographer, professor A.I. Pershits) argue that primitive society was regulated by mononorms. They combined structural-organizational, moral-ethical and religious-mythological aspects, synthesized all spheres of potestar-social relations [Ibid., p. 155].

Mononorms are unified, merged, undifferentiated norms of morality, pre-law, religion, customs, traditions that regulate the life of primitive society. They expressed the collective interests of the clan and tribe, were regulated by customs, not fixed in writing, provided mainly by force of habit, imitation (imitation); they considered prohibition (taboo) the leading way of influence, reflected the inseparability of rights and duties, as well as the unity of material and ideal, real and religious, rational and irrational.

The mononorms of primitive society regulated the appropriating economy and the potestar form of power. They were distinguished by concreteness, objectivity and casuistry, and aimed at human survival

in difficult natural conditions, the preservation of the whole. However, mononorms constrained the individual initiative of the members of the genus, acted in the form of strict, indisputable rules. They ensured the biological existence of a “group” person.

However, not all scientists agree with this. According to Professor G.F. Shershenevich (1863–1912), the law did not appear as a result of the differentiation of mononorms and due to the emergence of the court as an authority, it appeared from the general mass of social rules [11, p. 114–115]. It seems that archaic law was formed largely spontaneously in the form of rights and obligations, sanctions, a special dispute resolution procedure (fights, trials by ordeal or God’s judgement, the institution of an oath or vow, reconciliation of the parties, the institution of blood feud, payment of compensation, institutions of hostages, intermediaries, etc.) Court, normativity, contract, coercion, institution mutual hostage-taking, exogamous marriage were prerequisites for the formation of law. Leaders, their children, and close relatives were taken hostage. For example, in Egypt, under Amenhotep II (1450–1425 BC), 232 sons and 323 daughters of local nobles were taken out of Asia to ensure the obedience of their fathers. Then the institution of hostage-taking was turned into the institution of dynastic marriages [12, p. 12–13].

The origins of law appear in the transition period from mononormatics regulating and protecting public, group interests to legal customs that protected the private property interests of the individual from the claims of the clan and community. The origins of the law lie in the pre-legal procedure (“fictitious altercation” when the parties loudly expressed their opinion in public; public smoking of the “peace pipe” with the leader; a deadly fight with the “champion”); settlement of disputes and conflicts by mediators authorized by the society, and then by permanent courts. “Neolithic” courts as the source of law dealt with criminal, property-commercial, family-marriage disputes, inheritance issues, etc. The procedures were mainly aimed at resolving the constant conflicts around the emerging private property. The land, property, criminal, family norms were established. The judges were elders, chiefs, shamans, priests, authoritative people specially authorized by the community or tribe. The law comes from legal proceedings [13, p. 37–43]. Professor A.B. Vengerov’s point of view appears convincing when he states that law arises both by splitting “mononorm” into norms of law and morality, and by the emergence of new, positively binding rules conditioned by the organization of agriculture, cattle breeding and handicrafts

(sowing, crop care, harvesting, distribution, hunting, fishing) [14, p. 58].

A sharp climate change at the end of the Upper Paleolithic (12 thousand years ago), which, according to the latest scientific data, occurred due to the fall of a giant meteorite, led to the extinction of megafauna. Settled tribal communities began to break up into small wandering groups, as a result of which the clan largely weakened its regulatory and controlling functions. The mobilization of all productive forces associated with gigantic natural and climatic changes led to the Neolithic revolution, which marked a colossal technological, economic, cultural and social breakthrough [Ibid. p. 50–67]. The transition from the appropriating economy to the producing one – cattle breeding and agriculture – made it possible to receive a regular surplus product. In the new economic and social conditions, the family could already survive on its own, which weakened the family ties. There is a rapid population growth, a new institution of marriage, property and inheritance is being formed. The ancient principle of universal participation in government (primitive democracy) is replaced by the principle of proportional representation, the special role of the council of the clan, phratry, tribe. The emerging socio-economic relations required new, more mobile social regulators. The transition from mononorm to legal customs is underway. Mononorms are divided into moral norms (regulating mainly intra-tribal relations) and legal customs that consolidate into a system of customary law aimed at preventing intra-social conflicts, primarily intra-communal and intra-tribal. Millions of years of evolution, improvement of tools, forms of community, family and marriage relations led to the formation of a tribal community that united a group of relatives with a common origin, common economic activities, common places of residence and burial. All this was held together by joint rituals.

The development of productive forces, the improvement of labor tools, the emergence of surplus product, private property, classes with opposing interests, and, consequently, new tasks required a new system of social regulation in the form of law, which is dialectically, inextricably linked with the state. There was a deeper continuity between the mononorms of primitive society and the norms of law than between the organs of tribal self-government and the organs of the state [15, p. 41].

The influence of the evolution of mental processes on the legitimization of society, legal progress,

personification of a person, change of his legal status needs additional research. Only a developed collective intelligence is able to create effective means of legal regulation.

Intelligence is inextricably linked with law, not only as a product, the result of its creativity, activity, but also a necessary condition for implementation, realization. Outside the law, a civilized human society is doomed to perish.

The emergence of law is the second revolutionary leap (after the emergence of a social norm) in the regulatory system, which was historically inevitable, natural and progressive. Law is not only violence, prisons, police, courts, punishment, but also, to a greater extent, progress, culture, civilization, consensus. The emergence of law has played a revolutionary role in social regulation due to the definition of a measure of proper, obligatory behavior, the emergence of a norm as a general, typical rule, measure, evaluation system. Law has acted as a powerful, stabilizing, humanizing factor, balancing relations between people, putting them in a certain civilized framework. Only the law can restrain human aggression, control it, and direct it in a positive channel. Otherwise, in the conditions of improving tools and equipment, this could lead to serious cataclysms and mutual extermination.

The origin of law has its own specifics in ancient Eastern and Western societies.

In the eastern way of the formation of law, the main means to consolidate (formalize) legal norms are collections of religious and moral teachings (the laws of King Hammurabi, the laws of Manu, the laws of the XII tables, etc.). In them, legal norms, which were usually casual in nature, were supplemented, if necessary, by ancient customs and specific orders of the monarch and higher officials. Ethicocentrism was complemented by imperativeness. The eastern path of the origin of the law was conditioned by the need to conduct large-scale irrigation work in conditions of a low level of labor productivity development.

According to the existing views, the specificity of the Western way of the emergence of law is that in order to protect the rights of owners, the privileges of the ruling class, legislation is gradually being formed that has institutionality, formalization, certainty, obligation, proceduralism, regulating, first of all, power, property and personal non-property relations. Law acts as the basis for the organization of power, the establishment and consolidation of its structure. It arises as a result of property inequality, the emergence of private property and the split of society into classes. The land is privately owned. There is

a constant struggle between the haves and the have-nots, where law, as an expression of a certain level of class struggle, acted as a sharp, unmixed, undistorted expression of the domination of one class over another [16, p. 418].

The ascent of law to its civilized forms was a long, difficult, sometimes contradictory process from the law of the strong (“fist law”), through legal custom, case law to contractual, statutory (positive) state law.

The Russian law theorist, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Professor S.S. Alekseev, linking the development of law and civilization, identified the following stages of its formation: the law of the strong, the law of power, the law of the state. In his opinion, the highest stage of civilization development, where positive law approaches natural law, is the law of civil society [17, p. 297–304]. It seems that we should be talking about a single law of a consolidated state-civil society.

A specialist in the field of the theory of the origin of the state and law, Professor T.V. Kashanina, distinguishes in the legal genesis: the stage of childhood (archaic law) from the moment of its origin to the IX–XI centuries, as tribal, folk, customary, barbaric, primitive, vulgar law, which is of a local character in the form of customs implemented by the proto-state; the stage of youth (estate or corporate law of the IX–XI centuries and XIII–XV centuries) and calls it the proto-law or the predecessor of law; the stage of maturity (developed national law XIV–XVII centuries: England – XIV century, Germany – XVII century; Russia: XVIII century – to the present), when the norms of law are formulated mainly by the legislative bodies of the state, and legal systems tend to unite into one world system of law [18, p. 217–220].

The first written evidence of the appearance of archaic law dates back to the VII century BC (Ancient Egypt), the laws of King Hammurabi – to 1792–1750 BC (Ancient Babylon), the laws of Solon – to 640 and 635 – about 559 BC (Ancient Greece), the laws of the XII tables – to 451–450 BC (Ancient Rome), Salic truth – by 496 (continental Europe), Ethelbert’s laws – by 600 (Anglo-Saxon legal source), Russian truth – by 1016. (Kievan Rus) [Ibid., p. 220–221]. According to Professor A.B. Vengerov, law as an integral regulatory institution appears at the turn of the IV–III millennium BC in agro-calendars [14, p. 61].

Conclusion. It can be stated that there is no clear idea of the legal genesis, existing in the form of various hypotheses. It can be considered one of the eight objectively unsolvable (along with consciousness)

world riddles, problems [19, p. 135]. It can be noted that this process is complex, stretched over time, natural (from the internal tendencies of society) and artificial (purposeful), rational (conscious) and irrational (unconscious), when the collective consciousness takes already established forms.

The study of legal genesis allows us to consider law not only as a phenomenon caused by legal technology, state lawmaking and law enforcement, but created primarily by socio-cultural factors of an objective and subjective order. At the same time, the state, in isolation from the people, is unable to completely monopolize the sphere of creation and use of law. Only law that relies in its genesis on dialogue, the complementarity of tradition and innovation, statics and dynamics, will and freedom, dialectics of form and content can remain viable. A huge role in the legitimacy of the sanctioned rules of conduct is played by the preservation of customs, traditions, rituals, intuitive law, the “spirit of the people”, creating a sense of continuity, stability and confidence in the future. Law can exist only as a person’s relationship with Others (A.V. Polyakov, I.L. Chestnov) [20, p. 7, 34–37, 44]. The economic reason for the emergence of law was the need to protect private property and the legal regulation of equivalent economic exchange in the emerging commodity-money relations. The birth of the law arises as a “legitimate” formalization of power by the elected, representative structures of the generic organization, the “best” people (with subsequent transfer) to streamline public relations. Law and public authority arise simultaneously, supporting, sanctioning and complementing each other, making it mandatory to comply with the rules (norms) of behavior and create a “reconciled” (M.M. Kovalevsky) environment. The transition from a “group” person to a personality led to a weakening of collective control, an increase in self-confidence, permissiveness, an increase in contradictions and conflicts in society. The emergence of law was caused by the emergence of anti-law, massive violations of mononorm, customs and traditions that undermine the normal existence of society. An external, more specific, strict, mandatory regulator was needed, behind which there would stand the formidable face of public power, the power of the state apparatus and the possibility of coercion.

The appearance of law can be judged by its following main characteristics: publicity, effectiveness (R.A. Romashov), normativity, obligation, compulsion, formalization, non-personification, procedural, etc. This is evidence of the transition

of society to a civilized stage, when human individuals have a certain social freedom, exercise independent choice and bear legal responsibility on the basis of socially recognized norms of duty.

The general laws of the development of modern law are the transition from prohibitive to permissive regulation and the expansion of the scope of subjective human and citizen rights; from the estate-legal status to the legal status of an autonomous responsible person; from positive law to contract law and self-regulation; the increasing binding of the state by legal laws, the improvement of the system of legal means.

The task of law is to contribute to the existence of society, to create favorable conditions for this. Therefore, it must be legal and legitimate, social and just, the law of the people, for the people and in the interests of the people.

References

1. Korkunov, N.M. Lectures on the general theory of law by N.M. Korkunov, Professor of St. Petersburg University / N.M. Korkunov. – 9th ed. – St. Petersburg Publishing House of Law bookshop of N. K. Martynov: 1898. – 354 p.
2. Mikhailovsky, I.V. Essays on the philosophy of law. / Mikhailovsky I.V. – Tomsk: V.M. Posokhin, 1914. – Vol. 1. – 632 p.
3. Demichev, D.M. The origin of law: general characteristics / D.M. Demichev, A.A. Bochkov // General theory of law: textbook. – 2nd ed. – Minsk: Higher School, 2022. – P. 50–67.
4. Mickiewicz, A.V. Positive law and the social process of its formation / A.V. Mickiewicz // Problems of the general theory of law and the state: textbook / under the general editorship of V.S. Nersesyants. – 2nd ed., revised. – M.: Norm: INFRA-M, 2016. – P. 261–270.
5. Polyakov, A.V. Legal genesis / A.V. Polyakov // General Theory of Law. A course of lectures. – St. Petersburg, Publishing House of “The Legal Center Press”, 2001. – P. 132–165.
6. Bobylev, A.I. On the question of the concepts of the origin of law and the state / A.I. Bobylev // Law and Politics. – 2001. – No. 11. – P. 4–14.
7. Solovyov, V.S. Preliminary remarks on law in general / V.S. Solovyov // Law and morality. – Mn.: Harvest, M.: AST, 2001. – P. 6–21.
8. Cherdantsev, A.F. The Origin of state and law / A.F. Cherdantsev // Theory of state and law. – M.: Yurayt-M., 1999. – P. 50–69.
9. Krotkova, N.V. XV International scientific and practical conference “Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice” and scientific “round table.” “Legal science as a socio-cultural institute: intensification of personnel, methodological and theoretical potential” / N.V. Krotkova // State and Law. – 2021. – № 9. – P. 159–181.
10. Maltsev, G.V. Conditions and prerequisites of the genesis of law / G.V. Maltsev // Problems of the general theory of law and the state: textbook / under the general editorship of V.S. Nersesyants. – 2nd ed., revised. – M.: Norm: INFRA-M. – 2016. – P. 42–86.
11. Shershenevich, G.F. General theory of law. Textbook / G.F. Shershenevich – Vol. 2, iss. 2, 3, 4. – M., 1995. – P. 86–116.
12. Shalyutin, B.S. The formation of law / B.S. Shalyutin // State and law. – 2011. – No. 5. – P. 5–16.
13. Sheptalin, A.A. On the origins of law from the standpoint of legal anthropology / A.A. Sheptalin // Journal of Russian Law. – 2022. – Vol. 26, № 3. – P. 35–47.
14. Vengerov, A.B. The origin of law / A.B. Vengerov // Theory of state and law: Textbook for law schools. – 3rd ed. – M.: Jurisprudence, 2000. – P. 49–71.
15. Korelsky, V.M. The origin of the state and law / V.M. Korelsky // Theory of state and law, edited by V.M. Korelsky and V.D. Perevalov. – M., 1999. – P. 38–60.
16. Engels, F. Konrad Schmidt in Berlin / F. Engels // K. Marx, F. Engels. Essays: in 39 volumes. Vol. 37. – M.: The Publishing House of Polit. Literature, 1965. – P. 414–422.
17. Alekseev, S.S. Facets of law / S.S. Alekseev // Law: ABC – theory – philosophy: experience of complex research. – M.: Publishing house Statute, 1999. – P. 273–312.
18. Kashanina, T.V. Childhood of law – archaic law / T.V. Kashanina // The origin of state and law. Modern interpretations and new approaches. – Moscow: Yurist, 1999. – P. 217–235.
19. Bochkov, A.A. Intellectual nature of law in the conditions of digital transformation of society / A.A. Bochkov // Legal Concept = the legal paradigm. – 2021. – Vol. 20, № 2. – P. 134–142.
20. Lomakina, I.B. Traditions and innovations in the genesis of law and the teachings of law (on the example of natural law / I.B. Lomakina, D.I. Lukovskaya // Legal genesis: tradition, will, law: a collective monograph / edited by R.A. Romashov. – St. Petersburg: Aleteya, 2021. – P. 34–51.

Поступила в редакцию 27.03.2023

Пределы противоправного поведения при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию и соотношение его с деяниями, связанными с риском

Петров А.П., Вишнеvский О.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Во многих случаях осуществление оперативно-розыскной деятельности (ОРД) является единственным способом выявления и раскрытия преступлений, розыска скрывающихся преступников и их задержания.

Для решения задач по раскрытию преступлений граждане и сотрудники органов внутренних дел (ОВД) подвергаются определенному риску, в том числе и риску вынужденного совершения деяний, подпадающих под уголовно наказуемые признаки. Преследуя общественно полезные цели, эти лица становятся субъектами преступлений и подлежат уголовной ответственности. Поэтому актуально и значимо совмещение правовой защиты данных лиц и выполнения задач по раскрытию преступлений.

Цель работы – выявление проблемных аспектов при пребывании соучастников преступления по специальному заданию и определение соотношения с деяниями, связанными с риском.

Материал и методы. Материалом исследования являются правовые источники, научные публикации по теме статьи. В работе использовались общенаучные методы, а также частно-правовые методы, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию тесно и неразрывно связано с ОРД и практически реализуется при проведении оперативного внедрения.

Проникновение и нахождение в преступной среде гражданина или лица органа, осуществляющего ОРД для предупреждения, внедрения и (или) пресечения преступлений часто по очевидным обстоятельствам может быть связано с совершением им противоправных деяний.

Преследуя общественно полезные цели, они могут быть вынуждены совершать то или иное преступление. По этой причине государство, со своей стороны, должно гарантировать защиту данной категории лиц.

Заключение. Проблема пребывания среди соучастников преступления по специальному заданию имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Различные подходы к правовой природе обстоятельства, предусмотренного ст. 38 УК Республики Беларусь, могут влиять на правоприменительную практику, иметь правоприменительное значение. Особо значима эта норма для сотрудников правоохранительных органов, для которых она носит многоаспектный характер. В данном случае речь идет об ее использовании непосредственно при осуществлении деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений.

Ключевые слова: специальное задание, подвергнуться определенному риску, причинение вреда, оперативное внедрение, преступная среда, тяжкие и особо тяжкие преступления, оперативно-розыскная деятельность, сотрудник правоохранительных органов, субъект преступления.

Limits of Illegal Behavior when Staying among Accomplices of a Crime on a Special Assignment and its Correlation with Acts Associated with Risk

Petrov A.P., Vishnevsky O.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

In many cases, the implementation of operational investigative activities (OIA) is the only way to identify and solve crimes, search for fugitive criminals and their detention.

In order to solve the tasks of crime detection, citizens and employees of the internal affairs bodies (LIU) are exposed to a certain risk, including the risk of forced commission of acts that fall under criminally punishable signs. Pursuing socially useful goals, these persons become subjects of crimes and are subject to criminal liability. Therefore, it is relevant and significant to combine the legal protection of these persons and the fulfillment of tasks to solve crimes.

The purpose of the work is to identify problematic aspects during the stay of accomplices of a crime on a special assignment and to identify the relationship with acts associated with risk.

Materials and methods. The research materials are legal sources, scientific publications on the topic of the article. The work used general scientific methods, as well as private legal methods, comparative legal and historical legal.

Findings and their discussion. Being among the accomplices of a crime on a special assignment is closely and inextricably linked with the OIA, and is practically implemented during operational implementation.

Penetration and presence in the criminal environment of a citizen or a person of the body carrying out the OIA for the prevention, introduction and (or) suppression of crimes can often, for obvious reasons, be associated with the commission of illegal acts by him.

Pursuing socially useful goals, they may be forced to commit this or that crime. For this reason, the State, for its part, must guarantee the protection to this category of persons.

Conclusion. *The problem of being among the accomplices of a crime on a special assignment has not only theoretical, but also practical significance. Different approaches to the legal nature of the circumstances provided for in Article 38 of the Criminal Code of the Republic of Belarus may affect law enforcement practice and have law enforcement significance. This norm is of particular importance for law enforcement officers, for whom it has a multidimensional character. In this case, we are talking about its use directly in the implementation of activities for the prevention, detection, suppression and detection of crimes.*

Key words: *special task, to be exposed to a certain risk, harm, operational penetration, criminal environment, serious and especially serious crimes, operational investigative activity, law enforcement officer, subject of crime.*

Во многих случаях осуществление ОРД является единственным способом выявления и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников и их задержания. Общие правовые основы этой деятельности определены Законами от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД) [1] и от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [2].

Так, в соответствии со ст. 24 Закона об ОВД для выполнения возложенных на ОВД задач в пределах компетенции им предоставляется право на осуществление ОРД. А в соответствии со ст. 7 указанного Закона граждане могут добровольно участвовать в решении задач, стоящих перед ОВД, в том числе на конфиденциальной основе, в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

На практике возникают ситуации, когда для решения задач, стоящих перед ОВД, граждане и сотрудники ОВД подвергаются определенному риску, в том числе и риску вынужденного совершения деяний, подпадающих под признаки уголовно наказуемых. Преследуя общественно полезные цели, эти лица становятся субъектами преступлений и подлежат уголовной ответственности. Отсюда обоснованно встает вопрос о совмещении правовой защиты данных лиц и выполнения задач, возложенных на ОВД, по противодействию преступным посягательствам. Впервые такие правовые гарантии нашли законодательное закрепление в Законе от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности» и получили свое развитие и закрепление уже в Законе об ОРД 2015 г., где в ст. 19 указывается, что должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданином, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, гражданином, привлеченным органом, осуществляющим ОРД, к подготовке проведения ОРМ

и (или) участвующим в нем, при проведении ОРМ может быть вынужденно причинен вред правоохраняемым интересам в случаях и порядке, предусмотренных актами законодательства об ОРД. Причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращаемый. Поэтому такое обстоятельство, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию в УК было неслучайным и обусловлено потребностями ОРД.

Цель работы – выявление проблемных аспектов при пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию и определение соотношения с деяниями, связанными с риском.

Материал и методы. Нормативную базу работы составили Конституция Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) и др. Теоретическая основа исследования состоит из работ представителей науки уголовного права, посвященных вопросам уголовной ответственности и нормам об освобождении от уголовной ответственности; монографий, научных статей, авторефератов и текстов диссертаций. При написании статьи использовались как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция, метод обобщения), так и частнонаучные методы познания: логический, сравнительно-правовой, историко-правовой.

Результаты и их обсуждение. Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию тесно и неразрывно связано с ОРД, а практически реализуется при проведении оперативного внедрения. Так, в Законе об ОРД (ст. 33) определяется понятие оперативного внедрения как проникновение должностного лица органа, осуществляющего ОРД, или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, в окружение гражданина или среду граждан для получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД. Такое проникнове-

ние и нахождение в преступной среде этих лиц для предупреждения, выявления и (или) пресечения преступлений часто по очевидным обстоятельствам может быть связано с совершением ими противоправных деяний.

Преследуя общественно полезные цели, они могут быть вынуждены совершить то или иное преступление. По этой причине государство, со своей стороны, должно гарантировать защиту данной категории лиц. И здесь исключительное значение имело включение в УК 1999 г. ст. 38 Республики Беларусь, в которой впервые в истории белорусского уголовного законодательства было сформулировано положение о том, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступлений и действуя с другими участниками, вынужденно совершит преступление.

Таким образом, с принятием УК 1999 г. норма о пребывании среди соучастников преступления по специальному заданию получила самостоятельное законодательное закрепление. Однако по ряду аспектов рассматриваемой темы среди ученых и правоприменителей отсутствует единое мнение, существует ряд проблем и противоречий по применению данной нормы, требующих своего разрешения. Так, одним из наиболее дискуссионных в теории уголовного права является вопрос об отнесении, предусмотренного ст. 38 УК Республики Беларусь, обстоятельства к включающему преступность деяния.

Итак, гл. 6 УК Республики Беларусь, в которой содержится в том числе и ст. 38, называется «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния». Но пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию видится «выбывающим» из перечня обстоятельств, включенных в нее. Относительно других обстоятельств, содержащихся в гл. 6 УК Республики Беларусь (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, деяние, связанное с риском, исполнение приказа или распоряжения), прямо указывается, что они не являются преступлениями, т.е. разрешены законом и не являются противоправными. В отношении рассматриваемого обстоятельства следует сказать, что оно к таковым не относится. Так, в ч. 1 ст. 38 УК Республики Беларусь прямо отмечается, что лицо совершает преступление. В этой связи включение данного обстоятельства в гл. 6

УК Республики Беларусь не меняет юридическую природу того, что объективно существует и порождает возникновение обязанности подлечь уголовной ответственности. Исключить эту обязанность практически невозможно, так как в соответствии с ч. 3 ст. 3 УК Республики Беларусь лица, совершившие преступления, подлежат уголовной ответственности. От данной обязанности можно только освободить.

При этом, нельзя не обратить внимания и на то, что законодатель при характеристике правовых последствий совершения преступления лицом, пребывающим среди соучастников преступления по специальному заданию, использует формулировку «не подлежит уголовной ответственности». Такая формулировка видится юридически некорректной, так как лицо не подлежит уголовной ответственности в том случае, когда в его деянии нет состава преступления. Указывая, что лицо в данном случае не подлежит уголовной ответственности, скорее всего, законодатель руководствовался соображениями нецелесообразности уголовного преследования. Но ведь любой факт исключения уголовной ответственности выступает следствием только непроступности деяния. Также вряд ли само по себе пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию исключает преступность деяния. Речь идет не об обстоятельстве, исключающем преступность деяния, а о конкретной ситуации, в которой такое обстоятельство проявляет себя. По этой причине более корректным и правильным будет определение его как обстоятельства, при котором исключается уголовная ответственность.

В связи с вышеизложенным логичной видится позиция Э.А. Саркисовой о том, что указанное обстоятельство, хотя и сходно по своей юридической природе с обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, вместе с тем таковым не является. Оно считается обстоятельством, исключаящим уголовную ответственность за совершенные преступления [3, с. 322].

С учетом изложенных моментов представляется целесообразным при сохранении ст. 38 УК Республики Беларусь в гл. 6 изложить ее в следующей редакции: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам лицом, которое, выполняя специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления, принимает участие в группе, организованной группе или преступной организации». При сохранении существующей редакции названной статьи

полагается логичным ее исключить из гл. 6 УК Республики Беларусь и поместить после ст. 16 УК о соучастии в преступлении, так как содержание данной нормы не вписывается в нормативный материал указанной главы УК с юридической точки зрения.

Кроме того, сегодня не разработаны и на законодательном уровне не закреплены конкретные критерии противоправной деятельности лица, пребывающего среди соучастников преступления по специальному заданию.

Так же видится оправданной корректировка содержания ч. 2 ст. 38 УК Республики Беларусь, в которой запрещается лицу, пребывающему среди соучастников преступления по специальному заданию, совершать любые тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь или здоровье человека. Совершение этих преступлений влечет ответственность на общих основаниях. Данное положение вряд ли можно назвать справедливым, так как часто отказ от совершения такого преступления создает не только угрозу разоблачения внедренного лица, но и угрозу его жизни, безопасности других лиц. И хотя совершение преступления в этих случаях в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 63 УК Республики Беларусь и рассматривается как обстоятельство, смягчающее ответственность, однако ст. 69 УК Республики Беларусь, регламентирующая назначение наказания, при этом не распространяется на указанный пункт. Таким образом, целесообразно изложить ч. 2 ст. 38 УК Республики Беларусь в следующей редакции: «Лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека при выполнении специального задания для достижения целей, указанных в части первой настоящей статьи, подлежит уголовной ответственности на общих основаниях, однако ему не может быть назначено наказание в виде смертной казни или пожизненного заключения, а наказание в виде лишения свободы не может превышать половины максимального срока, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Еще одним дискуссионным вопросом рассматриваемой темы является вопрос о возможности существования обстоятельства, предусмотренного ст. 38 УК Республики Беларусь. Анализируя условия правомерности совершения преступления лицом, находящимся по специальному заданию среди других соучастников, закрепленных в ч. 1 ст. 38 УК Республики Беларусь, можно гово-

рить о том, что рассматриваемое обстоятельство может сочетать в себе и некоторые иные, предусмотренные гл. 6 УК Республики Беларусь. Например, одним из условий правомерности является вынужденность совершения преступления. Соблюдение этого условия будет иметь место в случае, когда отказ от совершения преступления создает угрозу разоблачения внедренного лица, его безопасности или безопасности иных лиц, т.е. лицо не имеет никаких возможностей избежать содеянного, что, в свою очередь, ведет к невозможности достижения цели его пребывания среди соучастников преступления по специальному заданию: предупреждению, выявлению и пресечению преступлений [4, с. 408]. Аналогичное условие, характеризующее правомерность действий, содержит в себе обстоятельство «крайняя необходимость» – отсутствие возможности устранения непосредственной опасности иными средствами.

Более того, пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию всегда связано с определенным риском. Так, Закон об ОВД (ст. 37) закрепляет право сотрудника ОВД на обоснованный профессиональный риск: причинение сотрудником ОВД вреда при обоснованном профессиональном риске для достижения общественно полезной цели не является правонарушением. Профессиональный риск признается обоснованным, если совершенное сотрудником ОВД деяние объективно вытекало из сложившейся обстановки, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и сотрудник ОВД, допустивший риск, принял все возможные меры для предотвращения вреда охраняемым законом интересам.

Существуют и другие ситуации, связанные с риском, которые сопряжены с возможностью причинения вреда государственным, общественным и личным интересам. Однако если вред является малозначительным, а общественно полезная цель очевидна, то вопрос о правомерности таких действий, как правило, не возникает. Это значит, что причинение подобного вреда не нуждается в специальной регламентации и детальном перечислении условий правомерности. Необходимость возникает лишь в случае причинения вреда, за который предусмотрена уголовная ответственность. Именно такие действия должны подлежать уголовно-правовой оценке.

В ст. 39 УК Республики Беларусь сформулированы условия правомерности деяния, связанного с риском. Все условия правомерности целе-

сообразно классифицировать по трем основным группам:

- 1) условия правомерности, относящиеся к оправданности риска;
- 2) условия правомерности, относящиеся к необходимости риска;
- 3) условия правомерности риска, относящиеся к причиненному вреду [4, с. 80].

В свою очередь, в ст. 39 УК Республики Беларусь указывается, что не является преступлением причинение вреда охраняемым интересам для достижения общественно полезной цели. Риск будет признаваться обоснованным, если совершенное деяние будет соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная общественно полезная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и лицом, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам.

Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой экологической катастрофы, общественного бедствия, наступления смерти или причинения тяжкого телесного повреждения лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность, то он не признается обоснованным.

Деяние, предусмотренное ст. 39 УК Республики Беларусь, имеет большее сходство с такими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию и исполнение приказа или распоряжения. Иными словами, исходя из существующей в настоящее время редакции ст. 39 УК, субъектом риска может быть лицо, обладающее специальными признаками.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию может

включать следующие обстоятельства: крайняя необходимость и деяние, связанное с риском. Оценка деяний внедряемого лица в данном случае должна осуществляться и с учетом положений ст. 36 и 39 УК Республики Беларусь. Тем более Закон об ОРД в этом отношении полностью коррелирует с указанными уголовно-правовыми нормами, а причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращаемый.

В заключении следует сделать акцент на том, что рассмотренный вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Различные подходы к правовой природе обстоятельства, предусмотренного ст. 38 УК Республики Беларусь, могут влиять на правоприменительную практику, иметь правовоспитательное значение. Особо значима эта норма для сотрудников правоохранительных органов, для которых она носит многоаспектный характер. В данном случае речь идет об ее использовании непосредственно при осуществлении деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений.

Литература

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 (ред. от 19 мая 2022 г. № 171-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 (ред. от 6 января 2021 г. № 88-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учебник / Э.А. Саркисова. – Минск: Акад. МВД, 2017. – 559 с.
4. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник / Н.А. Бабий. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Public Utilities as an ESG-Superecosystem

Gurshchenkov P.V.¹, Sidorchuk V.K.², Lobanovsky A.A.¹

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Belarusian State University

A person, his rights, freedoms and guarantees of their implementation are the highest value and goal of society and the state, Article 2 of the Constitution of the Republic of Belarus states. The fulfillment of the ESG criteria (environmental, social and corporate) of economic activity in relation to the communal sphere is an important condition for the free and decent development of the individual, state financial well-being and social cohesion.

The purpose of the work is to summarize the theoretical research of the authors and systematize regulatory legal acts in the field of ESG standards in the public utilities of the Republic of Belarus, to develop directions for their effective application.

Material and methods. *The scientific theoretical and legal basis of the study consisted of the works of Belarusian and Russian jurists on the topic of the research, materials of comparative jurisprudence, normative legal acts. The interdisciplinary method of system analysis, synthesis, modeling, comparative studies, interpretation of law, and legal forecasting were used as the main methods.*

Findings and their discussion. *Public utilities are an ESG (Environmental, Social, and Corporate Governance) SUPER ECOSYSTEM that combines a set of performance standards that increase its competitiveness in solving environmental, social and corporate management problems.*

Conclusion. *The proposals for the legal consolidation of ESG standards in the public utilities of the Republic of Belarus are substantiated. The legal model of modern public utilities requires their management in accordance with the principles of sustainable development, ratified acts of international law and national legislation. Their implementation will require the development of technical regulations of ESG standards for basic utilities, legislative regulation, evaluation of processes and results in accordance with these criteria.*

Key words: *ESG agenda, ecology, social criterion, corporate governance, public utilities, technical regulations, standard.*

Коммунальное хозяйство как ESG-суперэкосистема

Гурценков П.В.¹, Сидорчук В.К.², Лобановский А.А.¹

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Белорусский государственный университет

Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства, заявлено во 2 ст. Конституции Республики Беларусь. Выполнение критериев ESG (экологических, социальных и корпоративных) хозяйственной деятельности применительно к коммунальной сфере является важным условием свободного и достойного развития личности, государственного финансового благополучия и сплочения общества.

Цель работы – обобщить теоретические изыскания авторов и систематизировать нормативные правовые акты в сфере ESG-стандартов в коммунальном хозяйстве Республики Беларусь, разработать направления их эффективного применения.

Материал и методы. *Научную теоретико-правовую базу изучения составили труды белорусских и российских правоведов по теме исследования, материалы сравнительного правоведения, нормативные правовые акты. В качестве основных методов использовались междисциплинарный метод системного анализа, синтеза, моделирования, компаративистики, толкования права, правового прогнозирования.*

Результаты и их обсуждение. *Коммунальное хозяйство – это ESG (англ. Environmental, Social, and Corporate Governance) СУПЕРЭКОСИСТЕМА, объединяющая совокупность стандартов деятельности, которые повышают ее конкурентоспособность в решении экологических, социальных и корпоративных управленческих проблем.*

Заключение. *Обоснованы предложения по правовому закреплению ESG-стандартов в коммунальном хозяйстве Республики Беларусь. Правовая модель современного коммунального хозяйства требует его ведения в соответствии с принципами устойчивого развития, ратифицированными актами международного права и национального законодательства. Для их реализации потребуется разработка технических регламентов ESG-стандартов для основных коммунальных услуг, законодательное регулирование, оценка процессов и результатов в соответствии с названными критериями.*

Ключевые слова: *ESG-повестка, экология, социальный критерий, корпоративное управление, коммунальное хозяйство, технический регламент, стандарт.*

Modern society, for its self-preservation and sustainable development, is forced, along with financial results, to impose new additional requirements on economic activity. Among them is the ESG agenda as a reaction to environmental degradation, global

warming, increasing economic inequality between rich and poor, and inconsistency with new challenges of corporate governance structures and procedures. The abbreviation ESG (English – Environmental, Social, and Corporate Governance) combines a set

of standards for the activities of an economic entity that ensure its inclusion in solving environmental, social and corporate management problems.

The purpose of the work is to summarize the theoretical research of the authors and systematize regulatory legal acts in the field of ESG standards in the public utilities of the Republic of Belarus, to develop directions for their effective application.

Material and methods. The scientific theoretical and legal basis of the study consisted of the works of Belarusian and Russian jurists on the topic of the research, materials of comparative jurisprudence, normative legal acts. The interdisciplinary method of system analysis, synthesis, modeling, comparative studies, interpretation of law, and legal forecasting were used as the main methods.

Results and their discussion. The term ESG was first used in a report published by the UN in 2004 entitled “Who Cares Wins”, which notes that taking into account specific environmental and managerial factors in investment decisions can have a positive impact on society, as well as on financial markets. Business entities with a high ESG rating gain competitive advantages. More and more investors, contractors, buyers and consumers are guided by ESG criteria when making decisions about concluding contracts. In order to increase competitiveness in the market, companies and municipalities strive to receive high ESG ratings of independent organizations, which confirm the degree of commitment to responsible business conduct and affect customer loyalty. For example, “green” or social bonds make it possible to attract borrowed funds on more preferential terms [1, p. 164].

The *environmental* criterion evaluates greenhouse gas emissions by a business entity, the use of renewable energy sources, the impact of its activities on climate change, forest reduction, depletion of water and other natural resources of the planet.

The *social* criterion covers the internal organization of an economic entity, including the position of employees, as well as relations with suppliers, customers, territorial and professional communities. We are talking about working conditions at the enterprise, measures for labor protection and health, safety, gender and racial composition of employees, employment of disabled people, medical insurance, creation of conditions for maternity and leisure, improvement of the territory of life. Social ESG requirements promote the attraction and retention of professional employees, increase staff motivation and labor productivity, and involve business in the development of local communities.

Priority is given to the creation of a prestigious school, a comfortable housing development, and a recreation area at the location of the economic entity. High-quality communal services make it possible to maximize the natural advantages of the location of settlements in order to give them an external “gloss” and a continuous increase in economic and humanitarian potential. All this attracts investors and new residents, ensures the self-development of villages and cities.

The criterion of *corporate governance* is aimed at creating an effective management structure of the organization, a fair system of remuneration for employees and managers, a competent external audit and internal control mechanism, reliable guarantees of the rights of shareholders (investors), an uncompromising fight against fraud and corruption.

ESG criteria in public utilities. It is noteworthy that certain ESG principles of socially responsible management have been implemented in practice for two thousand years in the organization and functioning of public utilities (Lat. “commynis” from “munia” – to bear the burden together). The joint consumption of goods and services will be one of the essential features of the ESG economy. It is not the acquisition of ownership and possession, but the joint consumption of material and social goods that is more rational economically and corresponds to the development trends of modern civilization. For example, renting commercial and municipal housing creates conditions for free mobility of people following a more attractive job, frees up finances for investing in income and personal development.

Environmental (environmental requirements) have brought the communal economy to life. The first of them was the problem of supplying water to a million inhabitants of ancient Rome. For the construction of a water pipeline in Ancient Rome in 45 BC, the law *Lex Julia municipalis* (Law on Municipal Administration) legally formalized a communal economy. For the construction and maintenance of this facility, with a length of 71 km, special city authorities were created – the People’s Assembly and the municipality (from Lat. “municipum”, where *munus* is a duty and *cipio* is a burden, which means the burden of public affairs). The municipality (community) has become a kind of corporation of residents united to jointly solve common problems of water supply to a million residents of the city. According to aqueducts (partially functioning at the present time), 400 liters of water per day were supplied per inhabitant. The number of public services also included the free supply of bread to citizens. 300 thousand tons of grain per year were spent for this purpose.

In the second half of the nineteenth century, due to the significant growth of the urban population, the demand for technical infrastructure, water supply and sewerage, as well as social services increased. Keeping cities clean was previously considered the responsibility of homeowners. Anyone who didn't clean his street had to pay a fine. But the owners of land plots, as a rule, did not fulfill their duties. Garbage and sewage were dumped into pits dug on the site or even into the street. The townspeople often bred pigs that wandered and rummaged in garbage and cesspools, which worsened sanitary conditions. Therefore, cities were forced to create enterprises for the collection and removal of household and industrial waste. Shared housing necessarily creates daily needs that can be provided most effectively or exclusively by the residents themselves together (commune). Municipal goods, works and services gradually include the organization of road facilities, water supply and sanitation, energy supply, landscaping, public transport, maintenance of burial sites in proper condition and much more. Solid municipal waste disposal (hereinafter referred to as SMW) occupies the fifth position among the priorities of the world community. In Belarus, a full sorting of up to 10 million tons of MSW per year is required, the bulk of which is exported to 163 landfills with a total area of about 900 hectares. For example, in Sweden 99.5% of waste is used and only 0.5% is stored – this is 2 kilograms per person per year. In Belarus, 300 kilograms of MSW per person per year are transported to landfills [2, p. 34]. The industrial enterprise “Technoresurs” has developed the concept of processing MSW. The technology of their technical processing, including together with sewage sludge, has been developed. The improved technology makes it possible to reduce the scale of construction of processing plants by about 1.8–2 times, energy consumption – by 1.5 – 1.8 times compared to analogous enterprises.

Belarus has already provided regular sanitary cleaning of all rural settlements and 100% coverage of multi-storey residential buildings in settlements with separate collection of MSW.

It is characteristic that the conclusion of a contract for the treatment of SMW is also mandatory for the consumer of the service. In accordance with Article 19 of the Law of the Republic of Belarus № 271-L of 20.07.2007 (ed. of 10.05.2019) “On Waste Management”, municipal waste generated in the territories of settlements is subject to collection and disposal in accordance with the schemes of municipal waste

management developed and approved by local executive and administrative bodies in coordination with territorial bodies. The Ministry of Natural Resources and Environmental Protection of the Republic of Belarus, authorized state bodies and institutions carrying out state sanitary supervision. Resolution № 9 of the Ministry of Housing and Communal Services dated 07.12.2018 approved the Instruction on the composition, procedure for the development, coordination and approval of municipal waste management schemes.

Joint consumption of vital products and services is the most cost-effective and cost-saving. For example, in Sweden, apartment buildings are owned by communes, and residents are guaranteed the right to rent a comfortable home. In most developed countries, social apartment buildings are in communal ownership, and the owners of the absolute majority of other residential buildings are merchants. In such conditions, the subjects of relations regarding utilities have the opportunity to clearly formulate mutual obligations and ensure their reliable performance. Otherwise, communal entrepreneurship could not exist. High-quality communal services for tenants and other customers are the main factor of its survival and commercial success.

In the Belarusian conditions, numerous and unorganized “owners” of apartments are objectively not ready for civilized relations on public utilities. They will always need subsidiary patronage from the authorities. Significant improvements in the communal services of apartment buildings of ordinary consumer qualities with “private” apartments are objectively impossible. There is no self-government in the houses that can stand up for the rights of its tenants, there is no subject for negotiations, utility providers can do whatever they want [3].

It is necessary to inform and convince citizens of the advantages of renting housing. The real sole owner of an apartment or house has more chances to create comfortable living conditions (exclude noise, smoking) and public services. Apartment owners are forced to invest heavily in the repair of their “birdhouses”, replacing linoleum with laminate, wood with plastic. Without income-generating economic activity of the population, apartments will inevitably get depreciated, which will lead to consumer bankruptcy of their owners.

Utilities contribute to the implementation of programs of economy and thrift in the use of energy and material resources, the expansion of the use of local fuels. District housing

and communal services (HCS) are the executors of energy saving programs (electricity and heat). The main directions of energy saving include the replacement of incandescent lamps with energy-saving lamps in administrative and industrial buildings and residential premises; individual regulation of the heating mode in administrative buildings; individual regulation of the hot water supply mode in hot water supply systems of administrative buildings and residential premises; purchase and installation of efficient water heaters; purchase and installation of automatic control systems for heat consumption in residential buildings, replacement of elevators with frequency electric drive during major repairs of residential buildings; replacement of outdated lighting equipment with LED lamps in public areas of residential buildings; replacement of obsolete heat exchangers with more efficient ones; introduction of group, individual metering and automatic control devices in heat, gas, and water supply systems; introduction of frequency adjustable electric drives on mechanisms with variable load (network heating pumping, traction mechanisms of boilers, etc.); introduction of energy-efficient lighting devices, sectional lighting separation.

Social (social criteria) in public utilities are manifested in the fact that public services have a predominantly social non-market consumer character. For example, most families living in apartment buildings are not buyers, but only consumers of utilities. The legislation of the Republic of Belarus establishes guarantees of social protection of a person. In Belarus, the maximum allowable share of citizens' own expenses for housing and communal services in the total family income has been determined, the level of payments of citizens as a percentage of the cost of these services has been established.

Under EU law, a service is recognized as a service of general importance if it has an economic component, is provided in the interests of all citizens of the relevant education throughout its territory at reasonable prices, and therefore the state associates it with the fulfillment of special contractual obligations in the interests of the public good [4, p. 253].

Public services are an important means of preventing and reducing social inequality and insecurity, as well as guaranteeing equal opportunities. The provision of public services is based on the principles of universal access, equality, justice, responsibility. Residents of different levels of wealth, health conditions, rural areas and cities should equally have access to high-quality public

services. For example, under no circumstances is it permissible to disconnect a person from the water supply. At the same time, increased utility tariffs may be set for wealthy consumers. At the expense of additional revenues, a communal fund can be formed to subsidize members of the local community in need of support.

The quality of public utilities determines all the basic living conditions in villages and cities. The communal infrastructure serves as a base for investment, employment and income of residents. All this makes it possible to finance family and community needs at a growing level. Accordingly, residents have the opportunity to earn and invest, build beautiful modern houses, equip household plots, pay for more and more new and high-quality utilities that objectively cannot be cheap. Local government entities also form and maintain comfort, coziness, modern design of buildings and structures in settlements, smooth clean streets with lanes for bicycles and traffic lights for priority bus travel, ecological public transport (the opposite of which is represented by minibuses), an abundance of flowers and trees, diverse architecture through public utilities. High-quality communal services make it possible to maximize the natural advantages of the location of settlements in order to give them an external gloss and continuously increase economic and humanitarian potential. All this attracts investors and new residents, ensures the self-development of villages and cities.

Corporate Governance (corporate requirements) was formulated for the first time in history in the process of organizing a municipal economy. Municipal (communal) enterprises were the prototype of future corporations. Their history goes back more than 2000 years, and they are four times "older" than commercial structures.

In the work of municipal enterprises, there is a conflict between the need to provide socially significant services and the desire for profit. The efficiency of municipal enterprises is a complex, multidimensional category that combines economic, social, and environmental factors. At the same time, they have been functioning for many centuries. This fact testifies to the effectiveness of their internal organization, which continuously adapts to new tasks. They manage to overcome the threats of mismanagement, "stagnation of monopoly", rising costs. Organizational and functional involvement in the body of the local community contributes to success. Integration is carried out on the basis of legal, financial, economic, technical, personal interactions.

A territorial entity and an enterprise are closely intertwined economically and technically within the framework of the exchange of services, the provision of land, property, the supply of resources and energy.

In the municipal economy, the organizational and legal form of state-owned enterprises is possible, allowing, in contrast to their unitary form, the creation of such enterprises without the status of a legal entity, which can facilitate the legalization of these business entities, accounting and reporting. It is advisable to create communal savings banks that organically combine commercial and social principles in their status.

Conclusion. The main purpose of economic activity is systematic profit-making. The use of property, the sale of things, the performance of works, the provision of services bring profit if other entities consume certain properties of this property, works, services and in return pay for them or make other counter-provision. Properties are consumed only when they are able to satisfy the needs of the subject. Such ability of properties of assets, works, services is called their quality. According to Article 1 of the Law of the Republic of Belarus of 09.01.2002 № 90-L (ed. of 05.01.2022) “On Consumer rights protection”, the quality of goods (work, services) is a set of characteristics of goods (work, services) related to its ability to meet the established and (or) expected consumer needs (safety, functional suitability, operational characteristics, reliability, economic, informational and aesthetic requirements, etc.). Quality can be ensured by technical, organizational, economic and legal means.

Technical means – improvement of production technology, technical quality control.

Organizational means – the formation of subdivisions of business entities responsible for quality, relevant public organizations and public administration bodies. Economic means – the creation of economic conditions that stimulate the improvement of product quality.

Legal means – legislative regulation of product quality. The quality legislation of the Republic of Belarus has been brought into line with international practice, WTO and EAEU Agreements [5, pp. 268–269]. The quality problem largely concerns public

utilities. The analysis of the studied material allows us to draw the following conclusions:

1. Until recently, the organization and results of economic activity of public utilities have been criticized as not meeting the criteria of commercial performance, the main of which is profit. However, the environmental and social tasks implemented in the communal sphere are really recognized and legally established as mandatory for all business entities.

2. The solution of many environmental problems, such as water management, removal and processing of MSW, landscape preservation, air cleanliness, soil protection, energy saving, noise control is included in the scope of public utilities due to proximity to a person and his life problems. Decisions related to the environmental impact are made by various structures, and the main protective measures are implemented by the subjects of public utilities.

3. The legal model of modern public utilities requires its management in accordance with the principles of sustainable development, ratified acts of international law and national legislation. Their implementation will require legislative consolidation of the system of technical regulation, as well as assessment of processes and results of communal activities by ESG criteria. It is advisable to develop technical regulations and ESG standards for basic utilities.

References

1. Ermakova, E.P. ESG-banking in Russia and the European Union: the concept and problems of legal regulation / E.P. Ermakova // State and Law. – 2021. – № 7. – P. 161–174.
2. Yakobson, A. Housing and communal services get rid of scale / A. Yakobson // Belarusian Duma. – 2015. – № 10. – P. 29–34.
3. Novosyad, V. When it's not about pipes / V. Novosyad // BelGazeta. – 2017. – February 7.
4. Yumashev, Yu.M. Economic law of the European Union: monograph / Yu.M. Yumashev, E.V. Postnikova. – M.: Norm: INFRA-M, 2014. – 384 p.
5. Gurshchenkov, P.V. Legal regulation of quality assurance of products, works, services / P.V. Gurshchenkov [et al.] // Economic law : a course of lectures. – Vitebsk: Masherov VSU, 2022. – P. 268–286.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Динамика показателей семейно-бытового насилия в Республике Беларусь

Белякова А.В.

Отдел охраны правопорядка и профилактики ОВД администрации Центрального района г. Гомеля

В статье проведен анализ имеющихся статистических данных, отражающих тенденции семейно-бытового насилия в Республике Беларусь. Дополнительно рассмотрены факторы, повышающие риск семейного насилия, универсальные для любой культурной и социально-экономической среды.

Цель данной статьи – сформировать целостное представление о тенденциях в области семейно-бытового насилия.

***Материал и методы.** Материалом исследования послужили данные, указывающие на тенденции семейно-бытового насилия в Республике Беларусь за 2007–2021 гг. Используются следующие методы изучения: логический, аналитико-критический, формально-юридический.*

***Результаты и их обсуждение.** На основе материалов исследования выявлена динамика показателей по численности лиц, подвергшихся насилию в семье в период с 2008 по 2021 г. Кроме того, автор статьи обращается к гендерному аспекту семейно-бытового насилия, подтверждая умозаключения статистическими данными по семейно-бытовому насилию и показателям распространенности видов семейно-бытового насилия в отношении женщин. Раскрыты данные о частотности применения насильственных методов дисциплинирования детей.*

***Заключение.** Проведенное исследование позволило сделать выводы о: положительной динамике и постепенном искоренении массовой практики семейного насилия; сохранении высокого уровня семейно-бытового насилия в стране.*

***Ключевые слова:** семейно-бытовое насилие, правоохранительные органы, ретрансляция, гендерная роль, семья, брак, маргинализация, преступность.*

Dynamics of Family and Domestic Violence Indicators in the Republic of Belarus

Belyakova A.V.

Law Enforcement and Prevention Section of the Department of Internal Affairs of Central District of Gomel Administration

The article analyzes the available statistical data reflecting the trends in domestic violence in the Republic of Belarus. Additionally, the factors that increase the risk of family violence, universal for any cultural and socio and economic environment, are considered.

The purpose of the article is to form a holistic view of trends in domestic violence.

***Material and methods.** The research materials were data on indicators of trends in domestic violence in the Republic of Belarus in 2007–2021. The following methods of study were used: logical, analytical-critical, formal-legal.*

***Findings and their discussion.** Based on the materials of the research, the dynamics of indicators for the number of persons subjected to domestic violence in the period from 2008 to 2021 was revealed. In addition, the author of the article addresses the gender aspect of domestic violence, confirming the conclusions with statistical data on domestic violence and indicators of the prevalence of types of domestic violence against women. Data on the frequency of use of violent methods of disciplining children are revealed.*

***Conclusion.** The study made it possible to draw conclusions about positive dynamics and the gradual eradication of the mass practice of domestic violence as well as the persistence of a high level of domestic violence in the country.*

***Key words:** family and domestic violence, law enforcement bodies, relaying, gender role, family, marriage, marginalization, crime.*

Семейно-бытовое насилие способно принимать различные формы, и, как правило, оно сочетается в себе несколько видов насилия. Последствиями семейно-бытового насилия выступают психические расстройства, включая депрессию, травматизм и инвалидизацию; кроме того, семейно-бытовое насилие продуцирует обширные социальные и экономические последствия, связанные с необходимостью оказания медицин-

ской помощи жертвам насилия, привлечением виновных к ответственности. Семейно-бытовое насилие является значимым фактором, оказывающим деструктивное влияние на социально-экономическую систему государства, более того, насилие в семье сказывается на замедлении темпов экономического роста страны.

Семейно-бытовое насилие (от лат. *domestic violence*) дефинируется Организацией Объеди-

ненных Наций как «поведенческая практика, имеющая место в любых межличностных отношениях, которая направлена на получение или сохранение власти и контроля над партнером или иным членом семьи» [1]. По мнению экспертов организации, проблема насилия в семье распространена повсеместно как в развитых странах «глобального Севера», так и в развивающихся государствах «глобального Юга» [1]. При этом, как указано в официальной документации Всемирной организации здравоохранения, существует перечень факторов, повышающих риск семейного насилия, универсальных для любой культурной и социально-экономической среды. Среди данных факторов наиболее значимыми являются следующие:

- низкий уровень образования совершеннолетних членов семьи;
- детский опыт переживания жестокого обращения и насилия, пережитый членами семьи (своеобразная ретрансляция моделей поведения);
- антисоциальные девиации личностного развития члена/членов семьи;
- злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами;
- совокупность общественных норм, позволяющих приоритезировать интересы мужчин и наделять женщин и детей более низким статусом, дискриминационный характер национального законодательного массива;
- низкий уровень доступа женщин к оплачиваемой занятости и низкий уровень гендерного равенства [2].

Многие международные организации указывают на необходимость тщательного изучения проблемы семейно-бытового насилия; содействие исследованиям, сбору данных и компиляции актуальной статистики является одной из приоритетных задач каждого государства, представленных в декларациях ООН. Важность изучения названной проблематики очевидна, но при этом практически в каждой стране анализ показателей, риск-факторов и форм семейно-бытового насилия оказывается осложненным множеством барьеров, обусловленных самой спецификой семейных отношений и насилия, совершаемого в семейной среде. Точные количественные и качественные данные зачастую отсутствуют или имеют существенные ограничения (малая выборка, большая вероятность погрешностей, скрытые, не подлежащие статистическому описанию, проблемы и тенденции). В данной связи исследователи из разных стран мира применя-

ют несколько различных методологий, результаты которых способствуют многоаспектному описанию действительной ситуации, что может, по крайней мере, приблизить специалистов к пониманию реальных общественных закономерностей. Как правило, речь в таких случаях идет о сочетании статистики и альтернативных методов исследования – опросов, интервью и фокус-групп.

Схожие проблемы наблюдаются и у отечественных исследователей, обращающихся к вопросам измерения и оценки показателей и динамики семейно-бытового насилия. Ситуация усугубляется отсутствием комплексной официальной статистики по различным аспектам насилия в семье. К примеру, не представлены данные по типам семейно-бытового насилия, по территориальной диффузии фактов семейно-бытового насилия; в ряде случаев отсутствуют данные за предыдущие периоды. Таким образом целесообразным представляется обращение к ряду косвенных показателей и параметров, которые в совокупности позволяют решить основную цель исследования и сформировать целостное представление о тенденциях в области семейно-бытового насилия – его эскалации либо снижения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили данные, указывающие на тенденции семейно-бытового насилия в Республике Беларусь за 2007–2021 гг. Использованы следующие методы изучения: логический, аналитико-критический, формально-юридический.

Результаты и их обсуждения. Семья в Беларуси находится под влиянием множества культурных, социальных и экономических факторов; современное общество в нашей стране находится в трансформационной фазе, и вместе с ним трансформируется институт семьи. Семья с течением времени приобретает новые характеристики, преобразуется структурно и концептуально. Согласно Н.А. Сосновской, семья на современном этапе характеризуется нестабильностью, ей присуща гибкость и адаптивность аксиологии, норм и ролей. Все это, с одной стороны, есть позитивный результат адаптации института семьи к современным реалиям, но с другой – данные факторы позволяют констатировать усугубление кризисных процессов [3, с. 339].

Утрата институциональных признаков и усиление неформальных факторов приводят к таким общестрановым тенденциям, как снижение уровня детности семей, снижение брачности;

высокая разводимость, результирующая в увеличение доли неполных семей. Можно, помимо прочего, с уверенностью констатировать снижение градуса социального неодобрения в отношении незарегистрированных союзов, а также более поздний возраст вступления в брак. Таким образом, трансформация брачно-семейного поведения реализуется по нескольким векторам: брачное, бракоразводное, репродуктивное и нуклеаризационное поведение [3, с. 340]. Если обобщить совокупность актуальных на современном этапе трендов, можно говорить о том, что фамилистическая аксиология, свойственная белорусам в прошлом тысячелетии, отчетливо модифицируется в индивидуалистический взгляд на мир. Прямо или косвенно вышеописанные модификации оказывают влияние на показатели семейной преступности, динамику которых мы рассмотрим в настоящей статье.

Рост правовой и гражданской культуры населения, ужесточение законодательства по ряду направлений, эффективизация превентивной деятельности правоохранителей, формирование более благоприятных условий для жизни – все это, возможно, выступило факторами, положительно повлиявшими на общестрановую ситуацию. Учитывая тот факт, что семейно-бытовое насилие являет собой одну из разновидностей преступности, можно предположить наличие аналогичной динамики снижения правонарушений и преступности в указанной области.

Вопросы недостаточности количественных данных по семейно-бытовому насилию и скрытого характера этой общественной проблемы, описанные выше, характерны и для отечественных исследований. Значительное число случаев домашнего насилия не фиксируется, так как его жертвы не обращаются с заявлениями в официальные органы. Согласно данным официальной статистики (МВД, Минтруда и соцзащиты и проч.), в стране ежегодно регистрируется около 2000 преступлений, совершаемых в быту, но при этом данные, собранные иными ведомствами, могут существенно отличаться.

В 2018 г. О.В. Катушонок отмечает: «В структуре семейно-бытовых преступлений за рассматриваемый период преобладали преступления превентивной направленности» [4, с. 213]: умышленное причинение легкого телесного повреждения – 20,1% от всех преступлений в семейно-бытовой сфере; истязания – 18%, угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имуще-

ства – 39,1%. Удельный вес превентивных преступлений в общей структуре семейно-бытовой преступности составил 77,2%. Доля убийств в структуре семейно-бытовой преступности составляет 5%, умышленного причинения тяжких телесных повреждений – 10,5%, умышленного причинения менее тяжких повреждений – 4,3% (данные собраны за 6-летний период). Незначительную часть в сфере семьи занимают и преступления против половой неприкосновенности или половой свободы. В Беларуси подобные преступления в статистике получили возможности принимать значение «совершенные в сфере семейно-бытовых отношений» только с 2014 года. За период 2014–2017 гг. преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы было зарегистрировано 200, что составляет 2,4% от всех преступлений в быту [4, с. 213].

Весьма показательным примером выступают данные о количестве обращений за помощью в территориальные центры социального обслуживания населения, которые обнаруживают гораздо большее количество случаев насильственных внутрисемейных и бытовых конфликтов. В 2021 г. в ТЦСОН по всей стране было зарегистрировано около 11 тысяч обращений, поступивших от жертв домашнего насилия, из которых около 2 тысяч составили обращения граждан с несовершеннолетними детьми. В милицию обратилось около 10 тыс. человек; услугами «кризисных комнат» (помещений для временного проживания жертв домашнего и бытового насилия при ТЦСОН) воспользовались 340 человек [5].

Приняв во внимание вышеизложенное, рассмотрим динамику семейно-бытового насилия в Республике Беларусь (рисунок 1).

По нашему мнению, сохранение уровня или даже всплески количества случаев насилия в семье (2010, 2016, 2019, 2021 гг.) могут быть связаны с выходом семейного насилия из «тени» и стремлением населения раскрывать и фиксировать случаи семейно-бытового насилия вместо того, чтобы сокрывать их и нести, таким образом, репутационный ущерб. В данном случае имеют место обе причины; значимы также и многие другие факторы – периоды экономической стагнации, приводящие к нехватке денежных средств в домохозяйствах, конфликтогенные трансформации гендерных ролей в семье, алкоголизация населения и проч.

Семейно-бытовое насилие в Беларуси по-прежнему остается проблемой маргинализированных

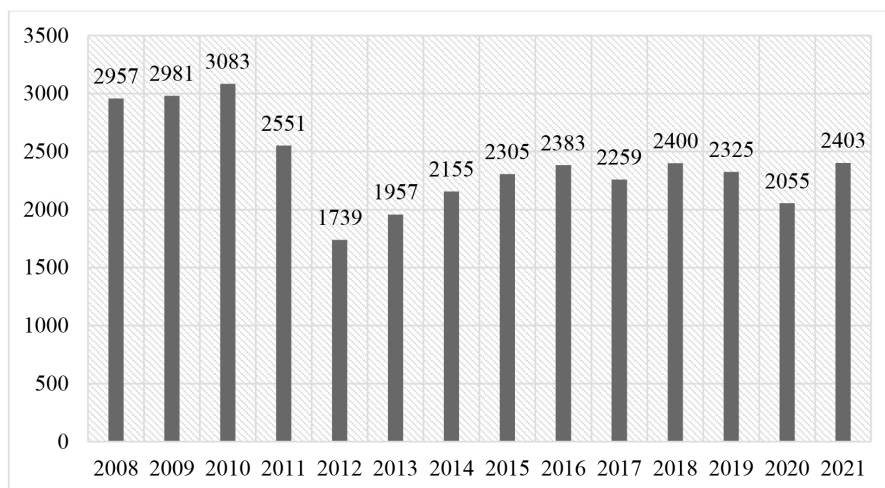

Рисунок 1 – Численность лиц, подвергшихся насилию в семье (человек) в Республике Беларусь, 2008–2021 гг.

Примечание. Собственная разработка автора на основе [6].

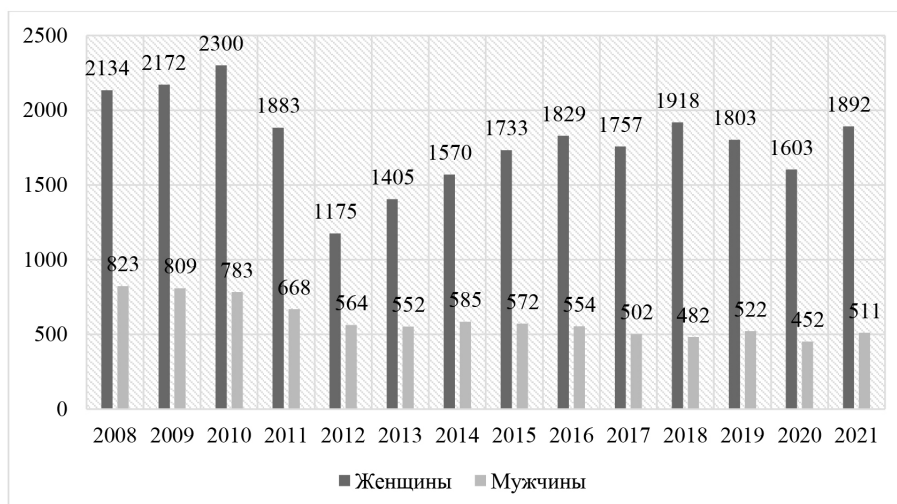

Рисунок 2 – Гендерная статистика по количеству случаев семейно-бытового насилия в Республике Беларусь, 2008–2021 гг.

Примечание. Собственная разработка автора на основе [6; 9; 10].

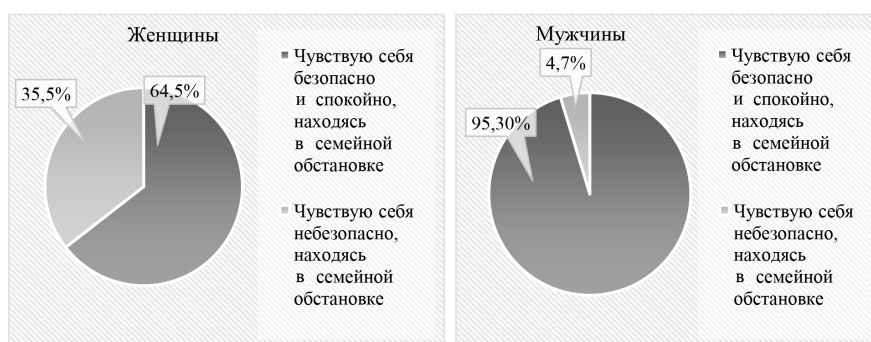

Рисунок 3 – Ощущение безопасности в семейной среде в Республике Беларусь (в процентном соотношении)

Примечание. Собственная разработка автора на основе [11].

Рисунок 4 – Показатели распространенности видов семейно-бытового насилия в отношении женщин, 2019 г.

Примечание. Собственная разработка автора на основе [10, с. 11].

слоев населения, статистика по которым покрывает более 70% случаев насилия данного рода [7]. Отмечается, что более 50% бытовых преступлений и правонарушений совершается неработающими гражданами, гражданами, имеющими судимость (более 20%); около 68% уголовных деяний подобного рода совершается в состоянии алкогольного опьянения [8, с. 122].

Рассмотрение тематики семейно-бытового насилия априори невозможно без рассмотрения гендерно-обусловленных противоречий. В Республике Беларусь домашнее насилие является самым распространенным видом насилия на гендерной почве. Вместе с тем среди преступлений, совершенных в быту, как правило, более 70% составляют случаи домашнего насилия в отношении женщин [8, с. 121]. По данным криминологического анализа, проведенного В.Г. Стаценко (2016 г.), большинство преступлений в семейно-бытовой сфере совершается мужчинами, а их жертвами становятся женщины (75%) [8, с. 122].

Статистика, представленная Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь на портале «Гендерная статистика», подтверждает достоверность данного умозаключения (рисунок 2).

Портал также содержит весьма показательные в этой связи результаты опроса населения в отношении ощущения безопасности в семейной среде (2019 г.), представленные на рисунке 3.

Фонд ООН в области народонаселения в Республике Беларусь определяет насилие в отношении женщин как «любой акт насилия, совершен-

ный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический вред или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы <...> в общественной или личной жизни» [10, с. 9]. В соответствии с информацией, содержащейся в регулярно публикуемых докладах «Оценки распространенности насилия в отношении женщин» Организации Объединенных Наций, каждая третья женщина во всем мире подвергается домашнему насилию [1].

Согласно результатам исследования, выполненного Фондом ООН в области народонаселения в Республике Беларусь и ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» в 2019 г., показатели распространенности различных видов семейно-бытового насилия в отношении женщин следующие (рисунок 4).

В целом исследованием установлено, что около 41,1% женщин страдают от психологического насилия, еще 16,5 % – от физического насилия. Кроме того, опрос показал, что от физического и/или сексуального насилия, совершаемого в отношении женщин лицами вне партнерства, пострадало 19,7% женщин [12, с. 19].

Как неоднократно отмечалось выше в статье, проблема семейно-бытового насилия достаточно трудно поддается количественному описанию, что обусловлено латентностью данного вида противоправной деятельности и нежеланием жертв выводить конфликт в публичную плоскость. Тем не менее некоторые изыскания в данной области

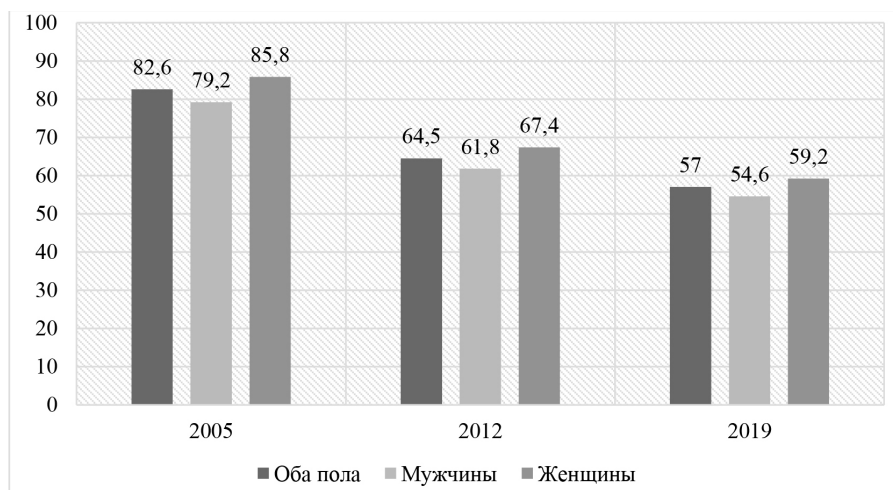

Рисунок 5 – Насильственные методы дисциплинирования детей (процент)

Примечание. Собственная разработка автора на основе [13].

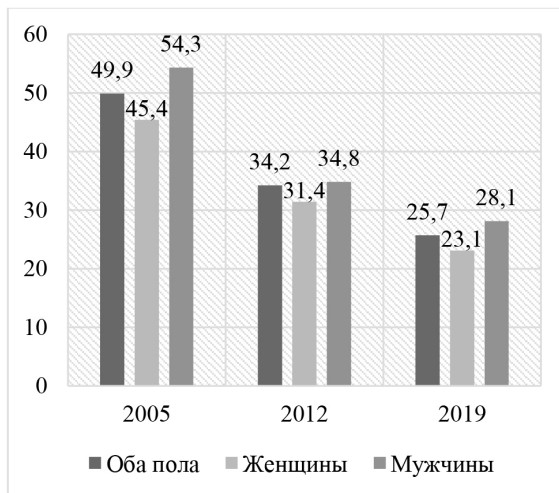
уже были проведены; наиболее новым из них является вышеотмеченное исследование Фонда ООН в области народонаселения в Республике Беларусь и Института социологии НАН Беларуси. Так, по данным социологического опроса, только 24% лиц женского пола, пострадавших от физического насилия со стороны партнера, сообщило в официальные органы о получении травм в результате насильственных действий. Авторы исследования также отмечают: «Среди лиц, обратившихся в медицинские учреждения, 72% не сообщили работникам здравоохранения о реальной причине травматизма» [9, с. 15].

Особый интерес представляет проблема насилия в отношении детей и так называемая поведенческая межпоколенная ретрансляция. По данным исследования Л. Сардинья с соавт. (2022 г.), охватывающего 2 миллиона женщин, проживающих в 161 стране мира, от 23 до 31% лиц женского пола, подвергавшихся насилию со стороны партнера, имели опыт переживания или наблюдения за насилием в семье в детстве [12]. То же можно сказать и о мужчинах: лица, воспитываемые в семьях с регулярной практикой применения насилия, с большей вероятностью будут применять насилие в отношении членов своей семьи. Таким образом, жертвами ретрансляции деструктивных поведенческих практик в конечном итоге становятся дети. Национальный статистический комитет, к примеру, представляет следующие данные о насилии в отношении детей в Республике Беларусь (рисунок 5).

При этом следует отметить положительную динамику по сокращению доли родителей, применяющих насильственные меры воспитания как в отношении физических наказаний, так и психологического давления (рисунок 6).

Компаративное исследование позволяет сделать вывод о положительной динамике и постепенном искоренении массовой практики насилия в отношении детей в период с 2005 по 2019 г. Особенно важным представляется факт осознания родителями того, что психологическое насилие есть одна из разновидностей семейно-бытового насилия. Тем не менее показатели за 2019 г. (54,3% респондентов применяют насильственные меры дисциплинирования) сохраняются на высоком уровне, что свидетельствует о необходимости дополнительных мер по воспитанию семейной культуры в стране.

Существенной проблемой, выступающей барьером для исследований в рассматриваемой нами предметной области, является отсутствие современных исследований в области степени виктимизации разных социальных групп, наиболее подверженных семейно-бытовому насилию – детей, пожилых и женщин. В то же время пожилые и несовершеннолетние наименее защищенные, и, следовательно, самые уязвимые от криминальных проявлений. При этом статистики по пожилым потерпевшим в стране не накоплено, что несколько тревожно. Среди немногих исследований следует отметить работы В.Г. Стаценко. По мнению исследователя, разные группы, раз-

а) физическое наказание

б) психологическое давление

Рисунок 6 – Насильственные методы дисциплинирования детей (процент)

Примечание. Собственная разработка автора на основе [13].

личающиеся демографическими, социальными, нравственно-психологическими характеристиками, очевидно характеризуются и различным уровнем виктимности. Повышенной криминальной уязвимостью в Беларуси, в частности, наряду с другими категориями населения обладают дети и престарелые граждане [14, с. 164].

Ряд возрастных особенностей – физическая и психическая незрелость, доверчивость, внушаемость, отсутствие жизненного опыта, недостаточный контроль своего поведения и прочие качества объективно формируют их повышенную криминологическую виктимность [14, с. 164]. Современная виктимологическая ситуация в отношении несовершеннолетних за последнее десятилетие в Республике Беларусь остается неоднозначной и достаточно напряженной. Согласно приведенным данным официальной уголовной статистики, число потерпевших несовершеннолетних от преступлений всех видов за 2014–2020 гг. в Республике Беларусь практически не изменилось, причем их динамика характеризуется (за исключением 2015 года) несущественными флуктуациями. Показатель 2019 г. фактически равен показателю числа потерпевших несовершеннолетних 2014 года, а среднее число потерпевших рассматриваемого периода свидетельствует о стабильности этого показателя. Та же динамика характерна и для такого показателя, как удельный вес потерпевших несовершеннолетних в общем числе потерпевших – около 12% [14, с. 165]. С.М. Храмов также указывает на остроту пробле-

мы виктимологической ситуации. Проведенные криминологические исследования выявили, что более молодые жертвы, как правило, менее склонны сообщать о преступлениях [15, с. 95].

Анализ тенденций развития криминогенной ситуации в белорусском обществе позволяет отметить увеличение числа менее тяжких преступлений. Это свидетельствует в том числе и о недостаточной эффективности системы социальной реабилитации осужденных, профилактики рецидивной преступности, алкоголизма, наркомании, низком предупредительном эффекте применения ряда наказаний, снижении роли общественно полезного труда. Все эти факторы сказываются на сохранении остроты проблемы семейно-бытового насилия в семье.

Заключение. Таким образом, количественные и качественные данные, приведенные в статье, не позволяют констатировать выраженные положительные тенденции по сокращению количества выявленных случаев применения насилия в настоящее время, следовательно, указанная проблема остается актуальной и многогранной, присущей белорусскому обществу.

Отметим, что рост количества зарегистрированных случаев семейно-бытового насилия нельзя однозначно причислять к негативным тенденциям. В конкретном случае показатели могут указывать на стремление жертв урегулировать конфликт вместо его сокрытия. Все это может свидетельствовать о формировании гражданской и правовой культуры населения и постепенного

ухода от виктимного поведенческого паттерна жертв насилия.

Семейно-бытовое насилие представляет собой одно из сложнейших социальных отклонений белорусского социума, наносящее большой вред процессу развития института семьи и формирования подрастающего поколения. Оно априори неустранимо без создания высокоорганизованной системы профилактики жесткой делинквентности в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Examining Domestic Violence Around the World: The Cost of Doing Nothing // United Nations Organization. – 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.un.org/en/academic-impact/examining-domestic-violence-around-world-cost-doing-nothing>. – Date of access: 09.01.2023.

2. Violence against women // World Health Organization. – 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women>. – Date of access: 09.01.2023.

3. Сосновская, Н.А. Семья в Республике Беларусь: состояние и особенности изучения / Н.А. Сосновская // Социологический альманах. – 2020. – № 11. – С. 339–346.

4. Катушонок, О.В. Криминологические особенности преступлений в сфере семейно-бытовых отношений / О.В. Катушонок // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2018. – № 13. – С. 213–217.

5. Минтруда: за помощью в ТЦСОН в 2021 году обратились около 11 тысяч жертв домашнего насилия // Беларусь Сегодня. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/mintruda-za-pomoshchuyv-ttsson-v-2021-godu-obratilis-okolo-11-tysyach-chelovekpostradavshikh-ot-na.html>. – Дата доступа: 09.01.2023.

6. Численность лиц, подвергшихся насилию в семье // Гендерная статистика. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gender.belstat.gov.by/violence/209?type=lineChart®=\(T/F/M\)](http://gender.belstat.gov.by/violence/209?type=lineChart®=(T/F/M)). – Дата доступа: 09.01.2023.

7. МВД: на профилактическом учете состоят около 14 тыс. домашних дебоширов // БелТА. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/mvd-na-profilakticheskom-uchete-sostojat-okolo-14-tys-domashnih-deboshirov-536836-2022/>. – Дата доступа: 09.01.2023.

8. Стаценко, В.Г. Криминальное насилие в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь: криминологические аспекты / В.Г. Стаценко // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. – Минск, 2016. – С. 120–124.

9. Распространенность насилия в отношении женщин в Республике Беларусь : Р24 по материалам НИР «Исследование безопасности семьи в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] / Фонд ООН в области народонаселения в Республике Беларусь, Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». – Минск: Белээнс, 2019.

10. Результаты исследования распространенности насилия в отношении Р34 женщин в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Фонд ООН в области народонаселения в Республике Беларусь, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». – Минск: Белээнс, 2019.

11. Ощущение безопасности // Гендерная статистика. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gender.belstat.gov.by/violence/190?type=pieChart2®=\(T/F/M\):\(T\):\(T\)](http://gender.belstat.gov.by/violence/190?type=pieChart2®=(T/F/M):(T):(T)). – Дата доступа: 09.01.2023.

12. Sardinha, L. Global, regional, and national prevalence estimates of physical or sexual, or both, intimate partner violence against women in 2018 / L. Sardinha [et al.] // Lancet. – 2022. – Feb 26; 399(10327). – P. 803–813.

13. Насильственные методы дисциплинирования детей // Гендерная статистика. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://gender.belstat.gov.by/violence/195?type=lineChart®=\(T/F/M\):\(T\):\(T\)](http://gender.belstat.gov.by/violence/195?type=lineChart®=(T/F/M):(T):(T)). – Дата доступа: 09.01.2023.

14. Стаценко, В.Г. О некоторых тенденциях криминальной виктимности несовершеннолетних в Республике Беларусь и в Российской Федерации: компаративистский анализ / В.Г. Стаценко // Виктимология. – 2021. – № 2. – С. 164–169.

15. Храмов, С.М. Виктимность как одно из проявлений незаявленной преступности (на примере Республики Беларусь) / С.М. Храмов // Виктимология. – 2021. – № 1. – С. 94–99.

Поступила в редакцию 03.03.2023

О совершенствовании правового регулирования сделок, наделяющих уполномоченное, управомоченное лицо по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе

Николичев Д.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает различные юридические формы участия третьих лиц в делах собственника, регулируя таким образом область отношений представительского типа. Интерес представляет особая категория сделок, в которых уполномоченное, управомоченное лицо наделяется правом по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе, что позволяет ему злоупотреблять правом в ущерб интересам представляемых лиц. Возникший конфликт нуждается в обособленном правовом регулировании, как и само отношение.

Цель статьи – определить механизм правового регулирования сделок наделяющих уполномоченное, управомоченное лицо правом по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе.

Материал и методы. Материалом исследования являются законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации, специальная научная и методологическая литература, правоприменительная практика. При подготовке статьи были использованы следующие методы научного познания: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический, моделирования.

Результаты и их обсуждение. В работе анализируются существующие в науке гражданского права представления и реализованные в разное время на уровне законодательства подходы, имеющие цель урегулировать элемент свободы свободой усмотрения уполномоченного, управомоченного лица при совершении сделок в чужих интересах, обеспечить на этот случай интерес представляемых лиц. Формирование специального механизма правового регулирования, сочетающего действие норм регулятивной и охранительной направленности позволит обеспечить правовой режим данной категории сделок. Регулятивная норма закрепит квалифицирующий для однородной группы сделок признак – факт обладания лицом на основании законодательства, договора иной сделки полномочиями, правомочиями по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе. Охранительная норма даст возможность установить основание и условия недействительности сделки, совершенной уполномоченным, управомоченным лицом в ущерб интересам представляемого лица.

Заключение. Обосновано и раскрыто содержание механизма правового регулирования сделок, наделяющих уполномоченное, управомоченное лицо принимать юридически значимые решения в чужих интересах, предложено определение такой сделки.

Ключевые слова: сделка, представительство, поручение, полномочие, правомочие, свобода усмотрения.

On Improving the Legal Regulation of Transactions that Empower the Authorized Person to Make Legally Significant Decisions in Someone Else's Interest at their Own Discretion

Nikolichev D.N.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The Civil Code of the Republic of Belarus provides for various legal forms of participation of third parties in the affairs of the owner; thus regulating the area of relations of a representative type. Of interest is a special category of transactions in which an authorized person is vested with the right, at their own discretion, to make legally significant decisions in someone else's interest, which allows them to abuse the right to the detriment of the interests of the persons represented. The conflict that arises needs separate legal regulation, as does the relationship itself.

The purpose of the article is to determine the mechanism of legal regulation of transactions that give an authorized person the right, at their own discretion, to make legally significant decisions in someone else's interest.

Material and methods. As the research material, the following was used: the legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation, special scientific and methodological literature, law enforcement practice. The following methods of scientific knowledge were used: dialectical, system analysis, historical-legal, formal-legal, analytical-critical, modeling.

Findings and their discussion. The article analyzes ideas that exist in the science of civil law and the approaches implemented at various times at the level of legislation, which aim to regulate the element of freedom of discretion of an authorized person when making transactions in the interests of others, to ensure the interest of represented persons in this case. The formation of a special mechanism of legal regulation, combining the action of norms of a regulatory and protective orientation, will ensure the legal regime

for this category of transactions. The regulatory norm establishes a qualifying sign for a homogeneous group of transactions – the fact that a person, on the basis of legislation, an agreement on another transaction, has the authority, the right to make legally significant decisions in someone else’s interest at his own discretion. The protective norm allows establishing the basis and conditions for the invalidity of a transaction made by an authorized person to the detriment of the interests of the represented person.

Conclusion. *The content of the mechanism of legal regulation of transactions giving an authorized person the right to make legally significant decisions in the interests of others is substantiated and disclosed, a definition of such a transaction is proposed.*

Key words: *transaction, representation, commission, authority, right, discretion.*

Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Принцип осуществления гражданских прав по своему усмотрению, предусмотренный п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [1], наделяет лицо возможностью осуществлять гражданские права и исполнять обязанности как лично, так и через представителя, закрепляя юридическую и социально-экономическую основу отношений представительского типа. Исходный принцип реализуется в институтах гражданского законодательства регулирующих отношения как прямого, так и косвенного представительства.

Цель статьи – определить механизм правового регулирования сделок наделяющих уполномоченное, управомоченное лицо правом по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе.

Материал и методы. Материалом исследования являются законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации, специальная научная и методологическая литература, правоприменительная практика. При подготовке статьи были использованы следующие методы научного познания: диалектический, системного анализа, историко-правовой, формально-юридический, аналитико-критический, моделирования.

Результаты и их обсуждение. Сделки, совершаемые с участием уполномоченного, управомоченного лица, получили в гражданском обороте широкое распространение. Необходимость обращения к таким лицам вызвана не только объективными, но и субъективными факторами. Профессионализация и специализация рынка товаров, работ и услуг объективно расширяет область применения данных сделок. В этом смысле можно говорить об отношениях с участием управляющего, поверенного, коммерческого представителя, комиссионера, агента, доверительного управляющего, исполнителя завещания и других лиц, которые в силу законодательства, договора иной сделки действуют в чужих интересах.

В зависимости от чьего имени действует уполномоченное, управомоченное лицо существуют

различаемые в законодательстве, но имеющие общую природу и назначение институты прямого (доверенность, поручение) и косвенного представительства (комиссия, доверительное управление и др.). В одном случае лицо обладает полномочиями на совершения сделок, в другом основанием выступает полномочие.

Несмотря на проводимое законодательством разграничение сделок по критерию действия лица «от имени представляемого» (прямое представительство) и «от своего имени» (косвенное представительство) в основании совершаемых уполномоченным, управомоченным лицом сделок больше общего, чем различия. История вопроса показала, что изначальным делением институтов на прямое и косвенное представительство послужил критерий свободы усмотрения уполномоченного лица. Так, Л.Н. Казанцев разделяет позицию А. Шлимана, который, наряду со свободой усмотрения, волей посредствующего лица указывает на самостоятельность лица, вступающего в сделки с третьими лицом [2, с. 26]. В результате, критерий самостоятельности представителя (действие от своего имени) послужил выделению учеными косвенного или одностороннего представительства.

О.А. Гордон и представители немецкой школы (в частности, Р. фон Иеринг, Т. Арндтсон) рассматривали представительство в широком смысле, усматривая назначение данного института в создании правовых последствий в лице представляемого независимо от того, вступает в отношение с третьими лицами представитель сам или от имени представляемого. Возникшая дискуссия по признаку внешней связи привела к выделению косвенного «одностороннего» представительства и полного представительства. При полном представительстве связь представителя и представляемого для третьего лица видима, при одностороннем представительстве такая связь для третьего лица скрыта [3, с. 20]. «Несмотря на внутреннее существенное различие, – как заметил О.А. Гордон, – не следует этот способ юридической деятельности одного лица в интересе другого, совершенно исключать из состава представительства» [3, с. 22; 35].

Полемика по этому вопросу имела не только научное, но и практическое значение. Форма представительства выделялась либо по специфике материального отношения, либо по кругу юридически признанных условий, необходимых для образования того или иного вида представительства. В последующем О.С. Иоффе по этому вопросу писал: «Напротив, материальные отношения, лежащие в основе договоров поручения и комиссии, ничем друг от друга не отличаются: и там и здесь они связаны с осуществлением или приобретением прав и обязанностей одним лицом для другого. Но если первое не выступает от имени второго, нет договора поручения, а если осуществляющий чужие права и обязанности не выступает от собственного имени, не будет договора комиссии. Следовательно, и названные договоры образуют самостоятельные договорные типы, но уже в результате разнородности не опосредствуемых ими материальных отношений, а существенных условий, объективно необходимых для формирования каждого из этих договоров» [4, с. 23].

Подчеркивая практическую сторону вопроса, Л.С. Таль, в отношении договора поручения отмечал, что «многие законодательные положения, регулирующие договор поручения, не являются исключительно специфичными только для этого договора, а напротив, характерны для любых типов договоров, предусматривающих действие в чужом интересе» [5, с. 12–13].

Точки зрения современных ученых на предмет прямого и косвенного представительства также варьируются. По мнению Л.В. Санниковой, вряд ли «было бы правильным расценивать законодательные установления как препятствия для выработки более широкого по объему доктринального понятия представительства» [6, с. 55]. В свою очередь, Е.И. Орешин предлагает рассматривать представительство в широком смысле, в которое входит не только прямое представительство (представительство в узком смысле), но и косвенное [7, с. 6].

Наряду с указанными чертами общность институтов определяют и структурные элементы представительского, в широком смысле правоотношения: наличие поручения, указывающего на предмет деятельности лица, полномочие и правомочие содержащие право совершать сделки и другие юридические действия, а также то, что сделка совершается уполномоченным, управомоченным лицом в чужих интересах.

Анализ законодательства и изучение практики применения институтов представительского типа позволил установить еще одно общее для них

и не урегулированное законодательством правовое явление – конфликт интересов между доверителем и поверенным, комитентом и комиссионером иными лицами, в пользу которых исполняется поручение. Причиной конфликта является представленная уполномоченному либо управомоченному лицу, на основании законодательства, договора иной сделки, возможность, действуя в чужих интересах, принимать юридически значимые решения по своему усмотрению, нередко в ущерб интересам представляемых лиц. Последние, считая себя потерпевшими, обращаются за защитой своих прав в правоохранительные органы с заявлением о мошенничестве. Однако после проверки получают отказ в возбуждении уголовного дела с формулировкой: «Усматриваются гражданско-правовые отношения». Используя установленные по результатам проверки фактические обстоятельства, потерпевшие обращаются в суд с гражданско-правым требованием о признании сделки совершенной уполномоченным, управомоченным лицом недействительной. Но оспорить совершенные уполномоченным, управомоченным лицом сделки, возместить причиненный ущерб, на основании норм гражданского законодательства, не всегда представлялось возможным, поскольку сделки совершены на основании полномочия, правомочия с соблюдением принципа автономии воли.

Суды, оценивая негативные последствия деятельности уполномоченного, управомоченного лица, при очевидном нарушении интереса заявителя и отсутствии на этот случай в законодательстве специальной охранительной нормы вынуждены самостоятельно искать решение для выхода из сложившейся ситуации. Вопрос, на который необходимо ответить, очевиден: на каком основании формально правомерную сделку совершенную уполномоченным, управомоченным лицом признать недействительной, взыскать причиненный ущерб? Ответ на поставленный судебной практикой вопрос привел к появлению различных правовых позиций, что свидетельствует не в пользу правоприменительной практики.

Очевидны негативные последствия сделок с участием посредников, выстраивающих различные экономические схемы. В фокус государственных органов систематически попадает так называемое необоснованное, недобросовестное посредничество, в контексте использования субъектами хозяйственной деятельности коррупционных схем. Как результат – ущерб государству. В своих выступлениях председатель Комитета

госконтроля Республики Беларусь обратил внимание на значительный объем такого рода сделок, что на долю всех необоснованных, недобросовестных посредников приходится более 1,5 миллиарда долларов. Для сравнения, это 3% от ВВП страны [8].

Решение вопроса, по мнению представителей государственных органов, требует: а) исключить необоснованное посредничество и б) принять меры к пресечению недобросовестного посредничества. В первом случае означает ввести какие-то барьеры, ограничения, исключения и т.п. Во втором – усилить меры ответственности, используя механизм административного и уголовного законодательства.

Решить проблему путем совершенствования исключительно санкционных (уголовных и административных) норм не всегда представляется возможным. Как показало время, экономические схемы совершенствуются, а вопрос недобросовестного посредничества поднимается вновь.

Проявление свободы усмотрения в деятельности уполномоченного, управомоченного лица находит отражение в различных условиях поручаемой сделки. Даже при точном определении предмета сделки, например продажа товара, способ ее осуществления может быть намечен приблизительно. В этом случае уполномоченное, управомоченное лицо свободно в установлении цены, выборе контрагента, порядка расчетов, способах доставки товара, не лимитировано сроками совершаемых действий и т.п., за которыми начинается нарушение интереса представляемого. Крайняя степень свободы усмотрения – когда поручение определено какой-либо коммерческой задачей, и в данном случае лицо ничем не стеснено, кроме формального требования – действовать добросовестно и разумно к выгоде представляемого. Таким образом, чем точнее сформулировано поручение, тем меньше область, предоставленная свободному усмотрению, выбору, и наоборот.

Поднятая на современном этапе проблема основания и последствий свободы усмотрения уполномоченного, управомоченного лица при совершении сделок в чужих имущественных интересах не нова и имеет определенную преемственность, *которая основывается на теоретических представлениях ученых, следует из практики формирования законодательства различных периодов времени и разных государств.*

Существующие теории, направления, взгляды, затрагивают различные аспекты исследуемого явления. История вопроса показала, что свобода усмотрения в деятельности уполномоченно-

го, управомоченного лица находит обсуждение не только в научной литературе (во взглядах ученых о сущности сделок совершаемых в чужих интересах (основных теориях), в вопросах типологии таких отношений (прямого и косвенного представительства), анализе и характеристике структурных элементов, свойственных представительскому отношению (поручение, полномочие, правомочие, действие представителя) [2, с. 54; 3, с. 127, 212; 9; 10], но и апробирование на уровне законодательных постановлений как прошлого, так и современности.

Социально-экономическая необходимость юридического оформления свободы усмотрения в деятельности уполномоченного, управомоченного лица сформировалась еще задолго до признания института представительства в его современном понимании. Значительно позже элемент свободы усмотрения в деятельности уполномоченного, управомоченного лица нашел отражение как в дискуссии правоведов, так и в законодательстве. Такие отношения именовались как «procura (лат. наместничество)» [3, с. 127], «договор об управлении именем» (от нем. *Verwaltungsvertrag*) [3, с. 212], «деятельность главного приказчика или общего уполномоченного» [11], «управленческое представительство» [12].

Сегодня отчетливо проявляется определенная тенденция формирования нормативной основы в сторону увеличения свободы усмотрения в деятельности уполномоченного, управомоченного лица без должного на то обеспечения интереса представляемых лиц. Такая тенденция выдержана в соответствующих нормах ГК, закрепляющего институты представительского типа. Так, поверенный, действующий как коммерческий представитель, «самостоятельно представляет от имени предпринимателей» (ст. 185 ГК), поверенный в договоре поручения «вправе отступить от указаний доверителя, если по обстоятельствам дела это необходимо в интересах доверителя» (п. 2 ст. 863 ГК), комиссионер действует «в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями», имеет возможность «отступить от указаний комитента» (ст. 882, п. 1 ст. 885 ГК), доверительный управляющий – «вправе совершать в отношении имущества в соответствии с договором доверительного управления любые юридические и фактические действия в интересах вверителя или выгодоприобретателя» (п. 2 ст. 895 ГК), аналогичный режим допускается и в деятельности исполнителя завещания (ст. 1053 ГК).

Обеспечение интереса представляемых лиц в отношениях представительского типа это «тонкая грань», представляющая из себя тот случай, когда уполномоченное, управомоченное лицо, совершая сделку в чужих интересах, действует формально правомерно на основании поручения, полномочия, правомочия, но при этом в ущерб интересам представляемого.

При этом закономерно возникает вопрос о последствиях такой сделки, а также о тех критериях, по которым такая сделка может быть оспорена.

Следует констатировать, что для обеспечение интереса представляемого лица необходим комплексный подход, не только лишь фиксация позитивного поведения – определение юридической природы сделки наделяющей уполномоченное, управомоченное лицо принимать юридически значимые решения в чужом интересе по своему усмотрению. Баланс в правовом регулировании может быть достигнут при условии взаимодействия норм, закрепляющих позитивное поведение (факт свободы усмотрения), с нормами охранительной направленности (основания и условия для оспаривания совершенной в ущерб интересам представляемых лиц сделки).

Существующие в науке гражданского права представления и реализованные в различное время на уровне законодательства подходы, имеющие цель урегулировать отношения по поводу наделения уполномоченного, управомоченного лица свободой усмотрения при совершении сделок в чужих интересах, а также обеспечить интерес лиц, в пользу которых поручение исполняется, могут быть сведены к следующим.

В первую очередь, это традиционный подход, реализованный путем закрепления в законодательстве самостоятельных институтов регулирующих деятельность лица в чужом интересе, наделенного различной степенью свободы усмотрения, доверенность, поручение, комиссия, доверительное управление и т.п.

Во-вторых, известная попытка унифицировать типичные институты, которая была предпринята законодателем при разработке проекта Гражданского уложения Российской Империи в двух нормах (ст. 2044 и 2045) [10], предусматривающих деятельность уполномоченных лиц по управлению различными гражданско-правовыми объектами.

В-третьих, введение российским законодателем, с целью обеспечения интересов представляемых лиц специальной охранительной нормы, позволяющей оспорить сделку, совершенную

уполномоченным лицом по признаку ущерба интересам представляемого и организации (п. 2 ст. 174 ГК РФ) [13].

Несмотря на то, что существующие подходы содержат определенные направления, они не учитывают необходимость системной взаимосвязи между регулятивными и охранительными нормами.

Заключение. Таким образом, задача механизма правового регулирования – осуществить комплексное воздействие на общественное отношение. Методологическую основу такого воздействия образуют принципиальные положения, закрепленные в ст. 8 и ст. 9 ГК, которые позволяют очертить контуры специального механизма правового регулирования состоящего из двух этапов: 1) формирование регулятивной нормы, определяющей особую категорию сделок совершаемых уполномоченным, управомоченным лицом и 2) охранительной нормы, закрепляющей основание и условия оспаривания сделок. Область предмета правового воздействия образуют: а) сделки, наделяющие лицо полномочием, правомочием принимать юридически значимые решения в чужом интересе по своему усмотрению (позитивное поведение) и б) последствия сделок, совершенных в ущерб интересам представляемых лиц (негативное поведение).

Реализация первого этапа формирования механизма правового регулирования предполагает на уровне общего правила (нормы) выделить особую категорию сделок, по условиям которых уполномоченное, управомоченное лицо наделяется правом по своему усмотрению принимать юридически значимые решения в чужом интересе. Одновременно определить такую категорию сделок как: *«Сделка, считается совершенной по усмотрению уполномоченного, управомоченного лица, если в силу законодательства, договора, иной сделки такое лицо наделено правом своей волей принимать юридически значимые решения в чужих интересах».*

Предлагаемый подход позволит:

- повысить эффективность правового регулирования сделок, совершаемых уполномоченным, управомоченным лицом в чужих интересах;
- гарантировать непосредственную реализацию гражданско-правовых принципов (осуществления гражданских прав по своему усмотрению и не допустимость злоупотребления правом);
- обеспечить права и интересы собственника, который, в силу различных причин, наделил

уполномоченное лицо свободой усмотрения в ведении своих дел.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство в Республике Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Казанцев, Л.Н. Учение о представительстве в гражданском праве / Л.Н. Казанцев. – Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1878. – 131 с.
3. Гордон, А.О. Представительство в гражданском праве / А.О. Гордон. – СПб.: Тип. Шредера, 1879. – 447 с.
4. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
5. Таль, Л.С. Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения / Л.С. Таль. – СПб.: [Б.м.], 1911. – 39 с.
6. Санникова, Л.В. Договоры о представительстве / Л.В. Санникова // Журн. рос. права. – 2004. – № 4. – С. 54–59.
7. Орешин, Е.И. Договоры о представительстве в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.И. Орешин; Ин-т государства и права РАН. – М., 2007. – 26 с.
8. В Беларуси намерены бороться с недобросовестным посредничеством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bobruisk.ru/news/2019/10/21/v-belarusi-namereny-borotsya-s-nedobrosovestnym-posrednichestvom-o-chem-dokument>.
9. Свод законов Российской империи. Т. XI, Ч. II. Разд. I: О найме приказчиков и торговых поручениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/250/973.html#img974>. – Дата доступа: 18.05.2019.
10. Гражданское уложение: проект Высочайшей учрежденной Редакционной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=4930&page=14>. – Дата доступа: 12.09.2019.
11. Цитович, П.П. Труды по торговому и вексельному праву: учебник торг. права [Электронный ресурс] / П.П. Цитович // Классика российской цивилистики. – Режим доступа: http://library.brsu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1393.html. – Дата доступа: 17.04.2019.
12. Веленто, И.И. Теория экономического права: учеб. пособие / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Минск: Книжный дом, 2006. – 416 с.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. – Режим доступа: <http://www.grazkodeks.ru/>. – Дата доступа: 04.01.2023.

Поступила в редакцию 07.02.2023

УДК 336.77.067:334.7

О необходимости введения предварительной оценки кредитного риска субъектов малого и среднего бизнеса на основе непараметрических моделей

Дём О.Д.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

Эффективная организация процесса кредитования и правильная оценка кредитоспособности клиентов, относящихся к малому и среднему бизнесу, позволяют снизить уровень кредитных рисков банка в целом. Кредитный риск представляет собой наиболее существенную составляющую банковских угроз, поскольку большинство банковских банкротств обусловлено невозвратом заемщиками кредитов и непродуманной политикой банка в области рисков.

В Республике Беларусь наиболее распространенные виды деятельности для малых и средних, а также микроорганизаций – это оптовая и розничная торговля, ею занимаются более трети от общего количества организаций, далее идут промышленность и строительство.

Цель статьи – разработать метод предварительной оценки кредитного риска субъектов малого и среднего бизнеса на основе трехфакторной непараметрической модели.

***Материал и методы.** В процессе исследования использовались: современная научная отечественная и зарубежная литература, посвященная непараметрическим методам оценки кредитоспособности субъектов малого и среднего бизнеса. Основными методами изучения эмпирического и теоретического характера являются: анализ, синтез, сравнение, симплекс-метод.*

***Результаты и их обсуждение.** Проведена систематизация непараметрических математических методов и инструментов. Обоснованы критерии отбора эталонных субъектов и сформирована выборка. Построена модель оценки для субъектов торговли, относящихся к малому и среднему бизнесу.*

Осуществлен отбор доступных для наблюдения субъектов малого и среднего бизнеса, занимающихся торговой деятельностью в количестве 9 единиц. Графически представлены модели DEA с единичным входным и выходным параметрами. Для этого использовался программный продукт Microsoft Excel. Определены позиции каждой исследуемой торговой организации малого и среднего бизнеса по одному входному (численность трудовых ресурсов) и одному выходному (выручка) параметру относительно предельно возможной границы эффективности для участников рынка, занимающихся однородной деятельностью. Выявлены лидеры, надежные заемщики, а также организации, которым следует отказать в выдаче кредитных ресурсов.

***Заключение.** Разработан алгоритм предварительного отбора среди субъектов малого и среднего бизнеса в качестве клиентов коммерческих банков, а также в построении непараметрической трехфакторной модели для субъектов малого и среднего бизнеса, занимающихся торговлей.*

Практическая значимость заключается в возможности использования предлагаемой трехфакторной модели для предварительной оценки кредитного риска отечественных предприятий малого и среднего бизнеса, а также в целесообразности применения для них показателя сравнительной эффективности, что будет способствовать снижению просроченной задолженности коммерческих банков по выданным кредитам.

Построенная модель объективно отражает кредитный риск, связанный с конкретной торговой организацией, что служит основанием для принятия решения о выдаче кредита.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего бизнеса, кредитный риск, предварительная оценка кредитного риска, непараметрические модели, входные и выходные параметры, трехфакторная модель оценки, сравнительная эффективность.

On the Need to Introduce Credit Risk Preliminary Assessment of Small and Medium-Size Businesses Based on Non-Parametric Models

Dziom V.D.

Education Establishment "Vitebsk State Technological University"

Efficient organization of the lending process and the correct assessment of the creditworthiness of small and medium-size businesses, allows one to reduce the level of credit risks of the bank as a whole. Credit risk is the most significant component of banking threats, since most bank failures are due to the default of borrowers on loans and ill-conceived risk policy of the bank.

In the Republic of Belarus, the most common types of activities for small and medium-size, as well as micro businesses, are wholesale and retail trade, more than a third of the total number of businesses are engaged in it, followed by industry and construction.

The purpose of the article is to develop a method for preliminary assessment of the credit risk of small and medium-size businesses based on a three-factor non-parametric model.

Material and methods. *In the course of the study, the following was used: modern scientific domestic and foreign literature on non-parametric methods for assessing the creditworthiness of small and medium-size businesses. The main methods of studying the empirical and theoretical nature are: analysis, synthesis, comparison, simplex method.*

Findings and their discussion. *The systematization of non-parametric mathematical methods and tools was carried out. The criteria for selecting reference subjects were substantiated and a sample was formed. An assessment model was built for trade entities belonging to small and medium-size businesses.*

Selection of 9 small and medium-size businesses available for observation, engaged in trading activities, was made. Graphically, DEA models with single input and output parameters were presented. For this, the Microsoft Excel software product was used. The positions of each studied trade organization of small and medium-size businesses were determined in terms of one input (number of labor resources) and one output (revenue) parameter relative to the maximum possible efficiency frontier for market participants engaged in homogeneous activities. Leaders, reliable borrowers, as well as companies that should be denied credit resources have been identified.

Conclusion. *A preliminary selection algorithm was developed among small and medium-size businesses as clients of commercial banks, as well as in building a non-parametric three-factor model for small and medium-sized businesses engaged in trade.*

The practical significance lies in the possibility of using the proposed three-factor model for a preliminary assessment of the credit risk of domestic small and medium-size companies, as well as in the advisability of using a comparative efficiency indicator for them, which will help reduce overdue debts of commercial banks on loans issued. The constructed model objectively reflects the credit risk associated with a particular trade companies, which serves as the basis for making a decision to issue a loan.

Key words: *small and medium-size businesses, credit risk, preliminary credit risk assessment, non-parametric models, input and output parameters, three-factor assessment model, comparative efficiency.*

Эффективная организация процесса кредитования и правильная оценка кредитоспособности клиента позволяют снизить уровень кредитных рисков банка. Кредитный риск – возможность изменения стоимости активов в результате неспособности контрагентов исполнять свои обязательства, в частности, по выплате процентов и основной сумме займа. Таким образом, кредитный риск складывается из риска невозврата основной суммы долга и риска неуплаты процентов по ссуде. Он представляет собой наиболее существенную составляющую банковских угроз, поскольку большинство банковских банкротств обусловлено невозвратом заемщиками кредитов и непродуманной политикой банка

в области рисков. В Республике Беларусь наиболее распространенные виды деятельности для малых и средних, а также микроорганизаций – оптовая и розничная торговля, ею занимаются более трети от общего количества организаций, далее идут промышленность и строительство.

Основным сдерживающим фактором для обращения за кредитом для субъектов малого бизнеса были и есть высокие процентные ставки, а также низкое обеспечение залогом. Однако в условиях отсутствия значимого имущества субъекты малого бизнеса имеют низкие возможности получить кредит.

Для того чтобы активно использовать выдачу беззалоговых кредитов, банки должны объек-

тивно оценивать кредитоспособность и платежеспособность заемщика. В этой связи возрастает значение разработки и использования новых технологий оценки кредитного риска малых и средних предприятий. Отсутствие подобных систем приводит к отнесению одного и того же заемщика в разных банках к разной группе риска. Кроме того, отказ банка заемщику в кредите ухудшает его кредитную историю.

Решить эту проблему, на наш взгляд, возможно, предложив механизм предварительной оценки кредитного риска для субъектов малого и среднего бизнеса для потенциальных заемщиков. Автор достаточно давно исследует данную проблему [1; 2].

Цель статьи – разработать метод предварительной оценки кредитного риска субъектов малого и среднего бизнеса на основе трехфакторной непараметрической модели.

Материал и методы. В процессе исследования использовались: современная научная отечественная и зарубежная литература, посвященная непараметрическим методам оценки кредитоспособности субъектов малого и среднего бизнеса. Основными методами изучения эмпирического и теоретического характера являются: анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, классификация, симплекс-метод.

Результаты и их обсуждение. Проведена систематизация непараметрических математических методов и инструментов. Обоснованы критерии отбора эталонных субъектов и сформирована выборка. Построена модель оценки для субъектов торговли, относящихся к малому и среднему бизнесу.

Базельский комитет рекомендует использовать один из двух подходов к расчету кредитных рисков: стандартизированный подход и подход на основе использования внутренней рейтинговой системы.

Стандартизированный подход к оценке кредитного риска является более простым. Он предполагает использование дифференцированной системы весов риска, не требуя при этом громоздких расчетов. В основе определения величины кредитного риска лежит кредитный рейтинг, присвоенный данному заемщику/обязательству кредитным агентством, специализирующимся на присвоении кредитных рейтингов.

Анализ финансовой отчетности по международным стандартам показал, что внутренние кредитные рейтинги в том или ином виде используются во многих белорусских банках. При этом только некоторые банки Республики Беларусь имеют более развитые рейтинговые

системы, например, ОАО «БПС-Сбербанк» и ОАО «Приорбанк». Одним из важных этапов оценки кредитного риска является метод оценки кредитоспособности клиента, который осуществляется на основе анализа, направленного на выявление его финансового состояния и его тенденций.

Для проведения предварительной оценки достаточно будет письма-заявки от заемщика, а также бухгалтерского баланса и отчета о прибылях и убытках; для заемщиков, находящихся на упрощенной системе налогообложения, необходимо предоставить упрощенную форму баланса и упрощенную форму отчета о прибылях и убытках.

Предварительная оценка кредитоспособности предприятий малого и среднего бизнеса торговых предприятий будет строиться по методологии DEA, которая базируется на основе непараметрических методов линейной оптимизации. Методология DEA-анализа по своей природе универсальна и применима к сложным системам различных областей [3; 4].

Рассмотрим сложившийся алгоритм реализации DEA-анализ применительно к объектам торговли.

В качестве важнейших показателей эффективности работы торговой организации принимаем прибыль и выручку. Наличие прибыли является важнейшим условием получения кредита, а выручка характеризует долю на рынке среди предприятий-конкурентов. Выходным параметром являются трудовые ресурсы, а именно среднесписочная численность работающих.

Таким образом, дальнейший анализ будет проводиться по одному входному параметру – численность работников и двум выходным параметрам – доходы от реализации и абсолютная сумма прибыли от реализации.

Выделяют три основных этапа реализации DEA-анализа.

На первом этапе использованы данные предприятий торговли малого и среднего бизнеса (кредитополучатели коммерческого банка). Количество объектов торговли, включенных в первоначальную выборку, составило 9 единиц. На основании отчетных данных торговых организаций малого и среднего бизнеса отобрана информация об основных показателях деятельности и представлена в таблице 1.

На втором этапе построим границу эффективности по выбранным торговым объектам. Граница эффективности позволяет визуально зафиксировать на условной прямой организации, работа которых по исследуемому критерию признается наилучшей, и «отделить» их от оставшихся

Таблица 1 – Показатели деятельности организаций торговли малого и среднего бизнеса

Название фирмы	Среднегодовая численность, человек	Выручка, тыс. руб.	Сумма прибыли от реализации, тыс. руб.
Фирма «А»	1	131,56	15,6
Фирма «Б»	5	214,0	29,0
Фирма «В»	3	308,1	15,4
Фирма «Г»	6	513,3	1,0
Фирма «Д»	4	680,9	41,0
Фирма «Е»	10	1 031,0	8,0
Фирма «Ж»	10	1 053,1	34,4
Фирма «З»	7	1 169,0	18,0
Фирма «И»	15	2 800,0	19,0

Примечание. Составлено автором.

субъектов. Посредством построения перпендикулярных векторов от позиции (точки на заданном пространстве «входов-выходов») любого такого «неэффективного» субъекта на построенную прямую эффективности можно отобразить потенциальные направления наращивания его результативности либо за счет увеличения выходного параметра, либо за счет сокращения входного параметра. Для исследуемых организаций результаты, полученные на данном этапе анализа по изучаемой выборке, представлены на рисунке 1.

Из данных рисунка 1 следует, что максимальную эффективность по выбранным входному и выходному параметрам демонстрирует фирма «И», через которую проходит прямая линия эффективности. Близкими к границе эффективности являются фирма «Д» – производительность 170,23 тыс. руб./чел.; фирма «З» – производительность 167,0 тыс. руб./чел. В этот список также включена фирма «А» – с производительностью 131,56 тыс. руб./чел., которая на последующих этапах исследования продемонстрирует ведущие позиции.

В качестве основного объекта исследования может оказаться любая из представленных на рисунке 1 организаций, это не влияет на общую методологию анализа, а является критерием сравнения для конкретного объекта торговли.

На третьем этапе были введены несколько выходных параметров (выручка и сумма прибыли от реализации), а модель предварительной оценки кредитоспособности реализуется уже при помощи специального программного обеспечения, в качестве которого использован дополнительный программный модуль табличного редактора Excel, автоматизирующий методы линейного программирования – симплекс-метод. Ключевым показателем, определяющим качество использования ресурсно-

го потенциала, является сравнительная эффективность конкретного предприятия с эталонными. Его максимальное значение равно единице.

Результаты анализа в графической форме представлены на рисунке 2.

Как видно из рисунка 2, фирмы «А», «Д», «И» эффективны. Именно через них проходит фронт эффективности по трехфакторной модели. Близкой к фронту эффективности являются фирма «З» – производительность 167,0 тыс. руб./чел., прибыль на 1 работника 2,57 тыс. руб. Фирмы «В», «Ж», «Е» – неэффективны. Фирма «Б» и «Г» неэффективны и не могут являться границей эффективности, поскольку в данном случае возможно изменение выручки без изменения прибыли и наоборот.

Отличительная черта рассматриваемого метода – определение сравнительной эффективности исследуемых предприятий, вошедших в выборку, с эталонными предприятиями. При этом эталонное предприятие имеет наилучшие показатели прибыли и выручки от реализации на одного работающего. На рисунке 3 представлена сравнительная эффективность организаций торговли малого и среднего бизнеса.

На рисунке 3 показано, что фирмы «А», «Д», «И» являются лидерами, эталонными предприятиями и надежными заемщиками. Причем по фирме «И» строилась граница эффективности и она изначально являлась эталоном. Фирмы «А» и «Д» данной выборки находились ближе всего к границе эффективности. Уровень сравнительной эффективности исследуемых фирм колеблется в диапазоне от 0,37 до 0,91. Данная модель позволяет рассчитать резервы роста для фирм, сравнительная эффективность которых ниже 1.

Результаты расчетов приведены в таблице 2. Резервы роста изменяются от 540 рублей для

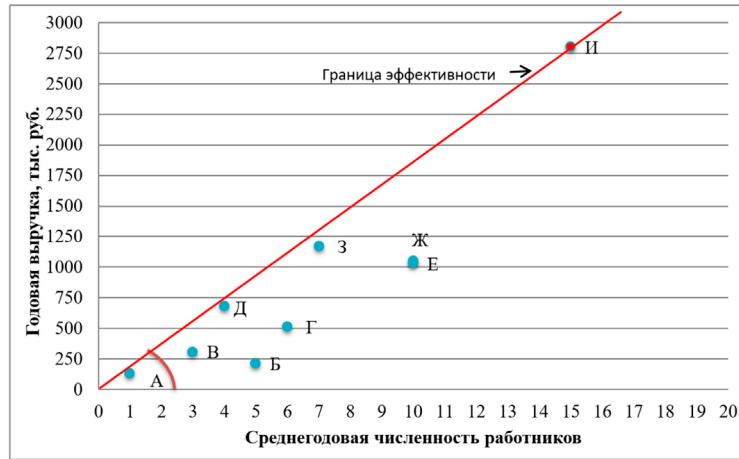

Рисунок 1 – Граница эффективности организаций торговли малого и среднего бизнеса по двум параметрам
 Примечание. Составлено автором.

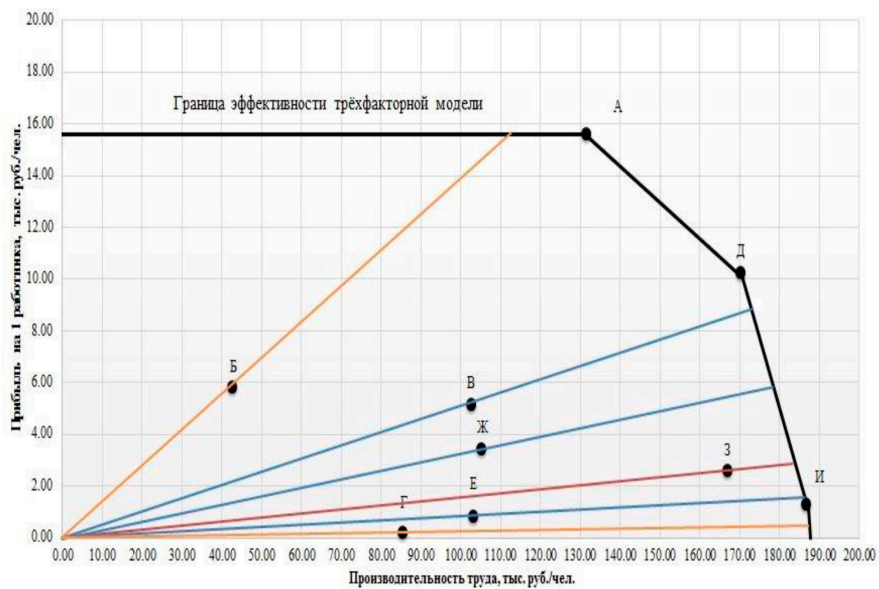

Рисунок 2 – Граница эффективности организаций торговли малого и среднего бизнеса по трем параметрам
 Примечание. Составлено автором.

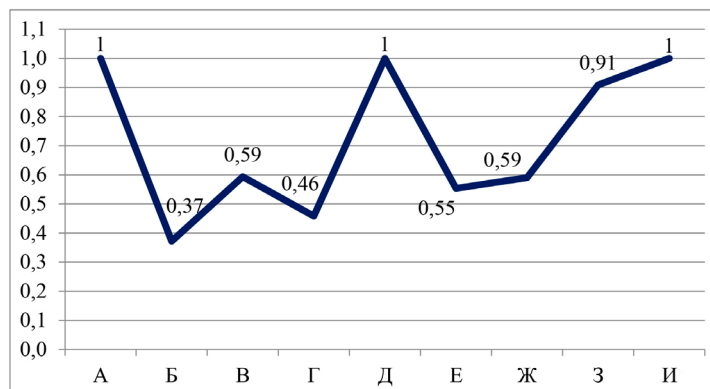

Рисунок 3 – Сравнительная эффективность организаций торговли по трехфакторной модели
 Примечание. Составлено автором.

Таблица 2 – Оценка резервов роста прибыли торговых организаций, тыс. руб.

Показатель	Организация								
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И
Резервы роста прибыли торговой организации, тыс. руб.	0	18,27	6,31	0,54	0	3,6	14,1	1,62	0

Примечание. Составлено автором.

фирмы «Г» до 18,27 тыс. руб. для фирмы «Б». Трехфакторную модель сравнительной эффективности можно признать объективной, поскольку эффективность организации определяется максимальной величиной параметров на одного работающего.

Заключение. В настоящее время в Республике Беларусь разработана государственная программа «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы [5] и процесс предварительного отбора потенциальных заемщиков имеет первостепенное значение. В зарубежной практике данный метод используется давно и подтвердил свою эффективность [6–8]. Использование на этапе предварительной оценки кредитоспособности организаций малого и среднего бизнеса имеет следующие преимущества:

1. Дает реальную оценку кредитного риска конкретного предприятия по ограниченному количеству критериев, при этом не потребуются никаких дополнительных данных, только официальные отчетные документы. Кроме того, осуществляется сравнительная оценка анализируемого предприятия с предприятиями-эталоном, занимающимися тем же бизнесом и выявляются резервы его роста.

2. Данный метод экономичен и нагляден, позволяет сразу отсеять высоко рискованных заемщиков и экономить время и деньги в работе экспертов.

3. Квалификация банковских программистов позволит активно использовать Excel и симплекс-метод, что не требует больших вложений.

4. Разработанные модели целесообразно размещать на сайте коммерческого банка для потенциальных заемщиков, чтобы они могли сами оценить вероятность получения кредита, не ухудшая свою кредитную историю.

Недостатком указанного метода можно назвать трудоемкость, поскольку каждый вид деятельности требует разработки новой модели и постоянного мониторинга для введения новых данных предприятий-эталон. Однако предварительный отбор лучших заемщиков позволит снизить общую нагрузку на банковских работников.

Таким образом, разработан алгоритм предварительного отбора среди субъектов малого и среднего бизнеса в качестве клиентов коммерческих

банков, а также в построении непараметрической трехфакторной модели для субъектов малого и среднего бизнеса, занимающихся торговлей;

Практическая значимость заключается в возможности использования предлагаемой трехфакторной модели для предварительной оценки кредитного риска отечественных предприятий малого и среднего бизнеса, а также в целесообразности применения для них показателя сравнительной эффективности, что будет способствовать снижению просроченной задолженности коммерческих банков по выданным кредитам.

Построенная модель объективно отражает кредитный риск, связанный с конкретной торговой организацией, что служит основанием для принятия решения о выдаче кредита.

Литература

1. Дём, О.Д. Оценка кредитного риска субъектов малого бизнеса в Республике Беларусь: монография / О.Д. Дём, А.Г. Бульбенко. – Витебск, 2023. – 97 с.
2. Дём, О.Д. Оценка кредитоспособности клиентов: опыт и пути развития в банковской системе Республики Беларусь: монография / О.Д. Дём. – Витебск, 2020. – 127 с.
3. Маханько, Л. Непараметрические методы анализа в оценке кредитоспособности организаций (на примере организаций торговли) / Л. Маханько, М. Пономарева // Банк. вестн. – 2020. – № 5(682). – С. 30–37.
4. Моргунов, Е.П. Краткое описание метода Data Envelopment Analysis / Е.П. Моргунов, О.Н. Моргунова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://morgunov.org/docs/DEA_intro.pdf. – Дата доступа: 30.05.2021.
5. О государственной программе «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29.01.2021, № 56 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
6. Charnes, A. Measuring the Efficiency of Decision Making Units / A. Charnes [et al]. – European Journal of Operational Research. – 1978. – Vol. 2. – pp. 429–444.
7. Coelli, T. An Introduction to Efficiency and Productivity Analysis / T. Coelli. – Boston, 1998. – 275 p.
8. Cooper, W.W. Data Envelopment Analysis: Comprehensive Text with Models, Applications, References, and DEA-Solver Software / W.W. Cooper, L.M. Seiford, K.A. Tone. – Boston, 2000. – 318 p.

Поступила в редакцию 22.05.2023

Количественная оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь в региональном аспекте

Самоховец М.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

Статья посвящена количественной оценке ресурсов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь в региональном аспекте. В результате сделаны выводы и даны рекомендации, которые могут использоваться в последующей оценке ресурсообеспеченности аграрного сектора и его ресурсного потенциала, учитываться при принятии управленческих решений по социально-экономическому развитию регионов.

Цель статьи – провести анализ и количественно оценить имеющиеся ресурсы у сельскохозяйственных организаций и предложить рекомендации по совершенствованию механизма управления ресурсным потенциалом аграрного бизнеса.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, занимающихся изучением экономических основ развития агропромышленного комплекса. Информационной базой исследования являются официальные статистические данные в открытом доступе Национального статистического комитета Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, метод группировок, сравнительный анализ, абстрактно-логический метод.

Результаты и их обсуждение. На основе анализа статистических данных по 5-ти видам ресурсов сельскохозяйственных организаций по 118-ти районам Республики Беларусь определены характеристики типичного района Республики Беларусь по имеющимся у сельскохозяйственных организаций ресурсам по видам, определены районы-лидеры и районы-аутсайдеры по количеству различных видов ресурсов, выявлена прямая зависимость отдельных видов ресурсов друг от друга. Даны рекомендации по совершенствованию механизма управления ресурсным потенциалом аграрного бизнеса.

Заключение. Перспективным направлением в управлении аграрным бизнесом Республики Беларусь становится улучшение его финансовых результатов за счет максимально полной реализации ресурсного потенциала. В этой связи необходимой становится количественная и качественная оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций. Проведенный анализ и количественная оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь по видам ресурсов позволили сформулировать рекомендации по совершенствованию механизма управления ресурсным потенциалом аграрного сектора в региональном аспекте.

Ключевые слова: ресурсы, ресурсный потенциал, ресурсообеспеченность, количественная оценка, аграрный бизнес, сельскохозяйственные организации.

Resource Quantification of Agricultural Companies of the Republic of Belarus in the Regional Aspect

Samokhovets M.P.

Education Establishment "Vitebsk State Technological University"

The article is concerned with the resource quantification of agricultural companies of the Republic of Belarus in the regional aspect. As a result, conclusions are drawn and recommendations are given that can be used in the subsequent assessment of the resource availability of the agricultural sector and its resource potential, they can be taken into account when making managerial decisions on the social and economic regional development.

The purpose of the article is to analyze and quantify the available resources of agricultural companies and offer recommendations for improving the mechanism for the resource potential management of the agricultural business.

Material and methods. The theoretical basis of the study was the work of domestic and foreign authors involved in the study of the economic foundations of the agro-industrial complex development. The information base of the study is official statistical data in the public domain of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and the Ministry of Finance of the Republic of Belarus. The following methods were used: cognition, analysis and synthesis, the grouping method, comparative analysis, the abstract-logical method.

Findings and their discussion. Based on the analysis of statistical data on 5 types of resources of agricultural companies in 118 regions of the Republic of Belarus, the characteristics of a typical district of the Republic of Belarus were determined according to the resources available to agricultural companies by types; the leading districts and outsider districts were identified in terms of the number of different types of resources, direct dependence of individual types of resources on each other. Recommendations are given to improve the mechanism for managing the resource potential of the agricultural business.

Conclusion. A promising direction in the agricultural business of the Republic of Belarus management is improvement of its financial results due to the fullest possible implementation of the resource potential. In this regard, the quantitative and qualitative assessment of the resources of agricultural companies becomes necessary. The analysis and quantitative assessment of the resources of agricultural companies of the Republic of Belarus by types of resources made it possible to formulate recommendations for improving the mechanism for the resource potential management of the agricultural sector in the regional aspect.

Key words: resources, resource potential, resource availability, quantitative assessment, agrarian business, agricultural companies.

Стратегической целью развития сельского хозяйства Республики Беларусь на современном этапе становится превращение его в многоукладный мультифункциональный агробизнес с акцентом на прибыльное функционирование и рентабельность сельскохозяйственного производства. Поэтому перспективным направлением по управлению аграрным бизнесом Республики Беларуси является улучшение его финансовых результатов за счет максимально полной реализации ресурсного потенциала.

Решением задачи совершенствования механизма управления и государственного регулирования ресурсного потенциала сельского хозяйства в целом либо отдельными его элементами на современном этапе занимаются многие исследователи [1–3]. Под ресурсным потенциалом в аграрном секторе чаще всего понимают совокупность ресурсов производства – земельных, трудовых, материальных, природных, финансовых, инновационных и т.д. [4–6]. Уровень использования ресурсного потенциала сельского хозяйства предлагают рассчитывать как отношение валовой сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении к стоимостной оценке ресурсов [4]. Также рассматриваются показатели обеспеченности сельхозугодиями и пахотными землями в расчете на душу населения, поголовье скота, урожайность сельскохозяйственных культур, продуктивность скота, производительность труда работников и т.п. [5]. Кроме того, ресурсный потенциал аграрного сектора изучается с точки зрения вклада в формирование ВВП [7], а под управлением ресурсным потенциалом понимается целенаправленное воздействие субъектов управления различного уровня в соответствии с выбранной стратегией и тактикой [8].

Считаем «ресурсный потенциал» более емкой категорией, нежели простая совокупность ресурсов, и возможным ее рассмотрение как способности имеющихся ресурсов участвовать в реализации финансового потенциала субъекта аграрного бизнеса [9]. В свою очередь ресурсный потенциал зависит от ресурсообеспеченности, т.е. достаточности всех видов ресурсов (в количественном и качественном выражении) для осуществления финансово-хозяйственной деятельности [10]. Поэтому количественная оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций является первоочередной по отношению к определению ресурсообеспеченности и оценке ресурсного потенциала в деле совершенствования механизма управления ресурсным потенциалом.

При этом механизм управления ресурсным потенциалом аграрного бизнеса с учетом ресурсообеспеченности может изучаться в контексте управления региональным развитием как часть механизма управления экономикой региона в целом, т.е. с учетом дифференциации по административно-территориальным единицам. В этом смысле механизм управления ресурсным потенциалом аграрного сектора выступает составной частью механизма регионального управления, представляет собой совокупность организационно-экономических рычагов и методов, определяется исходя из тенденций развития района, объема доходов местного бюджета, конкурентной среды, экологической обстановки и т.п. факторов [11]. Эффективный механизм управления ресурсным потенциалом сельскохозяйственных организаций, расположенных на территории административно-территориальной единицы, может выступить драйвером развития всего региона, служить предпосылкой для формирования отраслевых кластеров.

Материал и методы. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, занимающихся изучением экономических основ развития агропромышленного комплекса. Информационной базой исследования являются официальные статистические данные в открытом доступе Национального статистического комитета Республики Беларусь и Министерства финансов Республики Беларусь. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, метод группировок, сравнительный анализ, абстрактно-логический метод.

Результаты и их обсуждение. На основе статистической информации в открытом доступе [12; 13], проведем количественный анализ и оценку имеющихся ресурсов у сельскохозяйственных организаций 118-ти районов Республики Беларусь по 5-ти выделенным видам: земельные ресурсы, машины и оборудование, биологические активы, трудовые ресурсы, финансовые ресурсы с их оценкой по 14-ти индикаторам (таблица 1).

Земельные, трудовые и финансовые ресурсы – классические виды ресурсов любой организации. В то же время сельскохозяйственная деятельность предполагает биотрансформацию, т.е. получение продуктов (сельскохозяйственной продукции) от биологических активов (живущие животные и растения) [14]. Внедрение новых высокоурожайных сортов и гибридов растений в расте-

Таблица 1 – Виды ресурсов сельскохозяйственных организаций

Наименование вида ресурсов и характеризующие индикаторы
1. Земельные ресурсы
1.1. Общая посевная площадь, га
2. Машины и оборудование
2.1. Наличие тракторов, штук
2.2. Наличие грузовых автомобилей, штук
2.3. Наличие зерноуборочных комбайнов, штук
2.4. Наличие кормоуборочных комбайнов, штук
2.5. Наличие доильных установок и агрегатов, штук
2.6. Наличие зерноочистительных машин, штук
3. Биологические активы
<i>Животноводство</i>
3.1. поголовье крупного рогатого скота (КРС), голов
3.2. поголовье свиней, голов
3.3. поголовье птицы, голов
<i>Растениеводство</i>
3.4. Посевная площадь зерновых и зернобобовых культур, га
3.5. Посевная площадь кормовых культур, га
4. Трудовые ресурсы
4.1. Численность сельского населения, человек
5. Финансовые ресурсы
5.1. Расходы местного бюджета на сельское хозяйство, тыс. рублей

Примечание. Составлено автором.

ниеводе и создание высокого генетического потенциала животных – важные направления инновационного развития сельского хозяйства. Модернизация технико-технологической базы сельского хозяйства на основе новейших разработок науки позволяет сельскохозяйственным организациям увеличивать объемы производства и производительность труда [15].

В таблице 2 представлена оценка ресурсов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь в разрезе 118 районов за 2021 год.

По данным таблицы 2 видно, что средний размер общей посевной площади, приходящейся на один район составляет 44900 га, средняя численность сельского населения – 17108 человек, расходов местного бюджета на сельское хозяйство – 2519 тыс. руб. В среднем на 1 район приходится машин и оборудования (штук): тракторов – 315, грузовых автомобилей – 142, зерноуборочных комбайнов – 70, кормоуборочных комбайнов – 34, доильных установок и агрегатов – 86. Биологические активы (голов) в среднем на 1 район представлены следующим образом: КРС – 35596,

свиньи – 28420, птица – 796261, посевная площадь зерновых и зернобобовых культур – 20054 га, посевная площадь кормовых культур – 20170 га.

По общей посевной площади в Республике Беларусь лидирует Слуцкий район (97499 га), по трудовым ресурсам – Минский район (237296 человек), по финансовым ресурсам – Оршанский район (30984 тыс. руб.). Больше всего тракторов, грузовых автомобилей, зерноуборочных комбайнов находится в Гродненском районе; кормоуборочных комбайнов – в Пинском районе, доильных установок и агрегатов – в Слуцком районе. Наибольшим поголовьем КРС отмечается Пинский район, свиней – Гродненский район, птицы – Могилевский район; посевной площадью зерновых и зернобобовых культур – Барановичский район, кормовых культур – Пинский район.

Группировка районов Республики Беларусь по земельным ресурсам (общей посевной площади сельскохозяйственных организаций) показывает, что имеется прямая взаимосвязь между размером общей посевной площади сельскохозяйственных организаций района и остальными

Таблица 2 – Ресурсы сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь

Показатели	Минимальное значение	Максимальное значение	В среднем на 1 район
1. Земельные ресурсы			
Общая посевная площадь, га	12579 Россонский	97499 Слуцкий	44900
2. Машины и оборудование			
Наличие тракторов, штук	50 Наровлянский	929 Гродненский	315
Наличие грузовых автомобилей, штук	11 Наровлянский	545 Гродненский	142
Наличие зерноуборочных комбайнов, штук	13 Наровлянский	137 Гродненский	70
Наличие кормоуборочных комбайнов, штук	7 Наровлянский	78 Пинский	34
Наличие доильных установок и агрегатов, штук	7 Наровлянский	217 Слуцкий	86
3. Биологические активы			
Поголовье крупного рогатого скота (КРС), голов	6328 Наровлянский	98984 Пинский	35596
Поголовье свиней, голов	1 Чаусский	118526 Гродненский	28420
Поголовье птицы, голов	9 Мядельский	5434136 Могилевский	796261
Посевная площадь зерновых и зернобобовых культур, га	4223 Россонский	39883 Барановичский	20054
Посевная площадь кормовых культур, га	5585 Краснопольский	42983 Пинский	20170
4. Трудовые ресурсы			
Численность сельского населения, человек	2241 Наровлянский	237296 Минский	17108
5. Финансовые ресурсы			
Расходы местного бюджета на сельское хозяйство, тыс. рублей	242 Россонский	30984 Оршанский	2519

Примечание. Рассчитано автором по данным официальной статистики по 118-ти районам Республики Беларусь за 2021 год.

показателями ресурсного потенциала (за исключением поголовья птицы). Так, с увеличением общей посевной площади в 2,9 раза – количество тракторов увеличивается в 3,1 раза, поголовье КРС в 3,4 раза и т.д. Наибольшее количество районов (69 ед.) оказалось в группе с размером общей посевной площади от 30 до 60 тыс. га.

Группировка районов Республики Беларусь по трудовым ресурсам (по численности сельского населения) наибольшее количество районов (50 ед.) оказалось в группе с численностью сельского населения от 10 до 20 тыс. чел. Все виды ресурсов при этом показали прямую взаимосвязь.

На основании группировки районов Республики Беларусь по финансовым ресурсам (по объему расходов бюджета на сельское хозяйство) можно сделать вывод о том, что дифференциация расходов местного бюджета на сельское хозяйство в меньшей степени, нежели дифференциация земельных или трудовых ресурсов коррелирует с техническим оснащением сельскохозяйственных организаций и наличием в них биологических активов.

Проведенный нами анализ ресурсов сельскохозяйственных организаций по видам позволил сформулировать следующие выводы и рекомен-

дации по совершенствованию механизма управления ресурсным потенциалом аграрного сектора в региональном аспекте:

1. Определены характеристики типичного района по имеющимся ресурсам у сельскохозяйственных организаций (средние значения). Размер общей посевной площади – 44900 га; численность сельского населения – 17108 человек; расходы местного бюджета на сельское хозяйство – 2519 тыс. руб. В структуре посевной площади основная доля приходится на зерновые и зернобобовые культуры и кормовые культуры (до 88% в совокупности). Среди биологических активов в животноводстве – КРС и свиньи (примерно в равном количестве), птица (наибольшее поголовье в количественном выражении). Машины и оборудование представлены преимущественно тракторами, грузовыми автомобилями, зерноуборочными и кормоуборочными комбайнами, доильными установками и агрегатами.

2. В группировках районов по земельным ресурсам наибольшее количество (58% всех районов) относится к группе с общей посевной площадью от 30 до 60 тыс. га, по трудовым ресурсам (42%) относится к группе с численностью сельского населения от 10 до 20 тыс. человек, по финансовым ресурсам (49%) – к группе с объемом расходов бюджета на сельское хозяйство от 1 до 3 млн руб. Поэтому именно субъекты аграрного бизнеса этих районов могут составить основную целевую группу, на которую можно ориентироваться при разработке механизма управления ресурсным потенциалом аграрного сектора.

3. Имеются ярко выраженные районы-лидеры по вышеназванным ресурсам у сельскохозяйственных организаций (Гродненский район – по машинам и оборудованию и поголовью свиней; Пинский район – по размеру посевных площадей кормовых культур и наличию кормоуборочных комбайнов; Минский район – по численности сельского населения) и районы-аутсайдеры (например, Наровлянский район по 7-ми индикаторам из 14-ти). Это вызывает необходимость дифференцированного подхода и неодинаковых мероприятий в механизме управления ресурсным потенциалом сельскохозяйственного производства в региональном разрезе. Например, необходимость обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие территорий, преодолевающих последствия от катастрофы на Чернобыльской АЭС, при безусловном обеспечении требований радиационной безопасности. Для этого необходимо реализовывать защитные ме-

роприятия в сельском хозяйстве (создание культурных кормовых угодий для скота ЛПХ, радиологические обследования сельскохозяйственных земель, контроль радиоактивного загрязнения сельскохозяйственной продукции и другие).

4. Выраженная прямая зависимость отдельных видов ресурсов друг от друга. Например, чем больше общая посевная площадь сельскохозяйственных организаций, тем больше численность трудовых ресурсов, техническая оснащенность и наличие биологических активов. Крупнотоварные сельскохозяйственные организации в Республике Беларусь являются основным игроком на рынке сельскохозяйственной продукции [16]. Представляется, что именно крупнотоварное сельскохозяйственное производство с достаточной ресурсообеспеченностью, с учетом возможностей формирования отраслевых кластерных образований по различным взаимовыгодным для субъектов аграрного бизнеса объединяющим признакам, может стать основой эффективного развития аграрного бизнеса в перспективе.

5. Вызовом для развития аграрного сектора становится сокращение трудовых ресурсов на селе. Вместе с тем современное сельскохозяйственное производство все больше характеризуется процессами повышения уровня технологичности и автоматизации производственных процессов, наращиванию темпов цифровизации сельского хозяйства, внедрению достижений биотехнологий и т.д. Поэтому не только и не столько количественные параметры, но особенно качество трудовых ресурсов в сельском хозяйстве получает особое значение и должно неуклонно повышаться в соответствии с текущими потребностями этой отрасли [17].

Помимо выявленных региональных особенностей, механизм управления ресурсным потенциалом аграрного бизнеса должен учитывать также складывающиеся мировые тенденции в развитии сельского хозяйства, среди которых можно выделить следующие.

Во-первых, экологизация сельского хозяйства и необходимость учета экологического компонента в развитии и повышении эффективности функционирования субъектов аграрного бизнеса, тем более что сельское хозяйство Республики Беларусь ведется в зоне рискованного земледелия. При этом надо принимать во внимание глобальные проблемы изменения климата и выработать специальные мероприятия в аграрном секторе за счет оптимальной организации сельскохозяйственных работ, введения в севооборот

теплолюбивых сортов сельскохозяйственных культур, совершенствования сферы обращения с отходами сельского хозяйства и т.п.

Во-вторых, рациональное и бережное обращение с земельными ресурсами на фоне снижения естественного плодородия почв, что вызывает необходимость дополнительного внесения органических и минеральных удобрений, известкования почв и т.д.

В-третьих, необходимость содействия устойчивому развитию сельского хозяйства, которое способно удовлетворять потребности настоящего и будущего поколения, обеспечивая извлечение прибыли, поддержание здоровья окружающей среды и социально-экономическое равенство. Для этого следует увеличивать инвестирование в сельскую инфраструктуру, сельскохозяйственные исследования и агропропаганду, развивать технологии, создавать генетические банки биологических активов (сельскохозяйственных растений и животных). Признается, что государственные инвестиции в сельское хозяйство играют значительную роль в привлечении частных инвестиций, улучшении продовольственной безопасности, инклюзивного роста и создания достойной занятости в сельской местности.

В-четвертых, цифровая трансформация и автоматизация производства оказывает все большее влияние на развитие сельского хозяйства: робототехника, датчики, спутники и т.д. уже активно используются в мировом сельскохозяйственном производстве, что в последующем может коренным образом изменить структуру технико-технологического оснащения предприятий в сторону приращения ее технологичности и инновационности. Становится очевидным, что более восприимчивые к новой технике и технологиям аграрные производители будут в большей степени конкурентоспособны на товарных рынках и обеспечат себе лидерство в аграрной отрасли в перспективе [18].

В-пятых, более эффективное использование имеющегося у субъектов аграрного бизнеса ресурсов возможно за счет интенсификации сельскохозяйственного производства, в т.ч. за счет задействования неиспользованных резервов по внедрению инноваций в сельскохозяйственное производство, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, увеличения производительности сельскохозяйственных животных.

Заключение. Эффективный механизм управления ресурсным потенциалом аграрного бизнеса может стать одним из условий улучшения

финансовых результатов сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь. Для этого необходима количественная и качественная оценка отдельных видов ресурсов сельскохозяйственных организаций по конкретным индикаторам, учет региональной дифференциации условий формирования ресурсов, принятие во внимание мировых тенденций экологизации, цифровизации и необходимости обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства.

Литература

1. Бельский, В.И. Экономический механизм государственного регулирования сельскохозяйственного производства (теория, методология, практика): автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / В.И. Бельский; Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси. – Минск, 2019. – 56 с.
2. Свитин, В.А. Теоретические и методологические основы формирования эффективной системы управления земельными ресурсами: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / В.А. Свитин; Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси. – Минск, 2018. – 54 с.
3. Иванова, Т.В. Системное управление воспроизводством кадрового потенциала в сельском хозяйстве: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Т.В. Иванова; Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси. – Минск, 2020. – 53 с.
4. Лещиловский, П.В. Методы оценки совокупного производственного потенциала сельскохозяйственных предприятий и использование их результатов в практической деятельности / П.В. Лещиловский, Т.В. Киян // Белорус. экон. журн. – 2008. – № 4. – С. 36–45.
5. Господарик, Е.Г. Евразийский агропродовольственный комплекс: потенциал, результаты, торговля, прогноз перспектив / Е.Г. Господарик, М.М. Ковалев // Аграрная экономика. – 2021. – № 9. – С. 34–52.
6. Прудникова, В.С. Сравнительная оценка ресурсного потенциала агрокомбинатов Беларуси // Вестн. Белорус. гос. сельскохозяйственной академии. – 2020. – № 2. – С. 26–30.
7. Месник, Д. Потенциал развития промышленности и сельского хозяйства / Д. Месник // Аграрная экономика. – 2019. – № 5. – С. 2–9.
8. Савченко, Т.В. Развитие аграрного потенциала сельских территорий: монография / Т.В. Савченко, Ю.А. Просяникова, А.В. Улезько. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. – 175 с.
9. Богатырёва, В.В. Финансовый потенциал как новая экономическая категория в финансовой науке / В.В. Богатырёва, Д.А. Панков, М.П. Самоховец // Бух. учет и анализ. – 2022. – № 2(302). – С. 10–22.
10. Климова, Н.В. Ресурсообеспеченность сельского хозяйства – квинтэссенция экономической безопасности и конкурентоспособности АПК России // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 28. – С. 56–60.
11. Смирнова, Т.Г. Развитие производственного потенциала сельского района / Т.Г. Смирнова, С.А. Селякова, Е.Н. Кожина; под ред. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 148 с.
12. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Нац. статистический комитет

Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 16.01.2023.

13. Интерактивная карта «Об исполнении местных бюджетов» [Электронный ресурс] // Министерство финансов Республики Беларусь. – Режим доступа: https://minfin.gov.by/budgetary_policy. – Дата доступа: 17.01.2023.

14. Самоховец, М.П. Внедрение МСФО в бухгалтерский учет в сельском хозяйстве Республики Беларусь / М.П. Самоховец // Совершенствование учета, анализа и контроля как механизмов информационного обеспечения устойчивого развития экономики: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Махачкала, 20 июня 2017 г. / Дагестан. гос. ун-т; орг. комитет: Р.Б. Шахбанов (пред.) [и др.]. – Махачкала, 2017. – С. 273–276.

15. Самоховец, М.П. Развитие финансово-кредитной поддержки модернизации АПК Республики Беларусь / М.П. Самоховец // Стратегия развития экономики Беларуси: факторы формирования и инструменты реализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 апр. 2015 г. / Институт экономики НАН Беларуси; науч.-ред. совет: В.Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2015. – С. 80–82.

16. Самоховец, М.П. Влияние фактора многоукладности на финансирование сельского хозяйства Беларуси / М.П. Самоховец // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика: науч. журнал. – 2020. – № 50. – С. 47–55.

17. Самоховец, М.П. Современные условия формирования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Республики Беларусь / М.П. Самоховец // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февр. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т имени П.М. Машерова; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 390–392.

18. Самоховец, М.П. Мегатенденции современного развития аграрного бизнеса / М.П. Самоховец // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН» [и др.]; отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – Вып. 17, ч. 1: [материалы XXI Нац. науч. конф. с междунар. участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения»]. – С. 540–543.

Поступила в редакцию 11.03.2023

Некоторые методические особенности отнесения предприятия к транснациональной корпорации

Солодовников С.Ю., Сюй Ц.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Несмотря на широкое распространение термина «транснациональная корпорация» (ТНК), вызванное процессами глобализации и регионализации, до сих пор отсутствуют четкие критерии, позволяющие однозначно отнести предприятие к данной категории фирм.

Цель статьи – выработка методических основ отнесения предприятия к транснациональной корпорации.

Материал и методы. *Материалом послужили статистические и аналитические данные ЮНКТАД, Форчун Медиа, официальной статистики КНР, а также научные труды современных англоязычных, русскоязычных и китайязычных ученых по проблемам развития транснациональных корпораций. Использованы метод анализа и синтеза, статистического и критического анализа, институциональный и субъектный подходы.*

Результаты и их обсуждение. *В статье изложены некоторые методические особенности отнесения предприятия к транснациональной корпорации. Описаны такие недостатки существующих методик, как отсутствие четких количественных критериев, разнообразие используемых показателей, большой разброс пороговых критериев в зависимости от поставленных задач. Анализ 100 крупнейших мировых нефинансовых ТНК, вошедших в список ЮНКТАД в 2021 г., показал неоднородность ТНК как с точки зрения сопоставления количественных показателей (зарубежные активы, объемы продаж, количество сотрудников за рубежом отличаются на один, два и даже три порядка), так и с точки зрения бизнес-стратегий. Поведение части ТНК, чья экономическая активность осуществляется главным образом вне страны базирования, соответствует либерально-рыночным теориям транснационализации. В то же время для многих ТНК (китайских, в частности) национальная экономика остается основным источником конкурентных преимуществ (ТНК с национальным влиянием). Это значительно усложняет выработку универсальных критериев отнесения предприятий к ТНК.*

Заключение. *В качестве ключевых критериев отнесения предприятия к ТНК предложены следующие: количество зарубежных филиалов, уровень транснационализации предприятия, влияние на глобальные (макрорегиональные) рынки.*

Ключевые слова: *транснациональная корпорация, многонациональное предприятие, китайские ТНК, экономика КНР, ТНК с национальным влиянием.*

Some Methodological Features of Qualifying a Company as a Transnational Corporation

Solodovnikov S.Yu., Xu J.

Education Establishment “Belarusian National Technical University”

Despite the wide use of the term of transnational corporation (TNC), which is caused by globalization and regionalization processes, there are no clear criteria which make it possible to refer a company to this category.

The purpose of the article is elaboration of methodological guidelines for qualifying a company as a transnational corporation.

Material and methods. *UNCTAD, Fortune Media statistical and analytical data, official statistics of the CPR as well as scientific works by modern English, Russian and Chinese language scholars on the issues of transnational corporation development became the research material. Methods of analysis, synthesis, statistical and critical analysis were used as well as the institutional and the subject approaches.*

Findings and their discussion. *Some methodological features of qualifying a company as a transnational corporation are presented in the article. Such shortcomings of the existing methodologies are described as the lack of clear quantitative criteria, diversity of the applied parameters, a wide range of threshold criteria depending on the tasks. The analysis of a hundred of world largest non-financial TNC included in UNCTAD list in 2021 demonstrated heterogeneity of TNC both from the point of view of the comparison of quantitative parameters (foreign assets, sales volumes, the number of overseas employees one, two or even three orders differ) and from the point of view of business strategies. The behavior of a number of TNC, whose economic activity is mainly overseas, corresponds to liberal and market theories of transnationalization. At the same time, for many TNC (Chinese namely) national economy remains the basic source of competitive advantages (TNC with the national influence). It complicates considerably the elaboration of universal criteria of qualifying companies as TNC.*

Conclusion. *The following criteria are suggested as the key ones for qualifying a company as a TNC: the number of overseas branches, the transnationalization level of the company, influence on global (macro regional) markets.*

Key words: *transnational corporation, multi-national company, Chinese TNC, the economy of the CPR, TNC with national influence.*

В научной литературе существует большое количество терминов, описывающих развитие международного бизнеса: транснационализация, интернационализация, интернализация и т.д. Для обозначения компаний, действующих на мировом рынке, наиболее широкое распространение в русскоязычной литературе получил термин «транснациональная корпорация» (ТНК), в то время как в современной англоязычной литературе – «многонациональное предприятие» (Multinational enterprises, MNEs).

При использовании понятий «транснациональная корпорация» и «многонациональное предприятие» в экономических научных работах зачастую вкладываются различные значения. В одних случаях, термин «многонациональное предприятие» подчеркивает географическую широту хозяйственной деятельности, в других – многонациональную структуру собственности компании. Термин «транснациональная» одними авторами используется для обозначения множественности территорий, на которых действует корпорация. Например, А.Н. Зеленюк предлагает следующее определение: «транснациональная корпорация – форма организации крупной компании, осуществляющей сбыт своих товаров и прямые зарубежные инвестиции в различные страны мира» [1, с. 9]. Зачастую при помощи термина «транснациональная корпорация» подчеркивается отсутствие национальной принадлежности (а следовательно, и подконтрольности) фирмы какому-либо одному государству. Различные используемые термины и концепции часто разрабатывались для решения конкурентной задачи и их содержание определялось авторским подходом. В то же время в аналитических материалах Конференции ООН по торговле и развитию содержание терминов «транснациональная корпорация» и «многонациональное предприятие» полностью совпадает и отражают лишь обновление используемой терминологии: в отчетах до 2009 г. применялся термин «транснациональная корпорация», в более поздних отчетах и до настоящего времени – «многонациональное предприятие» [2, с. 35].

Термин «корпорация» возникает для обозначения специфической формы организации бизнеса в капиталистической экономике. Как правило, под корпорацией понимается сеть предприятий в разных странах, связанных между собой отношениями собственности, а термин «транснациональный» («многонациональный») означает, что деятельность корпорации ведется более, чем в одной стране. ООН еще в 1970-х гг. прошлого века предложила следующее определение: многонациональная корпорация

в широком смысле «охватывает все предприятия, которые контролируют активы (заводы, шахты, торговые учреждения и другие подобные предприятия) в двух странах и более» [3, с. 6]. Г. Хамель и К. Прахалад определили глобальную компанию как фирму с системами распределения на ключевых зарубежных рынках, которые допускают перекрестное субсидирование, международные репрессалии и объемы мирового масштаба [4]. М.К. Старовойтов предложил следующее определение, которое в большой степени отражает сущность корпорации как экономического феномена: «в общем виде корпорация – это форма финансово-экономической деятельности, предполагающая долевою собственностью участников и реализацию функций управления профессиональными менеджерами» [5, с. 14]. В качестве отличительных характеристик ТНК Сюй Юин выделяет: транснациональность факторов производства, концентрация моделей управления и глобализация стратегического развития [6].

Что касается количественных показателей, позволяющих отнести определенное предприятие к категории транснациональных (многонациональных) корпораций, то существует большое различие в методах оценок, порожденное национальными, секторальными и историческими особенностями. Международные организации, такие как ЮНКТАД, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО), Статистический отдел Организации Объединенных Наций и Статистическое бюро Европейского сообщества (Евростат) сыграли ключевую роль в разработке концепции и методологии, необходимых для цели статистического учета транснациональных корпораций. В 1973 г. ООН предлагал следующие критерии: «Для практических целей в большинстве случаев можно без ущерба не принимать в расчет корпорации, объем торговли которых составляет менее 100 миллионов долларов» [3, с. 8]. Однако масштабы деятельности ТНК нельзя в полной мере оценить ни по числу филиалов, ни по объему продаж или поступлений, ни по потоку капитала или объему инвестиций, ни по количеству занятых, ни в совокупности этих показателей. В каждом конкретном случае возможны вариации форм, масштабов, отношений собственников и т.д. Реальную экономическую картину неизбежно искажает огромный объем операций между филиалами с «нерыночными» методами ценообразования. В связи с этим Конференция ООН по торговле и развитию предлагает следующее определение: «Зарегистрированные или не зарегистрированные предприятия,

в состав которых входят материнские предприятия и их зарубежные филиалы. Материнское предприятие определяется как предприятие, которое контролирует активы других организаций в странах, отличных от страны его происхождения, обычно путем владения определенной долей в уставном капитале. Доля в уставном капитале в размере 10 или более процентов обыкновенных акций или прав голоса для зарегистрированного предприятия или его эквивалент для некорпоративного предприятия обычно считается порогом для контроля над активами. Иностранным филиалом является зарегистрированное или не зарегистрированное предприятие, в котором инвестор, являющийся резидентом другой страны, владеет долей, позволяющей ему иметь долгосрочный интерес в управлении этим предприятием (доля участия в размере 10 процентов для объединенного предприятия, или его эквивалент для некорпоративного предприятия)» [7, с. 3; 8, с. 15–16]. Фактически, согласно данному определению для транснациональной корпорации (многонационального предприятия) предлагаются лишь два критерия: наличие зарубежных филиалов и возможность ими управлять.

Отсутствие четких количественных критериев объективно предопределено многообразием международных экономических отношений и их организационных форм. В то же время это представляет определенную проблему с точки зрения статистического учета и затрудняет проведение достоверного экономического анализа деятельности транснациональных корпораций. Отмечая широту определения ТНК, Н.Н. Цветкова показывает вытекающую из этого проблему: «...в зависимости от данных статистической отчетности стран происхождения число ТНК может завышаться, к ним могут относиться и небольшие предприятия, создавшие мелкие филиалы за рубежом. Так, по данным Мирового доклада об инвестициях 2007 г., в США насчитывалось в 2005 г. около 2400 ТНК, что вполне правдоподобно, а в Молдове – около 900 (что вызывает большие сомнения)» [9, с. 35].

Целью данной работы является выработка методических основ отнесения предприятия к транснациональной корпорации. Для достижения поставленной цели будет проведен экономический анализ крупнейших мировых ТНК и выявлены ключевые критерии отнесения предприятия к ТНК с учетом современных тенденций развития международных экономических отношений. В качестве методологической основы будет использован подход, описанный В.В. Богатырёвой, М.Ю. Бобрик и Т.В. Сергиевич при изучении

динамики трудовых отношений и сочетающий в себя анализ как количественных, так и качественных изменений: «Как изменения, которые лежат на поверхности явлений и могут быть описаны при помощи количественных методов, так и латентные изменения, которые не могут быть без очень значительных содержательных искажений описаны математически, и поэтому при их анализе потребуется использовать преимущественно качественные характеристики» [10].

Материал и методы. Материалом исследования послужили статистические и аналитические данные ЮНКТАД, Форчун Медиа, официальной статистики КНР (Министерство коммерции Китайской Народной Республики, Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики), а также научные труды современных англоязычных, русскоязычных и китаеязычных ученых по проблемам развития транснациональных корпораций. Используются следующие общенаучные методы: анализ и синтез, статистический и критический анализ, институциональный и субъектный подходы.

Результаты и их обсуждение. Учитывая сложность отнесения предприятий к категории транснациональных корпораций ввиду отсутствия четких количественных критериев, в большинстве случаев внимание экономистов сосредоточено на изучении деятельности крупнейших ТНК, списки которых ежегодно публикуются ЮНКТАД, журналом «Fortune» (Fortune Global 500) и др. Как правило, в рейтинги попадают только те компании, которые имеют открытую отчетность, что также несколько искажает реальную картину. В качестве критериев для ранжирования используются: выручка, оборот, чистая прибыль, рыночная капитализация, зарубежные активы, количество сотрудников. Ввиду большой разницы в специфике экономической деятельности публикуются также отдельные рейтинги финансовых и нефинансовых ТНК. В отношении финансовых предприятий в качестве критерия ранжирования используется, в большинстве случаев, величина их дохода, в то время как в отношении нефинансовых ТНК – сумма зарубежных продаж или зарубежные активы. Учитывая индустриально-ориентированный характер китайской экономики, большее внимание в дальнейшем исследовании будет уделено именно нефинансовым ТНК.

Список 100 крупнейших мировых нефинансовых ТНК, ежегодно публикуемый ЮНКТАД, ранжируется по объему зарубежных активов. Это делает его более подходящим для нашего дальнейшего

Таблица 1 – Распределение 100 крупнейших ТНК по группам в зависимости от доли зарубежных активов в общем количестве активов, от доли зарубежных продаж в общем объеме продаж, от доли сотрудников за рубежом в общем количестве сотрудников, от индекса транснационализации

	Количество ТНК, чья доля зарубежных активов находится в соответствующем диапазоне	Количество ТНК, чья доля зарубежных продаж находится в соответствующем диапазоне	Количество ТНК, чья доля зарубежных сотрудников находится в соответствующем диапазоне	Количество ТНК, чей индекс транснационализации находится в соответствующем диапазоне
1–10%	1	2	5	1
10–20%	1	7	6	2
20–30%	10	1	10	8
30–40%	8	5	6	9
40–50%	12	7	10	8
50–60%	10	15	17	19
60–70%	11	16	16	11
70–80%	13	10	11	20
80–90%	16	16	9	13
90–100%	18	21	10	9

Примечание. Составлено авторами на основании данных [11].

исследования, чем список «Fortune Global 500», при составлении которого используется критерий «выручка компании», поскольку большая выручка компании лишь косвенно свидетельствует о ее транснациональной деятельности (при понимании, что внутренняя емкость даже самых больших экономик мира редко позволяет достичь отдельным предприятиям таких размеров выручки).

По данным ЮНКТАД за 2021 г. в список 100 крупнейших мировых нефинансовых ТНК вошли предприятия с размером зарубежных активов от 46,2 до 367,8 млрд долл. США [11]. Объем зарубежных активов ТНК, занявшего 1-е место, почти восьмикратно превышает данный показатель предприятия, занявшего 100-е место. При этом доля зарубежных активов в общем количестве активов ТНК из данного списка составила от 7,14% до 100%. Если разделить ТНК на группы по показателю «доля зарубежных активов», то видно, что у двух третьих из сотни крупнейших нефинансовых ТНК активы более чем наполовину расположены за рубежом (таблица 1). У половины ТНК доля зарубежных активов превышает 66%.

Полученные результаты вполне соответствуют логике транснационализации бизнеса. Однако особый интерес представляют предприятия, чья доля зарубежных активов составляет менее 50%. Таких предприятий насчитывается 32 и в их числе «Volkswagen Group», занявшее 4-е место

в рассматриваемом списке по объему зарубежных активов, «EDF SA» (13-е место), «Mercedes-Benz Group» (17-е место), «Microsoft Corporation» (20-е место), «China National Petroleum Corp» (24-е место), «Apple Inc» (33-е место) и др. Эти предприятия имеют значительные объемы зарубежных активов, что позволяет им оказывать влияние на глобальные и(или) макрорегиональные рынки и быть отнесенными к категории транснациональных корпораций. В то же время большая часть активов этих предприятий находится в стране базирования материнской компании и их экономическая деятельность неразрывно связана с национальной экономикой этой страны.

Объемы продаж за рубежом 100 крупнейших нефинансовых ТНК (список ЮНКТАД) в 2021 г. колебались от 2,2 до 243,2 млн долл. США (то есть более чем в 100 раз). Доля продаж за рубежом от общего объема продаж этих ТНК составляла от 3,04% до 99,67%. Лишь у 22 ТНК из рассматриваемых предприятий доля зарубежных продаж составляет менее 50%. Более чем у половины этот показатель превышает 68% (таблица 1). Примечательно, что 4 предприятия с наименьшей долей иностранных продаж – это предприятия Китая: «State Grid Corporation of China» – 3,04%, «Tencent Holdings Limited» – 8,29%, «China National Chemical Corporation» – 13,06%, «Sinochem Group» – 13,69%.

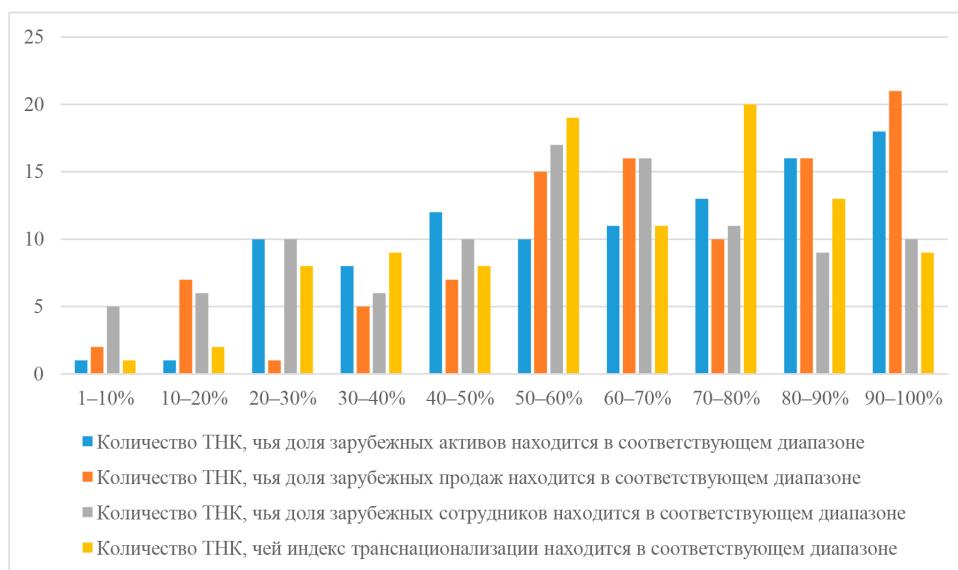

Рисунок 1 – Распределение 100 крупнейших ТНК по группам в зависимости от доли зарубежных активов в общем количестве активов, от доли зарубежных продаж в общем объеме продаж, от доли сотрудников за рубежом в общем количестве сотрудников, от индекса транснационализации

Примечание. Составлено автором на основании данных [11].

По такому показателю, как количество сотрудников за рубежом, ТНК, вошедшие в список 100 крупнейших по данным ЮНКТАД в 2021 г., имеют наибольший разброс: от 1,3 до 855 тыс. человек (различается в 648 раз). Наименьшая доля сотрудников за рубежом составила 1,8%, наибольшая – 99,62%. Все же большинство ТНК (63) имеют более половины сотрудников за рубежом. Пять предприятий с наименьшей долей сотрудников за рубежом являются предприятиями Китая: «State Grid Corporation of China» – 1,8%, «Tencent Holdings Limited» – 1,93%, «China National Offshore Oil Corp» – 4,85%, «Sinopec – China Petrochemical Corporation» – 6,18%, «China National Petroleum Corp» – 9,76%.

Для определения степени транснационализации ЮНКТАД предлагает использовать индекс транснационализации (Transnationality Index, TNI), который рассчитывается как среднее арифметическое рассмотренных ранее показателей [11]:

$$TNI=(RFA+RFS+RFE)/3, \quad (1)$$

где TNI – индекс транснационализации (%),

RFA – доля зарубежных активов в совокупных активах (%),

RFS – доля зарубежных продаж в общем объеме продаж (%),

RFE – доля зарубежных сотрудников в общей занятости (%).

Чем выше индекс, тем в большей степени экономическая деятельность компании транснационализирована, то есть тем больше она ориентирована на зарубежье. Более двух третей предприятий из списка 100 крупнейших нефинансовых ТНК (ЮНКТАД) в 2021 г. имеют индекс, превышающий 50%. Максимальное значение данного индекса составило 99,69%, наименьшее – 3,99%. Из пяти ТНК, имеющих наименьший индекс транснационализации, страной базирования четырех является Китай, одной – США.

Графически данные о распределении 100 крупнейших ТНК мира в 2021 г. (список ЮНКТАД) по группам в зависимости от доли зарубежных активов, от доли зарубежных продаж, от доли сотрудников за рубежом, от индекса транснационализации представлено на рисунке 1. Как хорошо видно на графике, несмотря на то, что большая часть ТНК имеет высокий уровень показателей, характеризующих их транснациональность, все же имеется и значительное количество предприятий, вошедших в список 100 крупнейших ТНК, величина рассматриваемых показателей которых составляли менее 50%. Эти предприятия можно однозначно отнести к ТНК с национальным влиянием.

Их 12 китайских ТНК, вошедших в список 100 крупнейших нефинансовых ТНК (ЮНКТАД) в 2021 г., у 9 индекс транснационализации не

превышает 50%, у 5 – 30%. Наиболее транснациональной является тайваньская компания «Hon Hai Precision Industries» (электронные компоненты) и гонконгская «СК Hutchison Holdings Limited» (розничная торговля), чьи индексы транснационализации составили соответственно 97,5% и 93,1%. Из компаний материкового Китая наиболее высокий индекс транснационализации у компании «Legend Holdings Corporation», выпускающей компьютерное оборудование – 56%. При этом, однако, доля зарубежных активов и доля сотрудников за рубежом в данной компании не превышает 50%, в то время как доля зарубежных продаж составляет 71%. Все предприятия материкового Китая имеют высокую степень экономической взаимосвязи со страной базирования. Ряд предприятий ориентированы преимущественно на зарубежные продажи, как например, уже упомянутая «Legend Holdings Corporation» или «China National Offshore Oil Corp (CNOOC)» и «China National Petroleum Corp (CNPC)», занимающиеся добычей, переработкой и сбытом нефти и природного газа. Такие предприятия, как «Huawei Investment & Holding Co Ltd» (производство коммуникационного оборудования), «Sinochem Group» (добыча и переработка химического, нефтехимического и агрохимического сырья), «China National Chemical Corporation (ChemChina)» (производство химикатов и сопутствующих товаров), «Tencent Holdings Limited» (компьютеры и обработка данных) имеют высокую долю зарубежных активов при низкой доле зарубежных продаж, что свидетельствует о том, что транснационализация используется ими для получения недостающих ресурсов (природных, интеллектуальных и пр.) с целью удовлетворения внутреннего спроса на домашнем рынке. Схожей стратегии, ориентированной на внутренний спрос, придерживаются такие компании, как «Sinopet – China Petrochemical Corporation» (нефтепереработка и энергетика) и «State Grid Corporation of China» (электро-, тепло- и водоснабжение): они имеют невысокие значения показателей «доля зарубежных активов», «доля зарубежных продаж» и «доля сотрудников за рубежом». Транспортная и складская компания «China COSCO Shipping Corp Ltd» имеет более 60% зарубежных активов и зарубежных продаж, что предопределено отраслевой спецификой. В то же время доля сотрудников этой компании за рубежом составляет менее 15%, из-за чего ее индекс транснационализации опустился ниже 50%.

Подробный анализ показал, что список 100 крупнейших ТНК очень неоднороден. С одной стороны, это закономерное следствие страновой и отраслевой специфики экономической деятель-

ности. С другой стороны, такие показатели как зарубежные активы, объемы продаж, количество сотрудников за рубежом по отдельности, отличаются на один, два и даже три порядка, что очень затрудняет их применение для определения порогового значения отнесения предприятия к ТНК.

Сложность выработки количественных критериев отнесения предприятия к ТНК заключается также и в разнообразии бизнес-стратегий. ТНК, у которых доли зарубежных активов, зарубежных продаж и сотрудников за рубежом занимают доминирующие позиции (более 50%), наиболее близки к классическим транснациональным корпорациям, чье экономическое поведение описывается западными либеральными теориями (модель интернализации, модель интернационализации, эклектическая модель Дж. Даннинга и др.). Их экономическая активность осуществляется главным образом вне страны базирования материнской компании. В поисках путей повышения рентабельности, они максимально используют преимущества международного разделения труда, диверсифицируют и локализуют свою деятельность в зависимости от страновых преимуществ, при этом ориентируясь, главным образом, на экономические интересы собственника. Как указывает В. В. Богатырёва, именно «концепция приоритета экономических интересов собственников легла в основу формирования главной цели финансового менеджмента: “максимизация благосостояния собственников предприятия”, которая в дальнейшем стала формулироваться как “максимизация рыночной стоимости предприятия”» [12].

Совершенно иной экономический характер скрывается в деятельности ТНК с национальным влиянием. Для них национальная экономика остается основным источником конкурентных преимуществ, являясь либо ключевым рынком сбыта, либо основным рынком трудовых ресурсов, либо местом размещения производственных активов. О том, что ТНК является ТНК с национальным влиянием, может свидетельствовать то, что хотя бы один из показателей – зарубежные активы, зарубежные продажи, сотрудники за рубежом – принимает значение меньше 50%.

Помимо статистического учета и экономического анализа, проблема выработки критериев отнесения предприятий к ТНК актуально еще и с точки зрения инвестиционной политики. Национальное и(или) региональное правительство в зависимости от проводимой экономической политики стимулирования привлечения ино-

Таблица 2 – Сравнительная характеристика пороговых значений для квалификации управляющей компании ТНК, принятых в Пекине, Шанхае и Шэньчжэнь

	Пекин	Шанхай	Шэньчжэнь
Требования к юридическому лицу	Как правило, корпоративное юридическое лицо. Для известных ТНК также может быть некорпоративное юридическое лицо. Не обязательно полностью принадлежит материнской компании	Дочерние компании, находящиеся в полной собственности ТНК	Корпоративное юридическое лицо и не обязательно полностью принадлежащее материнской компании
Пороговые значения	<p>Управляющая компания может быть квалифицирована, если:</p> <p>(1) общие активы его иностранной материнской компании составляют не менее 400 млн долл. США;</p> <p>(2) его иностранная материнская компания инвестировала или управляет не менее, чем тремя предприятиями с общим оплаченным уставным капиталом не менее 10 млн долл. США или инвестировала или управляет не менее чем шестью предприятиями;</p> <p>(3) его уставный капитал составляет не менее 2 млн долл. США; и</p> <p>(4) это единственная высшая управляющая организация для бизнеса материнской компании в Китае.</p> <p>Пороги могут быть дополнительно ослаблены, если это хорошо известная ТНК</p>	<p>Управляющая компания может быть квалифицирована, если:</p> <p>(1) общие активы ее иностранной материнской компании составляют не менее 400 млн долл. США;</p> <p>(2) его иностранная материнская компания инвестировала или управляет не менее чем тремя предприятиями с общим оплаченным уставным капиталом не менее 10 млн долл. США или инвестировала или управляет не менее, чем шестью предприятиями; и</p> <p>(3) ее уставный капитал составляет не менее 2 млн долл. США.</p> <p>Муниципальная торговая комиссия может по своему усмотрению рассмотреть вопрос о сертификации управляющих компаний в качестве региональных штаб-квартир, если они в основном удовлетворяют вышеуказанным условиям и внесли заметный вклад в экономическое развитие региона</p>	<p>1. Вновь созданное предприятие, действующее менее одного года, может соответствовать требованиям, если:</p> <p>(a) ее оплаченный уставный капитал составляет не менее 500 млн юаней (75 млн долл. США);</p> <p>(b) общие активы ее контролирующей материнской компании составляют не менее 10 000 млн юаней (1,5 млрд долл. США);</p> <p>(c) годовой доход контролирующей материнской компании за последний год составляет не менее 10 000 юаней (15 тыс. долл. США); и</p> <p>(d) ее контролирующая материнская компания обязуется, что вновь созданное предприятие создаст годовой доход в размере 5 000 млн юаней (750 млн долл. США), включенный в статистический учет Шэньчжэня, и внесет не менее 60 млн юаней (9 млн долл. США) в качестве местных финансовых ресурсов в следующем году после сертификации</p> <p>2. Вновь въехавшее предприятие, действующее менее одного года, может соответствовать требованиям, если:</p> <p>(a) его оплаченный уставный капитал составляет не менее 500 млн юаней (75 млн долл. США);</p> <p>(b) его годовой доход за последний год составляет не менее 5 000 юаней (7,5 тыс. долл. США); и</p> <p>(c) он обязуется генерировать годовой доход в размере 5 000 млн юаней (750 тыс. долл. США), включенный в статистический учет Шэньчжэня, и внести не менее 60 млн юаней (9 млн долл. США) в качестве местных финансовых ресурсов в следующем году после сертификации.</p> <p>3. Созданные предприятия, непрерывно работающие более одного года, могут соответствовать требованиям, если:</p> <p>(a) его годовой доход в предыдущем году составляет не менее 2 млрд юаней (300 млн долл. США); и</p> <p>(b) в предыдущем году он внес не менее 40 млн юаней (6 млн долл. США) в качестве местных финансовых ресурсов.</p> <p>При условии одобрения муниципальными властями предприятия, которые соответствуют стратегии развития отрасли и отраслевой политике Шэньчжэня и получают значительную отраслевую поддержку, также могут соответствовать требованиям</p>

Источник: [13, с. 16].

странных инвестиций может устанавливать свои стандарты признания ТНК. В Китае, например, города первого уровня, соревнуясь за привлечение на свою территорию региональных штаб-квартир транснациональных корпораций, принимают законы, предусматривающие льготный режим для зарубежных ТНК и соответствующие критерии квалификации фирмы в качестве ТНК.

Исходя из данных, приведенных в таблице 2, минимальный объем активов ТНК составляет 400 млн долл. США, а минимальное количество филиалов, управляемых материнской компанией – 3 (уставной капитал каждого из которых не менее 10 млн долл. США) или 6 (без ограничений по объему уставного капитала).

Необходимо учитывать, что описанные пороговые значения используются для установления преференциального режима, предусматривающего вознаграждение за затраты и расходы, понесенные в ходе внутренней реструктуризации акционерного капитала, субсидий на открытие предприятия и аренду и пр. для привлекаемых ТНК. Шэньчжэнь, как видно из таблицы 2, устанавливает самые высокие пороги, однако это сопровождается наибольшей суммой денежных бонусов (штаб-квартира предприятия может быть награждена премией, основанной на доходах, в размере не более 50 млн юаней в общей сложности (7,5 млн долл. США), если годовой доход за второй год сертификации превышает 5 млрд юаней; штаб-квартира ТНК после трех лет сертификации может подать заявку на получение бонуса за вклад до 20 млн юаней (3 млн долл. США) [13, с. 17]).

Китай на протяжении 20 лет проводит последовательную политику повышения уровня открытости экономики (с учетом приоритетов национальной безопасности), частью которой являются и дальнейшая оптимизация критериев признания региональных штаб-квартир и функциональных организаций транснациональных корпораций. Практически каждая провинция Китая разрабатывает свой комплекс мер, направленных на поощрение создания региональных штаб-квартир транснациональными корпорациями, учитывающий региональные экономические особенности. Для большинства провинций характерен общий тренд снижения пороговых требований. Например, «версия политики провинции Цзянсу от 2021 г. в отношении региональных штаб-квартир и функциональных организаций многонациональных корпораций снижает требования к совокупным активам материнских компаний функциональных организаций, расширяет

круг кандидатов в функциональные организации и соответствующим образом снижает требования к количеству предприятий, управляемых или обслуживаемых региональными штаб-квартирами и функциональными организациями» [14, р. 80].

Анализ критериев, установленных для ТНК в рамках проводимой инвестиционной политики регионов и городов Китая, также показал их многообразие и большой разброс количественных критериев. Примечательным является тот факт, что принятые формальные критерии не являются окончательными и могут быть по усмотрению муниципальных властей ослаблены в случае, если предприятие является известной ТНК, или оно внесло заметный вклад в экономическое развитие региона, или соответствует стратегии развития отрасли и отраслевой политике. В связи с этим перечисленные выше количественные критерии (таблица 2) и аналогичные критерии в других городах и провинциях не могут быть напрямую использованы для выработки универсальной методики отнесения к ТНК.

Согласно законодательству КНР, юридические лица подразделяются на 3 категории: предприятия с внутренним капиталом, предприятия с инвестициями из Гонконга, Макао и Тайваня и предприятия с иностранными инвестициями. Пороговым значением для определения принадлежности предприятия выступает 25%: если доля инвестиций от иностранных инвесторов (или инвесторов из Гонконга, Макао и Тайваня) превышает 25% общего уставного капитала корпорации, то такое предприятие является предприятием с иностранными инвестициями (предприятием с инвестициями из Гонконга, Макао и Тайваня). Если доля иностранных инвестиций составляет менее 25% от общего уставного капитала, предприятие классифицируется как финансируемое из внутренних источников [15]. Аналогичный подход может быть использован и в отношении выработки критериев отнесения к транснациональным корпорациям.

Заключение. Основываясь на вышеизложенном, выделим ключевые критерии отнесения предприятия к ТНК:

1) наличие материнской компании и не менее двух филиалов, в управлении которыми она имеет долгосрочный интерес. Данное условие установлено международными нормами (в частности, ЮНКТАД) и является обязательным. Однако оно является недостаточным с точки зрения выявления экономической сущности транснациональной корпорации как предприятия, экономические интересы которого в значительной степени выходят за пределы страны-базирования его материнской

компании. В связи с этим предлагается дополнить данный критерий;

2) уровень транснационализации предприятия. Свидетельством транснационального характера экономической деятельности предприятия является превышение порогового значения в 25% хотя бы одним из трех показателей – доля зарубежных активов, доля зарубежных продаж и доля работников за рубежом. Как было описано выше, в зависимости от бизнес-стратегии соотношение этих показателей может быть очень различным, в связи с этим целесообразным представляется определить порог в 25% в отношении интегрированного показателя, а именно в отношении индекса транснационализации.

Вместе с тем, как показывает анализ 100 крупнейших нефинансовых ТНК (список ЮНКТАД), индекс транснационализации ряда предприятий составил менее 25% (из 7 предприятий материнские компании четырех расположены в материковом Китае, 2 – в США, 1 – в Саудовской Аравии), при этом, однако, они были отнесены к категории ТНК по причине значительных объемов зарубежных активов в натуральном выражении. На наш взгляд, для того чтобы ответить на вопрос, действительно ли такие предприятия являются транснациональными, необходимо ответить на вопрос, оказывают ли они значительное влияние на глобальные (макрорегиональные) рынки;

3) значительное влияние на глобальные (макрорегиональные) рынки. Учитывая, что большая часть международной торговли и 20 лет назад осуществлялась преимущественно в рамках макрорегиональных рынков, а также нарастающие современные тенденции усиления регионализации, при оценке экономического влияния ТНК следует брать в расчет не только глобальные рынки, но и рынки макрорегионов (например, Азия, Европа, АТР и пр.). Количественная оценка влияния ТНК будет различаться в зависимости от отраслевой и организационно-экономической специфики рынка. Как правило, если предприятие занимает 10% и более глобального (макрорегионального) рынка, то его влияние может быть признано значительным.

Таким образом, к транснациональным корпорациям могут быть отнесены компании, имеющие 2 и более зарубежных филиала, чья хозяйственная деятельность в значительной степени осуществляется за рубежом и которая оказывает значительное влияние на глобальные (макрорегиональные) рынки.

Литература

1. Зеленюк, А.Н. Транснациональные корпорации в глобальной конкуренции / А.Н. Зеленюк. – Москва, 2007. – 25 с.
2. World Investment Report. 2022 (Overview) [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_overview_en.pdf. – Date of access: 02.02.2023.
3. Многонациональные корпорации и мировое развитие / ООН. Департамент по экон. и соц. вопросам. – Нью-Йорк, 1973. – 235 с.
4. Hamel, G. Do you really have a global strategy? / G. Hamel, C.K. Prahalad // Harvard Business Review. – 1985. – № 63(4). – p. 139–148.
5. Старовойтов, М.К. Эффективность и конкурентоспособность современной российской корпорации / М.К. Старовойтов. – М., 2001. – 43 с.
6. 徐毓莹. 当前中国跨国公司的SWOT分析及对策研究 [J]. 企业战略, 2016(08):18–20 [Сюй Юин. SWOT-анализ и исследование контрмер китайских транснациональных корпораций / Сюй Юин // Стратегия предприятия. – 2016. – № 8. – С. 18–20].
7. Methodological Note. World Investment Report. 2022 [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_chMethodNote_en.pdf. – Date of access: 02.02.2023.
8. Training Manual on Statistics for FDI and the Operations of TNCs 2009. Volume II. Statistics on the Operations of Transnational Corporations [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: https://unctad.org/system/files/official-document/diaaia20092_en.pdf. – Date of access: 02.02.2023.
9. Цветкова, Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. / Н.Н. Цветкова. – Москва: ИВ РАН, 2011. – 295 с.
10. Богатырёва, В.В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В.В. Богатырёва, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 6–14. DOI: 10.21122/2309-6667-2021-13-6-14
11. Annex Tables of the World Investment Report 2022 [Electronic resource] // UNCTAD. – Mode of access: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/annex-tables/>. – Date of access: 02.02.2023.
12. Богатырёва, В.В. Теория финансового управления воспроизводством человеческого капитала: концептуальные основы, методологические принципы / В.В. Богатырёва // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 5. – С. 2–11.
13. Wenyu Jin and Lynn Teng. The battle for MNC investment heats up [Electronic resource] // China Law and Practice. Feature: Regional Headquarters November/December 2012. – Mode of access: <https://www.hankunlaw.com/upload/portal/20220107/9f37252de201a5818a6dd92e40e64362.pdf>. – Date of access: 02.02.2023.
14. Report on Foreign Investment in China 2022 // Ministry of Commerce the People's Republic of China. – 120 p.
15. 中国统计年鉴 2019. – URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexch.htm> [Статистический ежегодник Китая 2019 // Нац. бюро статистики Китайской Народной Республики. – Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexch.htm>. – Дата доступа: 02.02.2023].

Поступила в редакцию 13.06.2023

Экономические санкции в условиях кризиса однополярного мира: промежуточные итоги для Республики Беларусь

Павлыш Э.В., Семёнова Е.А., Типанова Е.И., Огурцова А.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются особенности реализации геостратегии западных стран в условиях кризиса однополярного мира. Раскрыта сущность санкций как элемента механизмов гибридного воздействия. Проанализирована практика применения санкций в отношении Республики Беларусь и их последствий.

Цель работы – охарактеризовать санкции как геоэкономический феномен, практику их применения в отношении Республики Беларусь.

Материал и методы. Исследование основывается на научных трудах отечественных и зарубежных учёных в области геополитики и геоэкономики, а также международного права. Методологический инструментарий включает в себя анализ и синтез, дедукцию и индукцию, методы статистики.

Результаты и их обсуждение. Санкции представляют собой те или иные ограничения политического и экономического взаимодействия с различными субъектами (физическими либо юридическими) страны-адресата. Адресант санкций предполагает, что санкции в отношении адресата спровоцируют существенное ухудшение его экономического положения и, как следствие, вынудят правительство страны к изменению внешней и(или) внутренней политики в соответствии с потребностями адресанта. Вместе с тем практика показывает, что в большинстве случаев санкции не достигают своих политических целей, при этом экономический ущерб от санкций для страны-адресата очевиден и осязаем. Для Республики Беларусь санкционное давление является частью экономико-политической реальности с 1997 года. В течение последних полутора десятилетий ключевыми точками санкционной бифуркации были 2011 и 2020 год. В то же время в обоих случаях темп роста экономики существенно замедлялся, но коллапса не происходило. Значительные изменения каждый раз претерпевала географическая структура внешней торговли.

Заключение. Активное встраивание в новые глобальные экономические цепочки – ключевое направление противодействия геоэкономическому давлению. Стратегическими приоритетами могут стать освоение рынков стран Ближнего Востока, Китая, Бразилии, развёртывание сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Поиск конкретных механизмов и инструментов выстраивания внешнеэкономических отношений Республики Беларусь в условиях новой геоэкономической реальности представляется перспективным направлением наших дальнейших исследований.

Ключевые слова: однополярный мир, экономические санкции, адресат и адресант санкций, секторальные ограничения, экспорт.

Economic Sanctions in the Conditions of the Crisis of the Unipolar World: Interim Consequences for the Republic of Belarus

Pavlysh E.V., Semyonova E.A., Tipanova E.I., Ogurtsova A.Yu.
Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article discusses the features of the implementation of the geostrategy of Western countries in the context of the crisis of the unipolar world. The essence of sanctions as an element of the mechanisms of hybrid influence is considered. The practice of applying sanctions against the Republic of Belarus and their consequences is analyzed.

The purpose of the work is to characterize sanctions as a geo-economic phenomenon and analyze the practice of applying economic sanctions against the Republic of Belarus.

Material and methods. The study is based on the scientific works of domestic and foreign scientists in the field of geopolitics and geoeconomics, as well as international law. Methodological tools include analysis and synthesis, deduction and induction, statistical methods.

Results and their discussion. Sanctions are certain restrictions on political and economic interaction with various entities (physical or legal) of the recipient country. The sender of sanctions assumes that sanctions against the addressee will provoke a significant deterioration in his economic situation and, as a result, will force the country's government to change its foreign and (or) domestic policy in accordance with the needs of the sender. At the same time, practice shows that in most cases sanctions do not achieve their political goals, while the economic damage from sanctions for the recipient country is obvious and tangible. For the Republic of Belarus, sanctions pressure has been part of the economic and political reality since 1997. Over the past decade and a half, the key points of the sanctions bifurcation were 2011 and 2020. At the same time, in both cases, the rate of economic growth slowed down significantly, but there was no collapse. The geographic structure of foreign trade has undergone significant changes each time.

Conclusions. Active embedding in new global economic chains is a key way to counteract geo-economic pressure. The strategic priorities may be the further exploration of the markets of the Middle East, China, Brazil, the development of cooperation within the framework of the EAEU, the SCO and BRICS. The search for specific mechanisms and tools for building foreign economic relations of the Republic of Belarus in the new geo-economic reality seems to be a promising direction for our further research.

Key words: unipolar world, economic sanctions, addressee and addressee of sanctions, sectoral restrictions, export.

Однополярность – «качество геополитической системы, в которой существует только одна сверхдержава, и ни одно другое государство (или коалиция государств) не обладает достаточной мощностью для того, чтобы ее уравновесить» [1, с. 8]. До 1945 года миропорядок можно было охарактеризовать наличием нескольких центров силы, ни один из которых не обладал абсолютным превосходством, однако после завершения Второй мировой войны мировое сообщество оказалось под влиянием двух полюсов: США и СССР. Крах Советского Союза в начале 1990-х годов стал удачной возможностью для установления однополярного мира Соединенными Штатами. Если ранее на протяжении пяти десятилетий в основе миропорядка лежало противостояние двух диаметрально противоположных экономических систем (централизованно-плановая и либерально-рыночная), то с конца XX века на геополитической арене сформировался единый центр силы – США.

В связи с этим геостратегия США последние три десятилетия включает целенаправленное руководство динамичными с геополитической точки зрения государствами с соблюдением ключевого национального интереса: сохранения исключительной глобальной власти. При этом уже в XXI веке США начали противодействовать устойчивому стремлению некоторых стран к изменению состоявшегося однополярного миропорядка. В настоящее время сохранение системных характеристик однополярного миропорядка осуществляется в рамках применения технологий управляемого хаоса и гибридных войн, где сочетаются комплексные политические, информационные, силовые, экономические воздействия. Одним из ключевых элементов такого комплексного воздействия является экономическое санкционное давление.

Учитывая вышеизложенное, цель данной статьи – охарактеризовать санкции как геэкономический феномен и практику их применения в отношении Республики Беларусь.

Материал и методы. Базовым материалом для работы стали научные труды отечественных и зарубежных учёных в области геополитики и геэкономике, а также международного права. Методологический инструментарий включает в себя анализ и синтез, дедукцию и индукцию, методы статистики.

Результаты и их обсуждение. В узком смысле санкционное давление, или санкции, представляют собой те или иные ограничения политического

и экономического взаимодействия с различными субъектами (физическими либо юридическими) страны-адресата. В экономической плоскости это может быть достаточно широкий спектр взаимодействий: запрет экспортных либо импортных операций с контрагентами из страны-адресата, ограничение операций на финансовом рынке (в том числе кредитование и инвестирование), адресные санкции и т.п.

Цели санкционной политики всегда носят политический характер. Иными словами, адресант санкций (как правило, экономически мощная держава, или группа экономически развитых стран) предполагает, что санкции в отношении адресата спровоцируют существенное ухудшение его экономического положения (экономическую стагнацию, падение экспорта, снижение уровня доходов населения, сокращение потребления, рост процентных ставок, коллапс банковской системы, преддефолтное состояние и пр.) и, как следствие, вынудят правительство страны к изменению внешней и(или) внутренней политики в соответствии с потребностями адресанта санкций. Говоря иначе, санкции – это де-юре косвенное вмешательство, а де-факто – попытка прямого вмешательства в процесс принятия политических решений суверенного государства, осуществляемый за счёт сформировавшейся в условиях глобализации взаимозависимости и взаимодополняемости национальных экономик.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на более чем вековую историю применения санкций (начиная с Первой мировой войны), большинство экономических санкций на достигали своих политических целей. Исследования западных политологов, в зависимости от применяемой методологии, оценивают достижение санкциями исходных геополитических целей в диапазоне от 34 до 6% случаев [2, р. 14].

Вместе с тем влияние санкций на экономику стран-адресатов является очевидным и безусловным. В исследовании [3] «на примере 162 случаев за период с 1960 по 2016 г. показано, что снижение ВВП в стране-реципиенте в первый год санкций в среднем составляло 2,24 п.п., во второй год – 1,76 п.п.». Падение ВВП, как правило, сопровождалось сокращением государственных расходов и инвестиций, увеличением доли военных расходов в бюджете и ВВП, а также умеренным снижением потребления.

Отношения Беларуси со странами Коллективного Запада во главе с США носили циклический характер с четырьмя периодами санкций

Таблица – Отдельные белорусские предприятия, включённые в санкционные списки [4, с. 137–138]

Название организации	Сфера деятельности
ОАО «МАЗ», ОАО «БелАЗ» ОАО «МЗКТ»	Наиболее значимые представители машиностроительного комплекса
«Белаэронавигация»	Аэронавигационное обслуживание
ООО «Bremino Group»	Логистика, оператор ОЭЗ особой «Бремино-Орша»
ООО «Globalcustom»	Логистика, оптовая торговля продуктами питания, напитками и табачными изделиями
ЗАО «Новая нефтяная компания»	Импорт нефти из России и её перепродажа на Запад
ООО «Logex»	Таможенная очистка и международная доставка грузов, уполномоченный экономический оператор на территории Беларуси
Предприятие СЭЗ «Sohra Overseas FZE» (ОАЭ)	Продажа и сервисное обслуживание продукции предприятий Беларуси за рубежом, в основном тяжелой техники БелАЗ в африканском регионе
ОАО «140 ремонтный завод»	Государственное предприятие военно-промышленного комплекса
ОАО «Агат»	Производство спецтехники для Минобороны
ЗАО «Белтехэкспорт»	Обеспечение военной безопасности, экспорт и импорт продукции и услуг военного назначения
Dana Holding	Группа строительных компаний, являющаяся крупным застройщиком и девелопером на рынке белорусской недвижимости
ООО «Синезис»	IT-компания международного уровня. Состоит из 15 компаний. Разработка проектов в области искусственного интеллекта, облачных технологий, видеоаналитика, Big Data
Главное хозяйственное управление Управления делами Президента Республики Беларусь	Является девелопером на рынке недвижимости Беларуси. Специализируется на обслуживании административных зданий в столице и областных центрах.

и сокращением двустороннего сотрудничества – в 1997–1999, 2004–2008, 2011–2015 гг., и с 2020 года. Первый в истории Беларуси эпизод введения санкций датируется 15 сентября 1997 года. Европейский союз официально ограничил формат своих отношений с Минском до уровня ниже министерского в связи с «нарушениями прав человека и нарушениями на выборах». Санкции фактически заморозили основные направления сотрудничества между Брюсселем и Минском.

В период до 2008 года предпринимались неоднократные попытки стабилизации отношений с западными странами, включавшие в себя взаимные уступки. Период 2008–2011 годов можно рассматривать как один из недолгих промежутков в истории нашей страны, когда большая часть ограничений была отменена либо приостановлена.

Однако в 2011 году взаимоотношения Беларуси и Коллективного Запада вновь обострились.

В 2011–2014 гг. западные страны неоднократно расширяли как индивидуальные списки, так и перечни видов экономической деятельности, подпадавшие под ограничения в отношениях с Республикой Беларусь. Ограничения вводились не только на закупки товаров и услуг у предприятий и организаций Республики Беларусь, но и на любое иное взаимодействие западных предпринимателей с физическими и юридическими лицами из санкционных списков, а также предусматривали запрет на поставки определённых видов товаров (в первую очередь двойного назначения) хозяйствующим субъектам Республики Беларусь.

Следующий период значительного санкционного давления на Беларусь со стороны Запада выпал на август 2020 года. Санкции были введены как против отдельных граждан, так и организаций (подробнее в таблице).

Помимо адресных ограничений, со стороны западных стран были введены масштабные от-

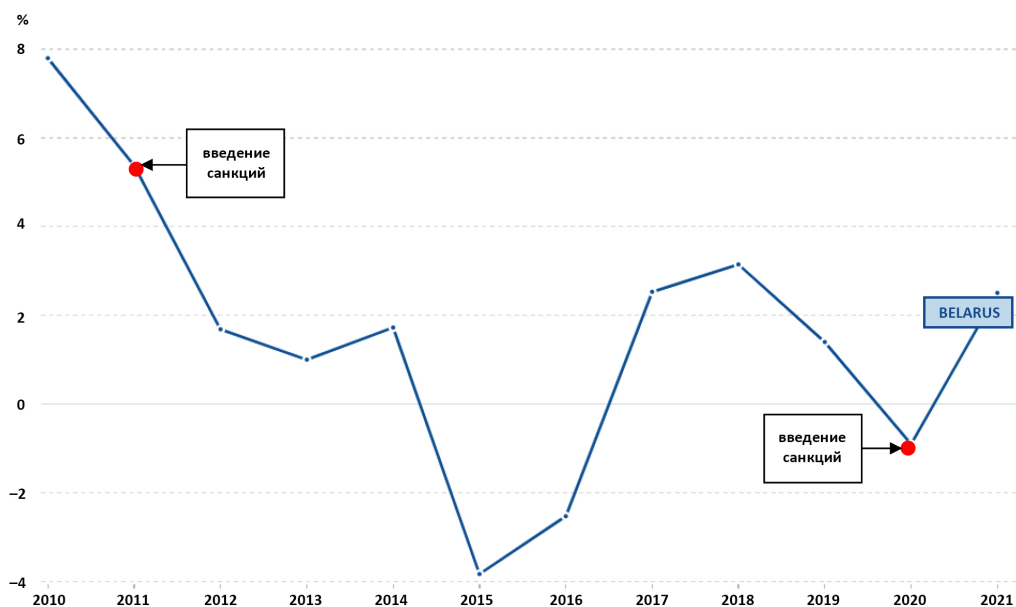

Рисунок 1 – Прирост ВВП Беларуси 2010–2021 гг. [6]

раслевые (секторальные) санкции. Ограничения касались «поставок оборудования, технологий и программного обеспечения для мониторинга и перехвата телефонных разговоров и идентификации пользователей в интернете; поставок товаров двойного назначения и технологий для использования в военных целях; ввоза товаров для производства табачной продукции; ввоза нефтепродуктов и продуктов с содержанием калия из Беларуси в страны ЕС; доступа к финансовым рынкам ЕС для белорусского правительства и государственных финансовых институтов и органов; приостановки финансирования проектов в государственном секторе со стороны Европейского инвестиционного банка (ЕИБ); участия банков стран ЕС в белорусских государственных проектах» [5]. Персональные санкции в отношении белорусских государственных деятелей и организаций также ввели США, Великобритания и Канада.

Таким образом, на основе приведённых выше данных можно сделать следующие выводы:

- точки бифуркации санкционного давления пришлись на 2011 и 2020 годы;
- основными странами, которые ввели санкции в отношении Беларуси, стали США, Канада, Великобритания и страны Европейского союза;
- больше всего под удар санкций попали такие отрасли экономики, как строительство, машиностроение, военно-промышленный комплекс, а также нефтехимическая промышленность.

Прежде всего санкционное давление оказывает влияние на валовой внутренний продукт.

Так, из рисунка 1 очевидно, что в годы введения санкций рост ВВП снижался в 2011 году на 2,4% по сравнению с 2010 годом (7,8%), составив 5,4%, и в 2020 году на 2,3% по сравнению с 2019 годом и вовсе ушёл в минус (-0,9%).

Резкое падение уровня ВВП связано с сокращением импорта из недружественных стран и, как следствие, невозможности производить определённые товары и услуги на территории страны.

Стоит также отметить, что санкции оказывают значительное влияние на географическую структуру импорта/экспорта. Страны-адресанты ограничительных мер вводят запреты на ввоз/вывоз товаров, вследствие чего доля этих стран в географической структуре снижается, либо торговое партнёрство вообще прекращается. На рисунке 2 отражена динамика укрупнённой географической структуры экспорта Республики Беларусь в страны Европейского союза, Россию и прочие государства.

Важно отметить, что санкционное давление, влияние которого на нашу страну сложно отрицать, оказало негативное воздействие, но отнюдь не уничтожило отечественную экономику. Как справедливо отмечает И. Пашкевич, «динамика экономического развития в Республике Беларусь в 2021 г. позволила не только восстановиться экономике после спада 2020 г., но и на 1,6% превысить уровень 2019 г. Если подсчитать вклад в ВВП всех «стабильных» источников роста белорусской экономики, то получится, что в 2021 г. ими было обусловлено порядка 1,3 п.п.

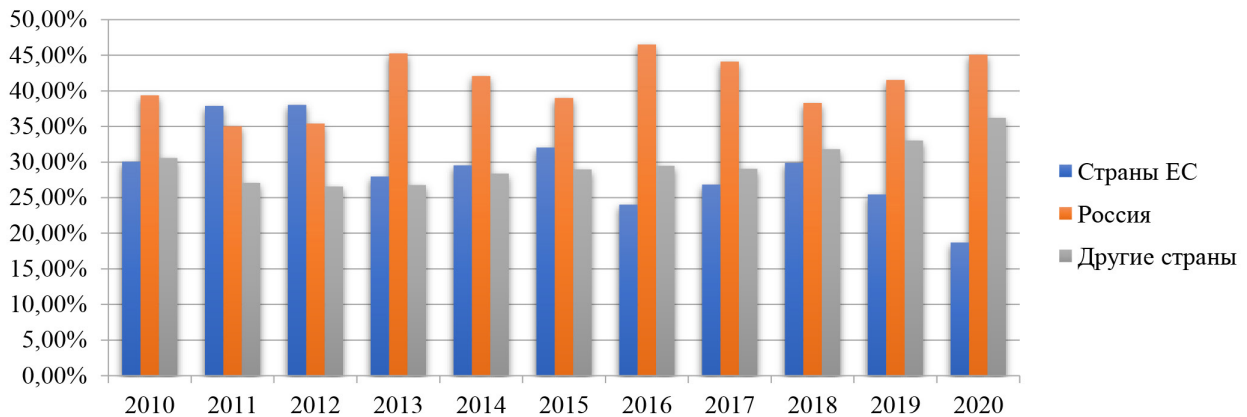

Рисунок 2 – Географическая структура экспорта Республики Беларусь 2010–2020 гг. (в процентах от общего объема экспорта)

Примечание. Построено авторами на основе данных [8].

общего роста. Еще около 1,0 п.п. – это влияние внешних конъюнктурных условий» [7, с. 45].

Выводы. Санкции – инструмент геополитически мощных держав. Благодаря выстроенной в условиях глобализации взаимозависимости национальных экономик страны-инициаторы санкционного давления применяют его в качестве утверждения своего политико-экономического господства. Ключевыми точками бифуркации санкционного давления Коллективного Запада и в частности США в отношении Беларуси стали 2011 и 2020 годы, при этом экономике был нанесён урон, но не критический. Активное встраивание в новые глобальные экономические цепочки – ключевое направление противодействия геоэкономическому давлению. Для нас перспективно и актуально освоение рынков стран Ближнего Востока, Китая, Бразилии, расширение сотрудничества с членами ЕАЭС.

Стратегическими приоритетами развития национальной экономики могут стать активная политика импортозамещения, развитие инвестиционной привлекательности Республики Беларусь в рамках ШОС и БРИКС, дедолларизация торговли между странами-участницами ЕАЭС, а также расширение кооперации с альтернативными международными финансовыми организациями. Поиск конкретных механизмов и инструментов встраивания внешнеэкономических отношений Республики Беларусь в условиях новой геоэкономиче-

ской реальности представляется перспективным направлением наших дальнейших исследований.

Литература

1. Богданов, А.Н. «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI века / А.Н. Богданов // Геополитический журн. – 2014. – № 6. – С. 7–15.
2. Pape, R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work / R.A. Pape. – International Security. – 1997. – iss. 22. – pp. 90–136.
3. Gutmann, J. The Economic Effects of International Sanctions: An Event Study. CESifo Working Paper. № 9007 / J. Gutmann, M. Neuenkirch, F. Neumeier. – Munich: CESifo, 2021 – 27 p.
4. Коновалова, Т.А. Россия – Беларусь: Интеграция в условиях санкций Запада / Т.А. Коновалова // Научные труды северо-западного института управления РАНХИС. – 2021. – Т. 12, № 4(51). – С. 649–662.
5. Санкции в отношении Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belarus.ahk.de/ru/infoteka/sankcii-v-otnoshenii-belarusi>. – Дата доступа: 07.07.2023.
6. The world bank statistical database [Electronic resource]. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?end=2021&locations=BY&start=2000>. – Date of access: 07.07.2023.
7. Пашкевич, И.В. Структурные слагаемые экономического роста в Республике Беларусь в 2021 году / И.В. Пашкевич // Белорус. экон. журн. – 2022. – № 2(99). – С. 34–47.
8. Внешняя торговля Республики Беларусь [Электронный ресурс]: [стат. сборник] / Нац. статистический комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/statisticheskiy-daniya/> – Дата доступа: 08.07.2023.

Поступила в редакцию 28.05.2023

УДК 159.944:005.96:159.9.07

Об определении основных структурных характеристик образа ответственного руководителя

Бахмат Е.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Произведенный анализ характеристик образа ответственного руководителя позволил установить основные структурные характеристики, обосновать общие особенности построения структур образов и сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности.

Цель статьи – определение основных структурно-содержательных характеристик образа ответственного/безответственного руководителя у различных субъектов управления; обоснование сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности.

Материал и методы. *Материалом послужили результаты психологического исследования по выявлению и установлению основных характеристик образа ответственного/безответственного руководителя у различных субъектов управления (выборка составила 320 человек). В группу респондентов вошли руководители со средним стажем пребывания в должности 25 лет и в возрасте от 24 до 60 лет. В качестве методов для выявления основных характеристик образа и обоснования сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности использовались теоретические и эмпирические методы анализа данных в соответствии с целями и задачами исследования, в том числе и методика изучения образа человека «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) – вербальная часть (В.Л. Ситников); практические задания 50 (пятьдесят) для составления методических рекомендаций по развитию позитивных структурно-содержательных характеристик образа ответственного руководителя.*

Результаты и их обсуждение. *Произведенный анализ психологических характеристик Ты-образов ответственного/безответственного руководителя у различных субъектов управления транспорта, промышленности, здравоохранения, культуры, образования показал, что существуют общие особенности построения структур образов ответственного/безответственного руководителя. Это позволило доказать, что к основным структурно-содержательным характеристикам образа ответственного отнесены: социальные, волевые, интеллектуальные, социальный интеллект характеристики в позитивных оценках в отношениях, а к характеристикам Ты-образа безответственного отнесены: социальные, волевые, эмоциональные, интеллектуальные характеристики в негативных оценках в отношениях. Различия по характеристикам структур образов свидетельствуют о существовании профильных особенностей в определении характеристик структур Ты-образа ответственного по: амбивалентным, субъект развития, телесным характеристикам, а в структуре Ты-образа безответственного по одной – конвенциональной характеристике. Тем самым было получено обоснование на доказательство в описании сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности при отражении образа другого руководителя как ответственного.*

Заключение. Полученные результаты позволяют обобщить и проанализировать вопросы психологии образа, понятия «ответственность», руководства и управления и представляют высокий интерес для профессорско-преподавательского состава учреждений высшего и дополнительного образования взрослых, студентов для осуществления профессиональной подготовки и готовности руководителя к работе в системе («человек–человек» «объект–субъект» управляемой среды).

Ключевые слова: основные и профильные структурно-содержательные характеристики, образ ответственного/безответственного руководителя, структура образа, Ты-образ, субъекты управления.

On Identifying Main Structure Characteristics of the Image of a Responsible Manager

Bakhmat E.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The analysis of the characteristics of the image of a responsible manager made it possible to establish the main and profile structural and substantive characteristics and to substantiate the essence of the concept of responsibility / irresponsibility in management activities.

The purpose of the article is to determine the main structure and content characteristics of the image of a responsible / irresponsible manager in various management entities, to substantiate the essence of the concept of responsibility/irresponsibility in management activities.

Material and methods. *The material was the results of a psychological study to identify and establish the main and profile characteristics of the image of a responsible /irresponsible leader in various management entities (the sample was 320 people). The group of respondents included managers with an average tenure of 25 years and aged from 24 to 60. As methods for identifying the main and profile characteristics of the image and substantiating the essence of the concept of responsibility/irresponsibility in management activities, theoretical and empirical methods of data analysis were used in accordance with the goals and objectives of the study, namely: the methodology for studying the image of a person "SOC(S)" – the structure of the image of a person (hierarchical)" – verbal part (V.L. Sitnikov); practical tasks 50 (fifty) for drawing up methodological guidelines for the development of positive structural and substantive characteristics of the image of a responsible leader; methods of mathematical and descriptive statistics.*

Findings and their discussion. *The analysis of psychological characteristics of You-images of a responsible/irresponsible leader among various subjects of transport, industry, healthcare, culture, education showed that there are common features of building structures of images of a responsible/irresponsible leader, which allowed us to prove that the main structural and content characteristics include: social, volitional, intellectual, social intelligence characteristics in positive assessments in relationships, and the characteristics of the irresponsible image of You include: social, strong-willed, emotional, intellectual characteristics in negative assessments in relationships. The differences in the characteristics of the structures of images showed the existence of profile features in determining the characteristics of the structures of You image of the responsible according to: ambivalent, subject of development, bodily characteristics, and in the structure of You image of the irresponsible according to one conventional characteristic. Thus, a justification was obtained to prove the essence of the concept of responsibility/irresponsibility in managerial activity when describing the image of another manager as responsible/irresponsible.*

Conclusion. *The results obtained make it possible to generalize and analyze the issues of psychology of image and responsibility, leadership and management, thereby of high interest to the teaching staff of establishments of higher and additional adult education, students for the implementation of professional training and the readiness of the head to work in the system ("person-person", "subject-object" of the controlled environment).*

Key words: *the main and profile structure and content characteristics, the image of a responsible/irresponsible leader, the structure of the image, You-image, management subjects.*

В последние десятилетия многие работы ученых посвящены вопросам исследования проблемы образа, регулирующего трудовые отношения и деятельности людей. В частности представителями белорусской (М.А. Кремь [1], Н.А. Дубинко [2]) и российской (В.Л. Ситников [3], В.А. Барабанщиков [4], А.А. Реан [5]) научных школ рассматриваются направления по раскрытию образа человека, занимающегося профессиями соционамического типа, и эта тенденция нарастает. Все чаще перед теоретиками ставят вопросы практики, в то же время специалисты-практики определяют значимость изучаемого психологического явления его эффективностью.

В изучении образа многие авторы учитывают фундаментальный подход, принятый в науке, в основе которого лежит принцип отражения, заложенный исследователями (В.М. Бехтерев [6], Н.А. Бернштейн [7], С.Л. Рубинштейн [8], Б.Г. Ананьев [9] и др.), а также мнение ученых прикладных наук, в частности психологии труда, инженерной психологии (А.В. Запорожец [10], Б.Ф. Ломов [11], Д.А. Ошанин [12], Н.Д. Завалова [13] и др.). Они отмечают возможность применения системного подхода в изучении образа «человек–машина» и доказывают, что образ есть многоуровневая динамическая система.

Актуальность проблемы исследования образа ответственного руководителя у различных субъектов управления заключена в изучении психологического склада образа ответственного руководителя, его структуры и содержания. Мы исходим из понимания того, что ответственность для руководителя – важный критерий точности субъективного отражения субъект–объектной связи системы («человек–человек» «субъект–объект» управляемой среды), его совокупности психических регуляторов, каковыми выступают образ объекта и образ субъекта управления. Поэтому проблема изучения образа ответственного руководителя в реальности выполняемой деятельности, как и его характеристик, в своеобразии профилей и в то же время в их общих закономерностях построения, отображает руководителя как ответственного у представителей различных отраслей. В связи с этим, на наш взгляд, важно предпринять попытку в описании *основных* структурно-содержательных характеристик образа ответственного руководителя, а также в обосновании сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности.

Цель статьи – определение *основных* структурно-содержательных характеристик образа ответственного/безответственного руководителя у различных субъектов управления; обоснование сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности.

Материал и методы. Исследование проводилось на кафедре кадровой политики и психологии управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь под научным руководством Н.А. Дубинко (кандидата психологических наук, доцента) и на базе Витебского областного института развития образования.

Материалом послужили результаты психологического исследования по выявлению и установлению *основных* характеристик образа ответственного/безответственного руководителя у различных субъектов управления транспорта, промышленности, здравоохранения, культуры, образования (выборка составила 320 человек). В качестве методов для выявления *основных* характеристик образа и обоснования сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности использовались: теоретические методы научного познания, а также методика изучения образа человека «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) – вербальная часть (В.Л. Ситников); практические задания 50 (пятьдесят) для составления методических

рекомендаций по развитию позитивных структурно-содержательных характеристик образа ответственного руководителя.

Результаты и их обсуждение. Для определения *основных* характеристик Ты-образа ответственного/безответственного нами были установлены общие закономерности в построении образа руководителя, были взяты данные, полученные от разных респондентов субъектов управления: транспорта, промышленности, здравоохранения, культуры, образования. Объединив экспериментальные данные по пяти отраслевым субъектам в одну общую матрицу, мы получили информацию по описанию характеристик образа ответственного/безответственного. Далее на основании анализа собственных значений полученных эмпирических данных по выявлению психологических характеристик, составляющие три группы переменных, а именно характеристики отражающие: субъективные и объективные представления о руководителе как о человеке (*конвенциональные*); характеристики, отражающие различные стороны личности руководителя (*волевые, деятельностные, интеллектуальные, социальный интеллект, поведенческие, социальные, телесные, эмоциональные, метафорические*); характеристики, отражающие отношение к руководителю (*объект воздействия, субъект развития, метафорические, позитивные, амбивалентные, негативные*) – всего пятнадцать, – определяемые в Ты-образах ответственного/безответственного были зафиксированы основные характеристики, присутствие для различных субъектов управления.

Следует отметить, что для определения *основных* характеристик образа ответственного/безответственного осуществлялся расчет эмпирической оценки и вес характеристики. Согласно указанному, вычисление производилось путем определения суммарного числа набранных случаев по каждой характеристике, что позволило оценить, какие характеристики имеют большее количество значений, а какие меньшее по набранным ими значениям. Для выявления веса характеристики установили коэффициент значимости: рассчитали теоретическое ожидаемое по характеристике путем определения усредненной арифметической величины по группе характеристик в целом. Таким путем полученные данные позволили нам распределить характеристики согласно рейтинговой шкале следующим порядком: все, что выше 400 значений, принято на уровне максимально значимых характеристик, что около 400 значений – значимые, а что ниже

По оси X – структурно-содержательные характеристики Ты-образа ответственного:

(+) – позитивные; с – социальные; в – волевые; и – интеллектуальные; ис – социальный интеллект; о/в – объект воздействия; э – эмоциональные; (=) – амбивалентные; п – поведенческие; д – деятельностные; с/р – субъект развития; т – телесные; (-) – негативные; к – конвенциональные; м – метафорические.

По оси Y – сумма, общее количество всех значений по характеристике и коэффициент значимости характеристики (теоретическое ожидаемое)

Рисунок 1 – Рейтинговое распределение структурно-содержательных характеристик Ты-образа ответственного руководителя у субъектов управления

400 значений, это наименее значимые характеристики для образа. В результате мы получили данные о распределении характеристик согласно их весу в структуре Ты-образа ответственного/безответственного руководителя, итог показан на рейтинговой гистограмме (рисунок 1).

Итак, общая структура Ты-образа руководителя ответственного у субъектов управления включает самые рейтинговые: *позитивные, социальные, волевые, интеллектуальные, социальный интеллект, объект воздействия* характеристики, их оценки самые высокие, поэтому их считаем основными.

Позитивные и *социальные* характеристики в структуре Ты-образа ответственного доминируют, причем *социальные* превосходят все изучаемые нами характеристики и уступают лишь одним позитивным характеристикам (рисунок 1).

Позитивные описывают отношение руководителя, он ориентируется на них, оценивая образ другого как ответственного, что говорит об обязательном их присутствии в структуре образа. *Социальные* характеризуют поведение руководителя как субъекта взаимодействия. *Волевых* и *интеллектуальных* приблизительно одинаково,

в два раза они превышают значение средней ожидаемой теоретической, описывают особенности творческой личности руководителя. *Интеллект социальный* и *объект воздействия* характеристики также основные, их немного более, чем среднее значение, описывают способности руководителя к убеждениям, аргументации при общении с другим как ответственного. Кроме указанных по рейтинговому распределению отмечены *эмоциональные* характеристики, их значения на уровне среднего ожидаемого значения, поэтому мы их отнесли к значимым характеристикам. Все иные характеристики: *амбивалентные, поведенческие, деятельностные, субъект развития, телесные, негативные, конвенциональные, метафорические* – насчитывают более низовые весовые категории, поэтому не являются обязательными в описании Ты-образа ответственного руководителя, и мы их относим к менее значимым характеристикам (рисунок 1).

Итак, эмпирические данные, полученные по структурно-содержательным характеристикам Ты-образа ответственного, показали, что руководитель активно использует позитивные оценки при описании образа.

По оси X – структурно-содержательные характеристики Ты-образа безответственного:
 (-) – негативные; с – социальные; в – волевые; э – эмоциональные; и – интеллектуальные; ис – социальный интеллект; о/в – объект воздействия; п – поведенческие; д – деятельностные; т – телесные; с/р – субъект развития; (=) – амбивалентные; к – конвенциональные; (+) – позитивные; м – метафорические.
 По оси Y – сумма, общее количество значений по характеристике и коэффициент веса значимости характеристики (теоретическое ожидаемое).

Рисунок 2 – Рейтинговое распределение структурно-содержательных характеристик Ты-образа безответственного руководителя у субъектов управления

Как мы уже отмечали ранее, для того чтобы выявить характеристики структуры Ты-образа ответственного, нами был введен критерий образа безответственного. Поэтому далее перейдем к рассмотрению эмпирических данных, полученных по структурно-содержательным характеристикам Ты-образа безответственного, согласно их весовому коэффициенту (рисунок 2).

Структура Ты-образа безответственного руководителя включает самые рейтинговые: *социальные, волевые, эмоциональные, интеллектуальные* с оценкой в *негативных* характеристиках, связанные с описанием образа другого как безответственного. Также *социальный интеллект* и *объект воздействия* характеристики, их коэффициенты по весу (395 и 386 значений) чуть менее, чем у основных характеристик, но близки к определяемым 400 значениям, поэтому мы их относим к значимым характеристикам структуры Ты-образа.

Поведенческие, деятельностные, телесные, субъект развития, амбивалентные, конвенциональные, позитивные, метафорические характеристики, их коэффициенты самые низкие, поэтому мы их не включаем в основную структуру Ты-образа безответственного.

Среди основных *негативные* характеристики имеют наибольшую весовую рейтинговую оценку, что говорит об их обязательности, их увязывают с отрицательными сторонами отношений при описании образа другого как безответственного и выражают отношением в иных характеристиках среди заданных. Проанализируем наиболее активно используемые слова, составляющие содержание *негативной* характеристики.

Наиболее ранговые места занимают слова *грубый, ленивый, безграмотный, безразличный, невнимательный, глупый, злой, безынициативный, несправедливый, пассивный, некомпетентный, авторитарный, завистливый, злопамятный, конфликтный, высокомерный, неупорядочный, жестокий, равнодушный, неисполнительный, вспыльчивый*.

Отсутствие внимания к человеку, равнодушные, эмоциональная запущенность, нежелание работать формируют у руководителя негативную оценку, определяемую отношением к другому как к безответственному.

Итак, результаты нашего исследования позволили нам на основе теоретико-методологического анализа к структурно-содержательным

характеристикам образа ответственного руководителя осуществить подход в изучении образа и обосновать сущность понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности. Ответственность связывается с наличием основных структурно-содержательных характеристик (*социальных, волевых, интеллектуальных, социальный интеллект, объект воздействия*) в описании образа другого руководителя как ответственного с позитивной оценкой в отношениях. Безответственность устанавливается наличием основных характеристик (*социальные, волевые, эмоциональные, интеллектуальные*) в описании образа другого как безответственного с негативной оценкой в отношениях.

Заключение. Анализ и обобщение результатов исследования по определению *основных* структурно-содержательных характеристик образа ответственного/безответственного руководителя у различных субъектов управления, а также по обоснованию сущности понятия «ответственность/безответственность» в управленческой деятельности продемонстрировал, что исходные требования концепции образа позволяют нам ориентироваться на специфику профессионального труда руководителя с учетом особенностей системы «человек–человек ответственный» «субъект–объект управляемой среды», в связи с чем под структурно-содержательными характеристиками образа ответственного руководителя у субъектов управления понимается когнитивный образ с достаточно большим количеством характеристик.

Изучение проблемы образа руководителя посредством выявления структурно-содержательных характеристик критерием «ответственность/безответственность» учитывает природу образования профессионального управленческого труда руководителя – это работа с людьми, осуществляемая деятельностью и в деятельности руководителем, что обеспечивается психологической высокопрофессиональной готовностью, его персональной и личной ответственностью, и это составляет практическую значимость полученных результатов. Поэтому образ ответственного руководителя нами понимается через наличие основных структурно-содержательных характеристик в описании образа другого руко-

водителя как ответственного с позитивной оценкой в отношениях. Безответственность устанавливается присутствием основных характеристик в описании образа другого как безответственного с негативной оценкой в отношениях.

Литература

1. Кремень, М.А. Образ в системе психической регуляции познавательной и исполнительной деятельности / М.А. Кремень, В.М. Водлозеров. – Минск: НИО, 1997. – 174 с.
2. Дубинко, Н.А. Психофизиологические механизмы вероятностного прогнозирования в управленческой деятельности / Н.А. Дубинко // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск, 2016. – Вып. 16, ч. 2. – С. 85–92. – (Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк.).
3. Ситников, В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых / В.Л. Ситников; Ленингр. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, Фак. психологии и педагогики им. И.П. Иванова. – СПб.: Химиздат, 2001. – 286, [1] с.
4. Барabanщиков, В.А. Восприятие и событие / В.А. Барabanщиков. – СПб.: Алетейя, 2002. – 512 с.
5. Реан, А.А. Психология личности / А.А. Реан. – СПб. [и др.]: Питер Пресс, 2013. – 288 с. – (Мастера психологии).
6. Бехтерев, В.Н. Общие основы рефлексологии человека: рук. к объективному изучению личности / В.Н. Бехтерев; под ред. и со вступ. ст. А.В. Гервера. – 4-е изд. – М.; Л.: Гозиздат, 1928. – 544 с.
7. Бернштейн, Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн; Акад. мед. наук СССР. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.
8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. [и др.]: Питер Пресс, 2013. – 713 с. – (Мастера психологии).
9. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Б. Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1; под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. – 230 с. – (Тр. действ. чл. и чл.-кор. АПН СССР).
10. Познавательные процессы: ощущения, восприятие: [сб. ст.] / НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР; под ред. А.В. Запорожца [и др.]. – М.: Педагогика, 1982. – 336 с. – (Основы психологии).
11. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов; отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
12. Психологические вопросы регуляции деятельности: [сб. ст.] / Д.А. Ошанин [и др.]; под ред. Д.А. Ошанина, О.А. Конопкина; Науч.-исслед. ин-т общей и пед. психол. Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1973. – 207 с.
13. Завалова, Н.Д. Образ в системе психической регуляции деятельности / Н.Д. Завалова, Б.Ф. Ломов, В.А. Пономаренко; отв. ред. Ю.М. Забродин; АН СССР, Ин-т психол. – М.: Наука, 1986. – 172, [2] с.

Поступила в редакцию 07.12.2022

Классификация когнитивных искажений

Позняк К.В.

Белорусский государственный университет

Эмпирические исследования последних десятилетий демонстрируют подверженность индивидов когнитивным феноменам широкого спектра, которые наносят вред их жизненным интересам. В то же время проводимые исследования в основном направлены на поиск новых когнитивных искажений, вследствие чего их перечень постоянно расширялся, однако это не приводило к большому пониманию их взаимосвязи или выделению общих характерологических черт, что порождает потребность в систематизации выявленных когнитивных феноменов.

Цель работы – классификация существующих когнитивных искажений.

Материал и методы. В ходе исследования был произведен теоретико-методологический анализ классификаций когнитивных искажений, а также мета-анализ существующих когнитивных феноменов. Использованные методы: сравнительный, анализ, синтез, классификация.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируются существующие классификации когнитивных искажений, проводится мета-анализ всех выявленных на данный момент когнитивных феноменов. В результате выделяется 103 когнитивных искажений с уникальным психологическим эффектом, механизмом работы или его проявления, которые впоследствии распределяются по шести группам.

Заключение. Когнитивные искажения рассматриваются в современной психологической науке как собирательный термин, которым обозначается широкий круг феноменов, отражающихся в познавательном поведении личности и ведущих к нерелевантным выводам при анализе имеющейся информации. Исходя из: а) сферы проявления или воздействия когнитивного искажения, а также б) особенностей конечного результата действия искажения (последствия проявления последнего), выделяется шесть групп когнитивных феноменов, связанных с: 1) переоценкой или недооценкой информации, используемой для решения задачи; 2) произвольной трансформацией воспоминаний; 3) регуляцией отрицательных переживаний, обусловленных столкновением с последствиями принимаемых решений; 4) особенностями предъявления, организации и полноты информации для решения задач; 5) оценкой свойств, особенностей, характеристик и поведения субъектов социальной активности; б) комбинационными искажениями, включающими в себя не менее двух описанных особенностей.

Ключевые слова: когнитивные искажения, классификация, принятие решений.

Classification of Cognitive Biases

Pozniak K.V.

Belarusian State University

Empirical research in recent decades demonstrates the susceptibility of individuals to a wide range of cognitive phenomena that harm their vital interests. At the same time, the ongoing research is mainly aimed at searching for new cognitive biases, as a result of which their list was constantly expanding. However, this did not lead to a greater understanding of their relationship or the identification of common characterological features, which creates a need to systematize the identified cognitive phenomena.

The purpose of the work is the classification of existing cognitive biases.

Material and methods. In the course of the research, a theoretical and methodological analysis of the classifications of cognitive biases was carried out, as well as a meta-analysis of existing cognitive phenomena. The methods used were comparative, analysis, synthesis, classification.

Findings and their discussion. The article analyzes the existing classifications of cognitive biases and conducts a meta-analysis of all currently identified cognitive phenomena. As a result, 103 cognitive biases with a unique psychological effect, mechanism of work or its manifestation are singled out, which are subsequently distributed into six groups.

Conclusion. Cognitive biases are considered in modern psychological science as a collective term that denotes a wide range of phenomena that manifest themselves in the cognitive behavior of the individual and lead to irrelevant conclusions when analyzing the available information. Based on: а) the sphere of manifestation or impact of cognitive bias, and also б) the characteristics of the final result of the action of the bias (the consequences of the manifestation of the latter), six groups of cognitive phenomena are distinguished which are associated with: 1) overestimation or underestimation of information used to solve the problem; 2) involuntary transformation of memories; 3) regulation of negative experiences caused by a collision with the consequences of decisions; 4) features of the presentation, organization and completeness of information for solving problems; 5) assessment of properties, features, characteristics and behavior of subjects of social activity; 6) combined biases, including at least two described features.

Key words: cognitive biases, classification, decision making.

Эмпирические исследования последних десятилетий, проводимые в области суждений и принятия решений, убедительно показали, что статистически значимая доля испытуемых подвержена когнитив-

ным феноменам широкого спектра. Проявление когнитивных искажений было исследовано в области медицины, права и вооруженных сил, международных отношениях, экономике и иных сферах.

Выявлено, что ошибки в принятии решений и иррациональное поведение подрывают семейный бюджет, экономическое благосостояние компании, ведут к экономической неэффективности в целом и наносят вред жизненным интересам индивида. Таким образом, проблема искажений в когнитивной психологии является одной из наиболее значимых и сохраняющих свою актуальность. В то же время проводимые исследования в основном были направлены на поиск новых когнитивных феноменов, вследствие чего их перечень постоянно расширялся, однако это не приводило к большему пониманию их взаимосвязи или выделению общих характерологических черт, в связи с чем возникает потребность в систематизации выявленных когнитивных феноменов. Среди отечественных исследователей изучением когнитивных искажений занимались Э.Р. Кашапова, А.Ю. Попов, А.А. Вихман, Т.В. Корнилова, Т.Л. Крюкова и другие [1–4]. Из зарубежных авторов наиболее авторитетными являются А. Тверски, Д. Канеман, К. Станович, Р. Уэст, Т. Гилович, Р. Поль, М. Росс, П. Словик, Д. Гриффин [5–8].

Цель данной работы – классификация существующих когнитивных искажений.

Материал и методы. В ходе исследования был произведен теоретико-методологический анализ классификаций когнитивных искажений, а также мета-анализ существующих когнитивных феноменов. Использованные методы: сравнительный, анализ, синтез, классификация.

Результаты и их обсуждение. Результаты эмпирических исследований демонстрируют, что респонденты зачастую неправильно оценивают вероятности, подвержены эффектам фрейминга, якорения, иллюзорной корреляции, репрезентативности, доступности и множеству других феноменов [6]. Подобные явления, проявляющиеся в познавательном поведении личности, были названы когнитивными искажениями, однако однозначного определения данного термина не существует. Кроме того, различные авторы могут включать в категорию когнитивных искажений не только искажения как таковые, но и всевозможные эффекты, групповые явления, механизмы обработки информации и даже стратегии социального поведения. В рамках данной статьи под когнитивными искажениями, согласно Д. Канеману, подразумеваются систематические ошибки мышления, предсказуемо возникающие в одних и тех же обстоятельствах по определенным шаблонам [5].

Возникновение когнитивных искажений может быть связано с ошибочной обработкой информа-

ции в сложном и неопределенном контексте, эмоциональными и моральными причинами, ограниченными возможностями мозга, социальным влиянием, субъективными убеждениями и иными особенностями [9]. Сами же когнитивные искажения могут значительно влиять на поведение человека и при этом являются универсальными: даже эксперты в различных сферах подвержены им в той же мере.

Р. Поль характеризует когнитивные искажения как феномен, который:

- 1) достоверно отклоняется от действительности;
- 2) происходит систематически и произвольно;
- 3) трудно или невозможно избежать;
- 4) отличен от обычного процесса обработки информации [8].

Таким образом, когнитивные искажения предсказуемы и относительно последовательны у разных людей. Индивид, подвергаясь когнитивным искажениям, не осознает этого, и считает, что его суждения и решения непредвзяты. Искажения часто сохраняются даже тогда, когда людей проинформировали и обучили тому, как их преодолеть.

На данный момент существует множество классификаций когнитивных искажений. Так, К. Станович разделил их на связанные с когнитивной скупостью, дефицитными и зараженными программами [10]. Б. Бенсон выделил группы искажений по проблемам, с которыми они помогают нам справиться: переизбыток информации, сложность понимания, необходимость извлечения информации из памяти и быстрой реакции [11]. С. Холден сгруппировал искажения по трем категориям в зависимости от того, относятся ли они к: а) ограниченному когнитивным способностям; б) справедливости и социальным нормам; в) предпочтениям и самоконтролю [12]. Р. Капелюшников предлагает разделить отклонения от нормативных стандартов на когнитивные ошибки и дефекты воли [13]. Г. Бхандари выделяет когнитивные (связанные с обработкой информации), аффективные (происходящие под влиянием эмоций) и конативные (поведенческие) искажения, связанные с относительно устойчивыми чертами личности и общими человеческими склонностями, прослеживающимися в разных культурах (например, самоуверенность, сохранение статус-кво) [14]. Д. Пирс указывал на существование следующих групп когнитивных искажений: социальные и групповые эффекты; отношение к риску и вероятности; поиск, распознавание и запоминание информации; оценка информации; принятие мер; память, ретроспектива; суждения и симпатия; смешанные [15]. Д. Арнотт объединил систематические ошибки в категории,

связанные с памятью, статистикой, достоверностью, корректировкой, представлением и ситуацией [16]. Р. Поль выделял ошибки мышления (систематические ошибки при применении определенного правила (например, теоремы Байеса)), суждения (систематические ошибки при субъективной оценке стимула (например, приятность, частота или достоверность)) и памяти (ошибки при вспоминании или распознавании событий) [8]. О. Сибони акцентирует внимание на пяти «семействах» искажений: ориентированных на действия, искажения в распознавании образов, ошибки инерции, социальные искажения и предвзятость интересов [17]. В. Рамос фиксирует искажения восприятия, внимания и памяти [18]. Наконец, Э. Димара с соавторами систематизировали ошибки на основе экспериментальных задач, в которых они наблюдались, выделив при этом 7 категорий:

1) оценку (оценка некоего параметра, а также прогнозирование результата);

2) решение (включает в себя все систематические ошибки, которые наблюдались экспериментально, когда участников просили принять решение);

3) оценку гипотез (ошибки, связанные с оценкой того, являются ли одна/несколько гипотез истинными или ложными);

4) каузальную атрибуцию (включает задачи на объяснение причин поведения и событий);

5) вспоминание (включает все систематические ошибки, когда участников просили вспомнить или распознать предыдущий материал);

6) выражение мнений (включает в себя все наблюдавшиеся систематические предубеждения, когда респондентов просили ответить на вопросы, касающиеся их убеждений или мнений по политическим, моральным или социальным вопросам);

7) другое (включает все систематические ошибки, которые наблюдались экспериментально, без привязки к какой-либо из задач, указанных выше) [19].

В рамках данной работы также была предпринята попытка систематизации существующих когнитивных феноменов. На первом этапе было необходимо сформировать список когнитивных искажений, который стал бы основой для их последующей классификации. Сложность заключалась в том, что каждый автор описывал лишь некоторую часть совокупности рассматриваемых явлений; содержательные компоненты уже существующих списков также были различны. Пожалуй, наиболее полным является перечень когнитивных искажений Википедии, насчитывающий 202 пункта, однако часть феноменов полностью дублирует друг друга по смыслу; часть не соответствует критериям,

по которым их можно было бы отнести к искажениям; некоторые являются умозрительным конструктом без ссылок на научную литературу. Исходя из проведенного мета-анализа, для формирования первичного списка были взяты лишь искажения, упомянутые в рецензируемых научных статьях и монографиях, в частности, из уже вышерассмотренных классификаций, а также других работ [20]. Таким образом, первичный список уникальных по названию когнитивных феноменов составил 180 единиц, в дальнейшем подвергшись тщательному контент-анализу.

В ходе его проведения было обнаружено, что некоторые искажения являются эквивалентными, однако имеют разное наименование. Например, предвзятость совершенного выбора (choice-supportive bias) является идентичным рационализации после совершения покупки (post-purchase rationalization); ошибка конъюнкции (conjunction fallacy) – эффекту субаддитивности (subadditivity effect), а гиперболическое дисконтирование (hyperbolic discounting / temporal discounting) – предвзятости настоящего (present bias).

Целый ряд когнитивных искажений является частным случаем проявления более общих феноменов, а потому в итоговый список были включены лишь последние. Так:

a) ошибка расположения в избирательных бюллетенях (position bias / ballot names bias) и эффект первого впечатления (first impression) являются частным случаем эффекта первичности (primacy effect);

b) ошибка экономии времени (time-saving bias) и эффект хорошо знакомого маршрута (well traveled road effect) – частным случаем ошибки планирования (planning fallacy);

c) иллюзорная корреляция (illusory correlation) включает в себя такие феномены, как эгоцентрическая предвзятость (egocentric bias), иллюзия достоверности (illusion of validity), иллюзия кластеризации (clustering illusion) и «ошибка техасского снайпера» (texas sharpshooter fallacy);

d) ошибка обоснования системы (system justification bias) является следствием отклонения в сторону статус-кво (status quo bias);

e) ошибка бездействия (omission bias) – частный случай предпочтения косвенного вреда (preference for indirect harm);

f) моральная удача (moral luck) – вариация проявления предвзятости результата (outcome bias);

g) иллюзорное превосходство (illusory superiority) включает в себя слепое пятно предвзятости (bias blind spot) и эффект третьего лица;

h) эффект фокусировки (focusing effect) является более широким феноменом, чем предвзятость

внимания (attentional bias) и эффект якоря (anchoring);

i) эффект Мохаммеда Али (Muhammad Ali effect) – вариация эффекта ложной уникальности (false uniqueness effect);

j) предвзятость совершенного выбора (choice-supportive bias) – следствие радужной ретроспекции (rosy retrospection);

k) реактивное сопротивление (reactance) шире эффекта обратного результата (backfire effect);

l) эвристика репрезентативности (representativeness heuristic) включает в себя такие феномены, как пренебрежение размером выборки (insensitivity to sample size), регрессия к среднему (regression to the mean), закон малых чисел (the law of small numbers);

m) ошибка базовой ставки (base rate fallacy) содержит в себе ошибку игрока (gambler's fallacy) и ошибку «горячей руки» (hot hand). Последние отличаются по последствиям: субъекты, допускающие ошибку «горячей руки», необоснованно ожидают продолжения выигрышной серии, в то время как допускающие ошибку игрока необоснованно ожидают проигрыша, однако обе они согласуются с механизмом ошибки базовой ставки;

n) эвристика доступности (availability heuristic) является более широким феноменом по отношению к ошибке гомогенности аутгруппы (out-group homogeneity bias) и эффекту кросс-расы (cross-race effect);

o) предвзятость 100% (100% of anything looks good) и ошибка нулевого риска (zero-risk bias) являются частным случаем проявления пренебрежения вероятностью (neglect of probability);

p) ошибка самообладания (restraint bias) – одна из вариаций иллюзии контроля (illusion of control);

q) хоторнский эффект (hawthorne effect) – частный случай предвзятости экспериментатора (experimenter bias);

r) эффект телескопа (telescoping effect) шире феномена выпуклости воспоминаний (reminiscence bump);

s) ошибка проекции (projection bias) – одна из вариаций иллюзии конца истории (end-of-history illusion);

t) ошибка источника (source confusion) является вариацией крипомнезии (cryptomnesia);

u) эффект «женщины – поразительны» (women are wonderful effect) – частный случай стереотипизации (stereotyping);

v) наконец, предвзятость подтверждения (confirmation bias) включает в себя ошибку кон-

груэнтности (congruence bias), поляризацию взглядов (attitude polarization), рефлекс Земмельвейса (Simmelweis reflex), эффект продолжающегося воздействия (inertia continued influence effect), а также каскад доступной информации (availability cascade).

Существуют феномены, объединяющие в себе эффекты нескольких искажений. Например, эффект ИКЕА (IKEA effect) представляет собой продукт взаимодействия ошибки невозможных затрат (sunk cost fallacy) и эффекта владения (endowment effect). Абсолютная ошибка атрибуции (ultimate attribution error) – совокупность фундаментальной ошибки атрибуции (fundamental attribution error) и эгоистической предвзятости (self-serving bias), проявляемых в группе, а эффект враждебных СМИ (hostile media effect) – ошибки враждебной атрибуции (hostile attribution bias) и предвзятости подтверждения (confirmation bias).

Некоторые из существующих искажений сходны по механизму функционирования или частично совпадают по своим последствиям, но не являются эквивалентными. Так, эффект опознаваемой жертвы (identifiable victim effect) и пренебрежение масштабом (scope insensitivity) связаны с непропорциональностью реакции на размер проблемы, однако в первом случае акцент делается на контрасте между идентифицируемостью и анонимностью, а во втором – на единичном образе, с одной стороны, и многочисленности группы – с другой. Иллюзия прозрачности (illusion of transparency) и иллюзия асимметричного понимания (illusion of asymmetric insight) также являются сходными. В обоих случаях индивид переоценивает степень своего понимания внутреннего состояния других людей, вместе с тем в первом случае он также переоценивает то, насколько хорошо его понимают другие, в то время как во втором случае он ее, напротив, недооценивает. К феноменам данного вида также относятся неприятие потерь (loss aversion) и неприятие страха (dread aversion). Оба соотносятся со стремлением избежать потерь, тем не менее в первом случае объяснение исходит из категорий радости и сожаления, а во втором – страха и наслаждения.

В итоговый список когнитивных искажений не вошли:

а) ошибки, связанные с психическими расстройствами, в силу того, что когнитивные искажения должны быть присущи всем индивидам (к феноменам данного вида относятся, например, ошибка пессимизма (pessimism bias) и ошибка ковариации (covariation bias);

б) теоретические конструкты, произрастающие из философских воззрений и не имеющие эмпирического подтверждения: антропоморфизм (anthropomorphism), наивный реализм (naïve realism), антропоцентрическое мышление (anthropocentric thinking), а также явления, обнаруженные в узкоспециализированных областях и не имеющие дополнительного эмпирического подтверждения в иных сферах, в силу чего возможность их экстраполяции оказывается под вопросом (например, иллюзия новизны (recency Illusion));

с) явления, которые, скорее, соотносятся со стратегиями социального взаимодействия, такие как ошибка социальной желательности (social desirability bias);

д) неверные способы диагностики или оценки (например, ошибка системы обозначений (notational bias)), ошибка отбора (selection bias);

е) ряд феноменов, относимых многими исследователями к искажениям памяти, однако в большей степени соотносящихся с (зачастую эволюционно адаптивными) особенностями обработки информации. К эффектам данного типа относятся: эффект Google (Google effect), эффект сложности обработки (processing difficulty effect), эффект дословности (verbatim effect), эффект необычности (bizarreness effect), эффект самогенерации (self-generation effect), эффект самоотносимости (self-reference effect), эффект Ресторффа (von Restorff effect), эффект простой экспозиции (mere-exposure effect), эффект контекста (context effect), эффект задержки (lag effect), эффект тестирования (testing effect), эффект юмора (humor effect), эффект края (serial position effect), сглаживание и усиление (leveling and sharpening), эффект Зейгарника (Zeigarnik effect).

Таким образом, было выделено 103 когнитивных искажения с уникальным психологическим

эффектом, механизмом работы или его проявления. На втором этапе, исходя из проведенного мета-анализа, была осуществлена категоризация когнитивных феноменов. В качестве оснований для их классификации рассматривались: 1) сфера проявления или воздействия когнитивного искажения; 2) особенности конечного результата действия искажения (или эффект, последствия проявления последнего). В результате было выделено 6 групп когнитивных искажений (таблица), связанных с:

1) переоценкой или недооценкой информации, используемой для решения задачи (вероятностей, связей, характеристик, событий и т.п.);

2) произвольной трансформацией воспоминаний (искажения памяти);

3) саморегуляцией отрицательных переживаний, обусловленных столкновением с последствиями принимаемых решений;

4) особенностями предъявления, организации и степени полноты информации, используемой для решения задач (влияние информации);

5) оценкой свойств, особенностей, характеристик и поведения субъектов активности (искажения социального восприятия);

6) одновременной представленностью двух и более элементов, соответствующих особенностям когнитивных искажений из групп 1–5 (комбинированные искажения).

Заключение. Когнитивные искажения рассматриваются в современной психологической науке как собирательный термин, которым обозначается широкий круг феноменов, проявляющихся в познавательном поведении личности и связанных с индивидуальной оценкой информации, а также ситуативных переменных, участвующих в подготовке оснований для принятия решений. Когнитивные искажения являются следствием

Таблица – Классификация когнитивных искажений

Группы когнитивных искажений с включенными в них элементами:
1. Переоценка или недооценка информации
1) Ошибка конъюнкции (Conjunction fallacy);
2) Иллюзорная корреляция (Illusory correlation);
3) Эвристика доступности (Availability heuristic);
4) Эвристика аффекта (Affect heuristic);
5) Эвристика репрезентативности (Representativeness heuristic);
6) Ошибка базовой ставки (Base rate fallacy);
7) Ошибка планирования (Planning fallacy);
8) Ошибка завышенных ожиданий (Exaggerated expectation bias);
9) Эффект опознаваемой жертвы (Identifiable victim effect);
10) Пренебрежение масштабом (Scope Insensitivity);
11) Пренебрежение вероятностью (Neglect of probability);
12) Систематическая ошибка различения (Distinction bias);

- 13) Эффект «меньше–лучше» (Less is better effect);
- 14) Денежная иллюзия (Money illusion);
- 15) Ошибка групповой атрибуции (Group attribution error);
- 16) Пренебрежение длительностью (Duration neglect);
- 17) Эффект ореола (Halo effect);
- 18) Предвзятость результата (Outcome bias);
- 19) Стереотипизация (Stereotyping);
- 20) Ошибка выжившего (Survivorship bias);
- 21) Эффект приманки (Decoy effect);
- 22) Ошибка приверженности инновациям (Pro-innovation bias);
- 23) Компенсация риска (Risk compensation);
- 24) Предвзятость единицы (Unit bias);
- 25) Эффект чирлидера (Cheerleader effect);
- 26) Эффект псевдоуверенности (Pseudocertainty effect);
- 27) Ошибка консерватизма (Conservatism bias);
- 28) Эффект морального доверия (Moral credential effect);
- 29) Эффект ложного консенсуса (False consensus effect);
- 30) Эффект фокусировки (Focusing effect);
- 31) Иллюзия внешнего влияния (Illusion of external agency);
- 32) Ментальная бухгалтерия (Mental Accounting);
- 33) Эффект замещения (Surrogation);
- 34) Функциональная ригидность (Functional fixedness);
- 35) Ошибка совместно используемой информации (Shared information bias);
- 36) Сдвиг риска (Risky shift);
- 37) Предвзятость экспериментатора (Experimenter bias);
- 38) Самоисполняющееся пророчество (Self-fulfilling prophecy).

2. Искажения памяти

- 1) Ошибка источника (Source confusion);
- 2) Эффект телескопа (Telescoping effect);
- 3) Эффект позитивности (Positivity effect);
- 4) Эффект дезинформации (Misinformation effect);
- 5) Память, конгруэнтная настроению (Mood-congruent memory);
- 6) Ошибка угасания эмоций (Fading affect bias).

3. Саморегуляция

- 1) Ошибка ретроспективного взгляда (Hindsight bias);
- 2) Неприятие потерь (Loss aversion);
- 3) Эффект неоднозначности (Ambiguity effect);
- 4) Гиперболическое дисконтирование (Hyperbolic discounting/ Present bias);
- 5) Эффект деноминации (Denomination effect);
- 6) Эффект диспозиции (Disposition effect);
- 7) Эффект владения (Endowment effect);
- 8) Эффект ИКЕА (IKEA effect);
- 9) Ошибка невозполнимых затрат (Sunk cost fallacy);
- 10) Реактивная девальвация (Reactive devaluation);
- 11) Ошибка социального сравнения (Social comparison bias);
- 12) Предвзятость подтверждения (Confirmation bias);
- 13) Ошибка информации (Information bias);
- 14) Гипотеза защитной атрибуции (Defensive attribution hypothesis);
- 15) Абсолютная ошибка атрибуции (Ultimate attribution error);
- 16) Внутригрупповой фаворитизм (In-group favoritism);
- 17) Гипотеза справедливого мира (Just-world hypothesis);
- 18) Отклонение в сторону статус-кво (Status quo bias);
- 19) Предпочтение косвенного вреда (Preference for indirect harm);
- 20) Эффект отражения (Reflection effect);
- 21) Радужная ретроспекция (Rosy retrospection);
- 22) Эффект страуса (Ostrich effect);
- 23) Эффект присоединения к большинству (Bandwagon effect);

24) Реактивное сопротивление (Reactance); 25) Эффект очевидца (Bystander effect); 26) Иллюзия контроля (Illusion of control); 27) Предвзятость негативности (Negativity bias).
4. Влияние информации
1) Эффект новизны (Recency effect);
2) Эффект первичности (Primacy effect);
3) Эффект фрейминга (Framing effect);
4) Эффект контраста (Contrast Effect);
5) Проклятие знания (Curse of knowledge);
6) Эффект иллюзорной истины (Illusory truth effect);
7) Эффект рифмы (Rhyme as reason effect);
8) Предвзятость убеждений (Belief bias);
5. Искажения социального восприятия
1) Эффект «трудное–легкое» (Hard-easy effect);
2) Эффект «хуже среднего» (Worse-than-average effect);
3) Предвзятость чрезмерного сексуального восприятия (Sexual overperception bias);
4) Эффект прожектора (Spotlight effect);
5) Ошибка оптимизма (Optimism bias);
6) Иллюзия конца истории (End-of-history illusion);
7) Асимметрия актер-наблюдатель (Actor-observer asymmetry);
8) Эгоистическая предвзятость (Self-serving bias);
9) Ошибка самоуверенности (Overconfidence bias);
10) Эффект ложной уникальности (False uniqueness effect);
11) Предвзятость воздействия (Impact bias);
12) Ошибка эмоциональной вовлеченности (Empathy gap);
13) Иллюзорное превосходство (Illusory superiority);
14) Фундаментальная ошибка атрибуции (Fundamental attribution error).
6. Комбинированные искажения
1) Ошибка внешних стимулов (Extrinsic incentives bias);
2) Иллюзия прозрачности (Illusion of transparency);
3) Иллюзия асимметричного понимания (Illusion of asymmetric insight);
4) Наивный цинизм (Naive cynicism);
5) Ошибка приписывания черт (Trait ascription bias);
6) Ошибка авторитета (Authority bias);
7) Эффект Барнума (Barnum effect);
8) Ошибка нулевой суммы (Zero-sum bias);
9) Эффект Даннинга–Крюгера (Dunning-Kruger effect);
10) Ошибка враждебной атрибуции (Hostile attribution bias).

к снижению критической оценки информации и возрастанию вероятности создания нерелевантных выводов из имеющейся информации.

На основании мета-анализа научных публикаций, посвященных когнитивным искажениям, предложена их классификация. В качестве оснований для классификации рассматривались: 1) сфера проявления или воздействия когнитивного искаже-

ния; 2) особенности конечного результата действия искажения (или эффект, последствия проявления последнего). В результате были выделены группы когнитивных искажений, связанные с: 1) переоценкой или недооценкой информации, используемой для решения задачи; 2) произвольной трансформацией воспоминаний; 3) регуляцией отрицательных переживаний, обусловленных столкновением

с последствиями принимаемых решений; 4) особенностями предъявления, организации и полноты информации для решения задач; 5) оценкой свойств, особенностей, характеристик и поведения субъектов социальной активности; 6) комбинированными искажениями, включающими в себя не менее двух описанных особенностей.

Результаты исследования могут быть основой для разработки обучающих программ, позволяющих посредством применения корректирующих стратегий распознать искажение или ситуацию, в которой оно может возникнуть, а затем избежать или минимизировать его негативные проявления.

Литература

1. Кашапова, Э.Р. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида [Электронный ресурс] / Э.Р. Кашапова, М.В. Рыжкова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Экономика. – 2015. – № 2(30). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-i-ih-vliyaniye-na-povedenie-individa>. – Дата доступа: 06.05.2022.
2. Попов, А.Ю. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология [Электронный ресурс] / А.Ю. Попов, А.А. Вихман // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Психология. – 2014. – Т. 7, № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-v-protse-primyatiya-resheniy-nauchnaya-problema-i-gumanitarnaya-tehnologiya>. – Дата доступа: 06.05.2022.
3. Корнилова, Т.В. Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей [Электронный ресурс] / Т.В. Корнилова, С.Г. Керимова // Психология. Журнал ВШЭ. – 2018. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnyh-predposylok-primyatiya-resheniy-na-materiale-freyming-effekta-u-vrachey-i-prepodavateley/viewer>. – Дата доступа: 06.05.2022.
4. Крюкова, Т.Л. Феномен когнитивных искажений субъективных оценок жизненных явлений и его измерение (первичная русскоязычная адаптация Шкалы когнитивных искажений – CDS) [Электронный ресурс] / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик, Ю.А. Хохлова // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. СоциокINETика. – 2018. – Т. 24, № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kognitivnyh-iskazheniy-subektivnyh-otsenok-zhiznennyh-yavleniy-i-ego-izmerenie-pervichnaya-russkoyazychnaya-adaptatsiya/viewer>. – Дата доступа: 06.05.2022.
5. Канеман, Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – 610 с.
6. Stanovich, K.E. Evolutionary versus instrumental goals: How evolutionary psychology misconceives human rationality / K.E. Stanovich, R.F. West // Evolution and the Psychology of Thinking: The debate (Series on Current Issues in Thinking and Reasoning) / K.E. Stanovich, R.F. West; D.E. Over (Ed.). – London: Psychology Press, 2003. – P. 171–230.
7. The affect heuristic / P. Slovic [et al.] // Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment / P. Slovic [et al.]; T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (Eds.). – Cambridge, 2002. – P. 397–420.
8. Pohl, R.F. Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Judgement, Thinking and Memory / R.F. Pohl. – 2nd edition. – London: Psychology Press, 2016. – 504 p.
9. Mantke, L. Cognitive Verzerrungen im strategischen Entscheidungsprozess [Elektronische Ressource] / L. Mantke // Junior Management Science. – 2017. – Vol. 2, № 1. – Zugriffsmodus: <https://jums.ub.uni-muenchen.de/JMS/article/view/4989/3152>. – Zugriffsdatum: 06.05.2022.
10. Станович, К. Рациональное мышление. Что не измеряют тесты способностей / К. Станович. – М.: Карьера Пресс, 2012. – 352 с.
11. Поведенческая экономика на Пражской летней школе 2018 года [Электронный ресурс] / Е.А. Гридина [и др.] // Организационная психология. – 2018. – Т. 8, № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskaya-ekonomika-na-prazhskoy-letney-shkole-2018-goda>. – Дата доступа: 06.05.2022.
12. Driscoll, J. Behavioral Economics and Macroeconomic Models [Electronic resource] / J. Driscoll, S. Holden // SSRN Electronic Journal. – 2014. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/315429848_Behavioral_Economics_and_Macroeconomic_Models. – Date of access: 06.05.2022. (E115)
13. Капелюшников, Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм / Р.И. Капелюшников. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. – 76 с. – (Препринт / Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики»; WP3/2013/03).
14. Bhandari, G. An agent-based debiasing framework for investment decision-support systems [Electronic resource] / G. Bhandari, K. Hassanein // Behaviour and Information Technology. – 2012. – Vol. 31, № 5. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/233056682_An_agent-based_debiasing_framework_for_investment_decision-support_systems. – Date of access: 06.05.2022.
15. Friedman, H. Cognitive Biases that Interfere with Critical Thinking and Scientific Reasoning: A Course Module [Electronic resource] / H. Friedman // SSRN Electronic Journal. – 2017. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/316486755_Cognitive_Biases_that_Interfere_with_Critical_Thinking_and_Scientific_Reasoning_A_Course_Module. – Date of access: 06.05.2022.
16. Arnott, D. Cognitive biases and decision support systems development: a design science approach [Electronic resource] / D. Arnott // Information Systems Journal. – 2006. – Vol. 16, № 1. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/220356732_Cognitive_biases_and_decision_support_systems_development_A_design_science_approach. – Date of access: 06.05.2022.
17. Sibony, O. You're About to Make a Terrible Mistake: How Biases Distort Decision-Making and What You Can Do to Fight Them / O. Sibony. – New York: Little, Brown Spark, 2020. – 336 p.
18. Ramos, V.J. Analyzing the Role of Cognitive Biases in the Decision-Making Process / V.J. Ramos. – Hershey: IGI Global, 2017. – 262 P.
19. Dimara, E.A. Task-based Taxonomy of Cognitive Biases for Information Visualization [Electronic resource] / E. Dimara [et al.] // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. – 2018. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/327907209_A_Task-Based_Taxonomy_of_Cognitive_Biases_for_Information_Visualization. – Date of access: 06.05.2022.
20. Montibeller, G. Cognitive and Motivational Biases in Decision and Risk Analysis [Electronic resource] / G. Montibeller, D. v. Winterfeldt // Risk Analysis. – 2015. – Vol. 35, № 7. – Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/risa.12360>. – Date of access: 06.05.2022.

Поступила в редакцию 31.05.2022

Гендерные различия в характеристиках когнитивных стилей курсантов, обучающихся управлению воздушным движением

Барабан И.И.

Белорусская государственная академия авиации

Статья посвящена выявлению гендерных особенностей когнитивных стилей у курсантов, обучающихся управлению воздушным движением.

Цель работы – определение гендерных различий в характеристиках когнитивных стилей курсантов, обучающихся управлению воздушным движением.

Материал и методы. Выборку составили курсанты, обучающиеся управлению воздушным движением. В ходе работы использовались: опросник С. Эпштейна, методика оценки стилей мышления К. Бензингера, опросник AHS, в адаптации В.В. Апановича, Томский опросник Г.В. Залевского, методика К. Готтшальдта «Включенные фигуры», методика В.Е. Кагана «Сравнение похожих рисунков».

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ показал, что девушки в сравнении с юношами имеют более высокие показатели использования интуиции, интуитивных способностей, каузальной атрибуции, а также отличаются более высокими показателями, связанными с преобладанием функций задней доли правого полушария мозга. Юноши отличаются более высокими показателями фокуса внимания и импульсивности, чем девушки. По большинству других характеристик когнитивных стилей статистически значимые гендерные различия не обнаружены.

Заключение. Существуют гендерные отличия в некоторых характеристиках когнитивных стилей курсантов, обучающихся управлению воздушным движением.

Ключевые слова: когнитивный стиль, рациональность/опытность, аналитичность/холистичность, полезависимый/полenezависимость, гибкость/ригидность, импульсивность/рефлексивность, толерантность/нотолерантность к нереалистическому опыту.

Gender Differences in the Characteristics of Cognitive Styles of Air Traffic Control Cadets

Baraban I.I.

Belarusian State Aviation Academy

The article is concerned with identifying gender characteristics of cognitive styles of air traffic control cadets.

The aim of the work is to identify gender differences in the characteristics of cognitive styles of air traffic control cadets.

Material and methods. The sample was made up of air traffic control cadets. In the course of the work, the following was used: S. Epstein's questionnaire, K. Benzinger's methodology for assessing thinking styles, AHS questionnaire, adapted by V.V. Apanovich, G.V. Zalevsky's Tomsk questionnaire, K. Gottschaldt's methodology "Included Figures", V.E. Kagan's methodology "Comparison of Similar Drawings".

Findings and their discussion. A comparative analysis showed that girls, in comparison with boys, have higher indicators of the use of intuition, intuitive abilities, causal attribution, and also differ in higher indicators associated with the predominance of functions of the posterior lobe of the right hemisphere of the brain. Boys have higher rates of attention focus and impulsivity than girls. Statistically significant gender differences were not found for most other characteristics of cognitive styles.

Conclusion. There are gender differences in some characteristics of the cognitive styles of air traffic control cadets.

Key words: cognitive style, rationality/experience, analyticity/holism, field-dependent/field-independent, flexibility/rigidity, impulsivity/reflexivity, tolerance/nontolerance to unrealistic experience.

Перед специалистами по управлению воздушным движением (УВД) стоит задача содействовать обеспечению безопасного, упорядоченного и оперативного потока воздушного движения. В связи с этим работа специалистов УВД требует не только высокой степени развития навыков профессиональной деятельности, но и умений активного использования уникальных когнитивных

способностей, таких как пространственное восприятие, мыслительная обработка информации, принятие решений и контроля за совершаемыми действиями, в совокупности образующих определенный когнитивный стиль.

Актуальность изучения влияния когнитивных стилевых характеристик курсантов на успешное обучение управлению воздушным движением обу-

словлено тем, что в настоящее время рост интенсивности воздушного движения вызывает увеличение рабочей нагрузки на диспетчера УВД, что, несмотря на широкое применение современных автоматизированных средств предупреждения опасных ситуаций в воздушном движении, непосредственно влияет на безопасность полетов. Анализ авиационных происшествий показывает, что более 80% всех инцидентов составляют ситуации, связанные с эшелонированием ВС, основные причины которых обусловлены неправильной оценкой и прогнозированием воздушной обстановки, нарушением технологических процедур организации воздушного движения. Всё это на фоне значительного роста интенсивности полетов выдвигает повышенные требования к уровню профессиональной подготовки (квалификации) и психологической готовности диспетчеров управления воздушным движением.

Когнитивные стили могут быть рассмотрены как интеллектуальные предпосылки, влияющие на эффективность прохождения образовательного процесса и успешность в дальнейшей профессиональной деятельности. В исследованиях, проведенных в общей психологии, установлена связь когнитивно-стилевых характеристик с результативностью познавательной деятельности [1; 2]. Полученные к настоящему времени данные дают возможность сделать вывод о том, что когнитивно-стилевые параметры имеют прямое отношение к различным аспектам успешности (результативности) интеллектуальной деятельности.

Известно, что под когнитивным стилем понимается совокупность относительно устойчивых способов познавательной деятельности, познавательных стратегий, заключающихся в своеобразных приемах получения и переработки информации, а также приемов ее воспроизведения и способов контроля. Согласно эмпирическим исследованиям к наиболее значимым и информативным характеристикам когнитивного стиля относятся: рациональность/опытность, аналитичность/холистичность, полезависимость/полнезависимость, гибкость/ригидность, импульсивность/рефлексивность и др. [1; 2].

М.А. Холодная утверждает, что когнитивно-стилевые различия характеризуют организацию ментального пространства (индивидуального когнитивного опыта), в рамках которого строится познавательный образ. Она полагает, что чем в большей мере выражены характеристики ментального пространства, тем более объективированной будет индивидуальная «картина ситуации» и тем в большей степени будут регули-

руемые аффективные ресурсы субъекта в структуре его познавательной деятельности [1; 2].

Существует ряд исследований, которые свидетельствуют в пользу того, что проявления когнитивных стилей в познавательной деятельности комплексно [3], во многих исследованиях также показано, что когнитивные стили взаимосвязаны между собой. Так, отмечается, что импульсивность связана с полезависимостью [3], ригидный познавательный контроль – с импульсивностью [4] и с узким диапазоном эквивалентности [5], рефлексивность с широкой категоризацией [6].

Таким образом, параметры когнитивного стиля находятся в разных соотношениях с уровнем интеллекта и отдельными свойствами личности, что объясняется особенностями их природы. Сами же когнитивные стили по своим глубинным основаниям представляют собой формы интеллектуальной зрелости субъекта и должны учитываться в процессе обучения при формировании универсальных учебных действий.

Существенный вклад в исследование проблемы когнитивных стилей и их влияния на успешность учебной деятельности учащихся и профессиональное становление специалистов был сделан целым рядом психологов. В рамках этих исследований изучения когнитивных стилей можно выделить несколько подходов.

Один из исторически первых подходов трактовал когнитивные стили с точки зрения процессов восприятия. Когнитивные стили здесь рассматривались с позиции одного конкретного процесса, и считалось, что они обусловлены врожденными особенностями индивида.

В рамках другого, аналитического подхода, понятие когнитивного стиля было расширено. В нем отдельные стили представлены полюсами, такими как полезависимость/полнезависимость, импульсивность/рефлексивность и другими. В современной литературе описывается до двадцати различных стилей, и можно с уверенностью сказать, что в последнее время аналитическая тенденция усиливается.

Анализ литературных источников показал, что наиболее часто в качестве базового рассматривается когнитивный стиль аналитичность/холистичность [3; 5; 7; 8; 9; 10]. Это в значительной мере обуславливается психофизиологической основой данного стиля. Считается, что левое полушарие мозга обеспечивает аналитический стиль, а правое – холистический. Существуют методики диагностики аналитичности-холистичности на уровнях восприятия, мышления и даже мировоззрения.

Довольно четко прослеживается аналитическая стратегия в передних и задних долях левого полушария, а холистическая стратегия в передних и задних долях правого полушария с ярко выраженной активностью в передних долях. Это позволяет придерживаться идеи об аналитичности-холистичности левого и правого полушария соответственно при использовании и интерпретации результатов диагностики. Так как основой развития аналитического-холистического когнитивного стиля является межполушарная асимметрия и взаимосвязь между развитием левого полушария и аналитических способностей, а также правого полушария и холистических способностей, то представляется возможным выявление предпочтения аналитического либо холистического когнитивных стилей.

Третий подход придерживается мнения о том, что когнитивные стили являются универсальным компонентом личности, влияющим на развитие всех сфер психической активности человека. В основном данные исследования носят теоретический характер, в то время как эмпирические результаты весьма неоднозначные и противоречивые. Такое разнообразие подходов к определению когнитивных стилей и их структурной организации свидетельствует о том, что в настоящее время по-прежнему сохраняется многозначность данного понятия [10].

Анализ научной литературы за последние годы позволил констатировать тот факт, что в психологической литературе практически отсутствуют научные труды, посвященные изучению влияния когнитивно-стилевых характеристик на профессиональную подготовку специалистов УВД.

В исследованиях И.Д. Гордыни были установлены положительные связи между успешностью тренажерной подготовки будущих диспетчеров УВД и показателями полнезависимости/полезависимости, а также отрицательные связи с показателями ригидности/гибкости познавательного контроля (шкалы «установочная ригидность», «ригидность как состояние»). Анализ результатов эмпирического исследования позволил сделать выводы, что доминирование у будущих авиадиспетчеров таких когнитивно-стилевых характеристик, как полнезависимость, рефлексивность, гибкость познавательного контроля влияет на успешность теоретической и тренажерной подготовки. В связи с тем, что полнезависимые индивиды способны лучше дифференцировать и детализировать познавательные образы, они более успешны при выполнении следующих задач:

векторение воздушного судна; прогнозирование возникновения конфликтных ситуаций и их решение; соблюдение минимума эшелонирования; соблюдение безопасных интервалов между воздушными судами [11].

Поэтому при подготовке будущих авиадиспетчеров необходимо также учитывать психологические особенности восприятия, обработки информации и скорости принятия решения с помощью методик на определение стилевых характеристик.

Вместе с тем следует отметить, что в данных исследованиях не затрагивались вопросы роли таких важных когнитивно-стилевых характеристик, как рациональность/опытность, аналитичность/холистичность, толерантность к противоречиям/восприятие изменений, которые в сочетании с характеристиками полнезависимости/полезависимости, импульсивности/рефлексивности, гибкости/ригидности познавательного контроля могут оказывать влияние на качество профессиональной подготовки специалистов УВД.

Еще одной немаловажной проблемой в научной среде, которой не уделяется должного внимания, представляется выявление гендерных особенностей когнитивных стилей. Довольно распространенное в обществе мнение о существовании так называемой «женской» и «мужской» логики, или о большей склонности мужчин к аналитическим и логическим способностям, а женщин – к интуиции. В том числе существуют многочисленные исследования о гендерных особенностях стилей мышления и о разной выраженности полюсов когнитивных стилей [12]. Помимо различий в стилях мышления ученые выделяют еще множество оснований для классификаций гендерных отличий. М. Гариен (Michael Gurian) [13] в качестве различий рассматривает неврологическое развитие людей, в частности функциональные различия полушарий мозга. Е.Н. Каменская [14] также выявила различия интеллектуальных, речевых, эмоциональных и личностных характеристик с помощью гендерного анализа. Однако можно констатировать тот факт, что полученные результаты не позволяют судить, как эти отличия проявляются в процессе профессионального обучения. Например, как показывает анализ литературы, практически отсутствуют сколько-нибудь убедительные доказательства существования гендерных различий применительно в такой сфере деятельности, как управление воздушным движением.

Исходя из этого, целью данного исследования стало определение гендерных различий в когнитивных стилях курсантов, обучающихся управлению воздушным движением.

Материал и методы. Исследование проводилось среди курсантов учреждения образования «Белорусская государственная академия авиации», обучающихся УВД (юноши – $n = 29$, девушки – $n = 44$, возраст 19–21 год).

Для исследования характеристик когнитивных стилей были использованы следующие методики:

1. Опросник С. Эпстайна [15], который оценивает показатели рациональности/опытности и включает 4 субшкалы: использование интуиции; интуитивная способность; использование рациональности; способность к рациональным решениям.

2. Методика оценки стилей мышления К. Бензигера [16], которая оценивает показатели аналитичности/холистичности мышления на основе функционирования долей головного мозга: передней и задней долей левого полушария мозга, передней и задней долей правого полушария мозга.

3. Опросник АНС, разработанный И. Чой с коллегами [17], в адаптации В.В. Апановича [18], который оценивает показатели аналитичности/холистичности и включает 4 субшкалы: фокус внимания; каузальная атрибуция; толерантность к противоречиям; восприятие изменений.

4. Томский опросник Г.В. Залевского [19], который оценивает показатели ригидности/гибкости и включает в себя 7 шкал: симптомокомплекс ригидности; актуальная ригидность; сенситивная ригидность; установочная ригидность; ригидность как состояние; преморбидная ригидность; реальность.

5. Методика К. Готтшальдта «Включенные фигуры» [20], которая оценивает показатели полезности/полнезависимости.

6. Методика В.Е. Кагана «Сравнение похожих рисунков» [21], которая оценивает показатели импульсивности/рефлексивности.

Для определения гендерных различий использовался F-критерий Фишера (ANOVA).

Результаты и их обсуждение. Сравнительный анализ когнитивно-стилевых характеристик, позволил выявить значимые гендерные различия у курсантов.

Рациональность/опытность. Сравнительный анализ когнитивно-стилевых характеристик, таких как использование интуиции, интуитивная способность, использование рациональности, рациональная способность выявили половые различия у курсантов. Было установлено, что девушки имеют более высокие показатели использование интуиции ($M = 32,02$, $SD = 6,09$ против $M = 34,02$, $SD = 4,84$, $F = 18,765$, $p \leq 0,0001$) и интуитивных способностей ($M = 26,00$, $SD = 5,36$,

против $M = 28,45$, $SD = 6,60$, $F = 18,454$, $p \leq 0,0001$), чем юноши.

Полученные данные показывают, что юноши предпочитают опираться на собственные знания, опыт и анализ, не полагаясь на интуицию. Девушки в основном принимают решения, основанные на собственном ощущении того, что выбор является верным. Они опираются на чувственные восприятия и непосредственные отражения воздействий предметов и явлений объективного мира. Интуитивный стиль положительно связан с готовностью к риску и отрицательно – с субъективной рациональностью. Он может приводить к стереотипному мышлению и решениям, тесно связан с межличностной и эмоциональной сферами. За интуицией могут скрываться очень разные механизмы ориентировки – от эмоциональных компонентов до прогностических, от научения до воображения.

По другим показателям использование рациональности и рациональные способности статистически значимых различий выявлено не было. Рациональность – это логическая система, которая оперирует по правилам умозаключений и рассуждений. Она направлена на максимальную осведомленность, стремление к ясности. Шкалы рационально-аналитического стиля положительно связаны с вербальным интеллектом, толерантностью к неопределенности, рефлексивностью и такими чертами, как добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту.

Аналитичность/холистичность. Сравнительный анализ когнитивно-стилевых характеристик: фокус внимания, каузальная атрибуция, толерантность противоречия, восприятие изменений (аналитичность/холистичность) мировоззренческой категории индивида как одного из способов взаимодействия со средой по отдельным функциональным компонентам выявил половые различия у курсантов. Было установлено, что девушки отличаются от юношей более высокими показателями каузальной атрибуции ($M = 31,34$, $SD = 4,66$ против $M = 28,28$, $SD = 6,34$, $F = 5,666$, $p = 0,020$). В свою очередь юноши отличаются более высокими показателями фокуса внимания ($M = 29,21$, $SD = 4,48$; против $M = 27,05$; $SD = 4,23$, $F = 4,364$, $p = 0,040$), чем девушки.

По другим показателям статистически значимых различий выявлено не было.

Каузальная атрибуция – это параметр, который указывает на особенности понимания причин действий и явлений. Для холистичного полюса характерен интеракционизм, то есть склонность

человека искать причины тех или иных событий и явлений в окружающей среде.

Фокус внимания – это способность концентрировать внимание на чем-либо. Это когнитивная характеристика очень важна, поскольку она позволяет воспринимать информацию во время занятия как речь преподавателя, так и содержание учебника. Неумение концентрироваться может привести к снижению успеваемости, потере времени и пропуску чего-либо важного.

Можно отметить взаимосвязь аналитичности/холистичности с рациональным и интуитивным способами переработки информации. Чем выше аналитичность, тем выше показатели по шкалам Рациональная способность и Использование рациональности. Чем выше холистичность, тем выше показатели по шкалам Интуитивная способность и Использование интуиции.

Для людей с аналитическим мышлением присуще стремление вычленять элементы, из которых состоит целое, последовательность анализа, логическая обоснованность и осознанность. Для субъектов с холистическим мышлением свойственна в первую очередь направленность на оценку целостного характера ситуации, а также интуитивный характер принятия решений, высокая скорость мыслительных процессов при низком уровне осознанности.

Поэтому необходимо в процессе теоретической подготовки, практических занятий, тренажерной подготовки у курсантов развивать аналитический стиль мышления с целью успешного освоения профессии диспетчера.

Результаты исследования когнитивного стиля аналитичности/холистичности по методике оценки стилей мышления К. Бензигер. Ряд исследователей утверждают, что когнитивные стили отражают особенности мыслительных процессов. К. Бензигер считает, что разные стили мышления обеспечиваются активностью разных зон мозга. Она выделила 4 таких стили, по каждому из которых специализируется определенная часть коры головного мозга: передняя левая, задняя левая, передняя правая, задняя правая. Было установлено, что девушки отличаются от юношей более высокими показателями, связанными с преобладанием функций зон правого полушария мозга ($M = 9,89$; $SD = 1,78$; против $M = 8,21$; $SD = 1,74$; $F = 15,862$; $p < 0,0001$). По другим показателям статистически значимых различий выявлено не было.

У девушек преобладает стиль мышления, который связан с активностью правой теменно-заты-

лочной частью мозга. Она отвечает за обеспечение эмоционального тона, способствует налаживанию хорошего контакта между людьми, в том числе за счет учета контекста общения, видения целостной ситуации. Люди с высокой активностью задних отделов правого полушария головного мозга, как правило, обладают хорошей интуицией, они очень внимательны к окружающим людям, к их чувствам и невербальным проявлениям их намерений [17; 18]. Такие курсанты легко находят общий язык с преподавателями и однокурсниками.

Юноши предпочитают стиль мышления, связанный с активностью передней лобной доли левого полушария, которая обеспечивает структурный анализ, приоритет логического мышления. Они логично рассуждают и аргументируют свои идеи, хорошо проявляют себя в точных науках, ставят перед собой и другими четкие задачи.

Гибкость/ригидность познавательного контроля. Сравнительный анализ не выявил статистически значимых различий у девушек и юношей с разными полюсами когнитивного стиля гибкий/ригидный познавательный контроль. Вместе с тем можно отметить тенденцию преобладания у девушек показателей ригидности как состояния по сравнению с юношами ($M = 13,25$, $SD = 6,15$ против $M = 10,83$, $SD = 5,09$, $F = 3,093$, $p \leq 0,1$). Данные показатели оценивают эмоциональную реакцию на новизну, на ситуацию, требующую каких-либо изменений. Более высокие показатели ригидности как состояния у девушек могут свидетельствовать о том, что в состоянии страха, стресса, плохого настроения, утомления или болезненного состояния, они в большей степени склонны к ригидному (фиксированному поведению). В обычных условиях подобное поведение может не проявляться. Кроме того, девушки более склонны к ригидности познавательного контроля, что отражает жесткое следование намеченному плану и инструкциям деятельности при любых обстоятельствах. Данный личностно-когнитивный стиль характеризует степень трудности, испытываемой при смене способов переработки информации в ситуации решения сложных неоднозначных задач. Юношам, напротив, проще переходить в процессе деятельности с одних личностно-познавательных функций на другие, что позволяет в значительной степени автоматизировать анализ сложного и разнопланового материала.

Полезависимость/полезависимость. По показателям полезависимости/полезависимости статистически значимых различий выявлено не было.

Импульсивность/рефлексивность. Сравнительный анализ показал, что юноши в тесте на импульсивность/рефлексивность совершают больше ошибок, чем девушки ($M = 2,59$, $SD = 1,55$, против $M = 1,55$, $SD = 1,19$, $F = 10,507$, $p = 0,002$), что подтверждает их большую импульсивность. Полученные данные позволяют выдвинуть предположение, что когда потребуется осуществить правильный выбор из некоторого множества альтернатив, юноши склонны быстро реагировать на проблемную ситуацию, при этом выдвигать и принимать гипотезы без тщательного продумывания. Однако при быстром принятии решения они могут допускать большое количество ошибок. Для девушек характерно замедленное реагирование в такой ситуации, решение принимается на основе тщательного взвешивания. Они собирают больше информации о стимуле перед ответом, используют более продуктивные способы решения задач, более успешно используют приобретенные в процессе обучения стратегии деятельности в новых условиях.

Заключение. Таким образом, по результатам проведенного исследования характеристик когнитивных стилей можно сделать следующие выводы:

1. Курсанты-девушки в сравнении с юношами имеют более высокие показатели использования интуиции, интуитивных способностей, каузальной атрибуции, а также отличаются более высокими показателями, связанными с преобладанием функций задней доли правого полушария мозга.

2. Курсанты-юноши отличаются более высокими показателями фокуса внимания и импульсивности, чем девушки.

3. По всем другим характеристикам когнитивных стилей статистически значимых гендерных различий выявлено не было.

Литература

1. Холодная, М.А. Когнитивные стили и интеллектуальные способности / М.А. Холодная // Психол. журн. – 1992. – Т. 13, № 3. – С. 84–93.
2. Холодная, М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума: учеб. пособие / М.А. Холодная. – М.: ПЕРСЭ, 2002. – 430 с.
3. Алешина, Е.С. Исследование импульсивности-рефлексивности в дифференциальной психологии обучения / Е.С. Алешина // Когнитивные стили: тезисы науч.-практ. семинара; под ред. В. Колги. – Таллинн, 1986. – С. 123–127.
4. Скотникова, И.Г. Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач / И.Г. Скотникова // Стиль человека: психологический анализ; под ред. А.В. Либины. – М.: Смысл, 1998. – С. 64–79.
5. Колга, В.А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: дис. ... канд. психол. наук / В.А. Колга. – Л.: ЛГУ, 1976. – С. 164.

6. Головина, Е.В. Когнитивно-стилевой портрет человека, уверенного в сенсорных впечатлениях / Е.В. Головина // Психофизика сегодня; под ред. В.Н. Носуленко, И.Г. Скотниковой. – М.: Изд-во ИП РАН, 2007. – С. 254–261.

7. Берулава, Г.А. Психологические особенности интегративного когнитивного стиля «дифференциальность-синтетичность» / Г.А. Берулава // Современные проблемы психологии мышления. – М.: Ежегодник. – 1994. – Вып. 1. – С. 54–64.

8. Знаков, В.В. Аналитичность и холистичность во взглядах А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 2013. – № 4. – С. 135–146.

9. Волкова, Н.Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения / Н.Н. Волкова, А.Н. Гусев // Нац. психол. журн. – 2016. – № 2(22). – С. 28–37.

10. Жбанкова, Н.В. Особенности структурной организации когнитивных стилей личности / Н.В. Жбанкова, Н.В. Лукьянченко // Вестн. КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2006. – № 1. – С. 175–182.

11. Гордыня, Н.Д. Влияние полезависимости–полнезависимости, импульсивности–рефлексивности и ригидности–гибкости познавательного контроля на успешность тренажерной подготовки будущих специалистов управления воздушным движением / Н.Д. Гордыня // Вестн. Удмур. ун-та. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2013. – № 3. – С. 42–49.

12. Семяшкин, А.А. Влияние гендера и мотивации достижения на соотношения когнитивных стилей и психодинамических свойств личности / А.А. Семяшкин // Вестн. ЯГУ. – 2009. – № 4. – С. 96–103.

13. Gurian, M. Boys and girls learn differently: A Guide for Teachers and Parents. A Wiley Company / M. Gurian. – San Francisco. – Jossey-Bass – 2002. – P. 368.

14. Каменская, Е.Н. Гендерный подход в педагогике: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Е.Н. Каменская; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов на/Д. – 2006. – 385 с.

15. Epstein, S. Cognitive-experiential self-theory of personality / S. Epstein // Millon T., Lerner M.J. (Eds). Comprehensive Handbook of Psychology. Vol 5: Personality and Social Psychology. – 2003. – P. 159–184.

16. Benziger, K. The Physiology of Type: introversion and Extraversion, Benziger Thinking Styles Assessment / K. Benziger-1999 [Electronic resource]. URL:www.benziger.org/articlesing/?p30 – Date of access: 20.05.19.

17. Choi, I. Choi J. Individual differences in Analytic Versus Holistic Thinking / I. Choi, M. Koo // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2007. – Vol. 33, № 5. – P. 691–705.

18. Апанович, В.В. Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке / В.В. Апанович, В.В. Знаков, Ю.И. Александров // Психол. журн. – 2017. – Т. 38, № 5. – С. 80–96.

19. Залевский, Г.В. Психическая ригидность–флексibilität в структуре личности людей с субъект-субъектной профессиональной ориентацией: дис. ... канд. психол. наук / Г.В. Залевский. – Барнаул, 1999.

20. Kurt, M.G. Gottshaldt and psychological research / M.G. Kurt // In Hoffmann. – Macrakis, natural science and technology, 1997.

21. Kagan, J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo / J. Kagan // J. of Abnorm. Psychology, 1966. – Vol. 71. – P. 17–24.

Поступила в редакцию: 20.10.2022

Операционализация феномена гражданской идентичности в традициях философской и психологической культуры

Ильин Е.А., Богомаз С.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются аспекты операционализации феномена гражданской идентичности в традициях философской и психологической культуры.

Цель работы – операционализировать содержание терминологического поля феномена «гражданская идентичность» в традициях философской и психологической культуры.

Материал и методы. *Материалом для разработки данной работы послужили труды известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, ученых-философов, касающиеся заявленной проблемы. В работе были использованы методы научного психологического исследования теоретического уровня: систематизация, анализ научной литературы, концептуализация научных идей.*

Результаты и их обсуждение. *В статье представлен анализ научной литературы относительно теоретических подходов к операционализации содержания феномена гражданской идентичности со стороны наиболее устойчивых философских и психологических концепций: неопрейдизм, экзистенциальная феноменология, социально-когнитивная теория, концепция социализации личности, символический интеракционизм, постмодернизм (интердетерминистское взаимодействие М. Бахтина), что говорит о многомерности данного феномена в традициях философской и психологической культуры.*

Заключение. *Проведенный нами анализ позволил заключить, что теоретические основы гражданской идентичности сквозь призму современной психологии и философии представлены в следующих подходах: неопрейдизм, экзистенциальная феноменология, социально-когнитивная теория, концепция социализации личности, символический интеракционизм, постмодернизм (интердетерминистское взаимодействие М.М. Бахтина). Данные подходы включают вопросы теоретико-методологической основы в исследовании различных аспектов личностно-гражданской идентификации и самоидентификации с обществом.*

Ключевые слова: *идентичность, гражданская идентичность, личность, личностная идентификация, механизмы формирования личности.*

Operationalization of the Phenomenon of Civil Identity in the Traditions of Psychological and Philosophical Culture

Ilyin E.A., Bogomaz S.L.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article deals with aspects of the operationalization of the phenomenon of civil identity in the traditions of psychology and philosophy culture.

The purpose of the work is to operationalize the content of the terminological field of the phenomenon of "civil identity" in the traditions of psychology and philosophy culture.

Material and methods. *The material for the development of this work was the works of well-known foreign and domestic psychologists, philosophers concerning the stated problem. The study used methods of scientific psychological research of the theoretical level: systematization, philosophical and psychological analysis and synthesis, conceptualization of scientific ideas.*

Findings and their discussion. *The article presents an analysis of the scientific literature on theoretical approaches to the operationalization of the content of the phenomenon of civic identity from the side of the most stable psychological and philosophical concepts: neo-Freudianism, existential phenomenology, social and cognitive theory, the concept of personality socialization, symbolic interactionism, postmodernism (interdeterministic interaction of M. Bakhtin), which testifies to the multidimensionality of this phenomenon in the traditions of psychology and philosophy culture.*

Conclusion. *Our analysis allowed us to conclude that the theoretical foundations of civic identity through the prism of modern psychology are presented in the following approaches: neo-Freudianism, existential phenomenology, social and cognitive theory, the concept of personality socialization, symbolic interactionism, postmodernism (interdeterministic interaction of M.M. Bakhtin). These approaches include issues of theoretical and methodological basis in the study of various aspects of personal-civil identification and self-identity with society.*

Key words: *identity, civil identity, personality, personal identification, personality shaping mechanisms.*

В современной научной литературе существует устойчивое мнение, что «у людей всегда существовала потребность ощущать себя частью определенной социально-профессиональной общности, гражданского общества, чувствовать принадлежность к государству и ориентироваться на отстаивание интересов государства. Поэтому желательно охарактеризовать общее понятие “идентичность”, сложившийся подход к определению структуры этого явления, определение роли и положения личности в процессе социального становления» [1, с. 86].

Наибольший вклад в изучение различных аспектов идентичности внесли такие отечественные и зарубежные ученые, как К. Хорни, Э. Берн, Э. Фромм, Э. Эриксон, Э. Гуссерль, А. Шютц, М. Хайдеггер и Х. Арендт, А. Бандура, Б. Скиннер, З. Сирс, Дж. Гурвиц и В. Бронфенбреннер, Т. Парсонс, Дж. Мид, К. Кули, Г. Блумер, Г. Зиммель, В. Томас [2–12], М. Бахтин, В.А. Янчук, С.Н. Голикова, Ю.А. Семенова, И.В. Конода, О.А. Коряковцева, Т.Г. Доссе [13–19] и др.

Цель исследования – операционализация содержания терминологического поля феномена «гражданская идентичность» в традициях философской и психологической культуры.

Материал и методы. Материалом для данного исследования послужили труды ведущих отечественных и зарубежных психологов и философов, посвященные вышеуказанной тематике. В работе использовались методы научно-психологического исследования на теоретическом уровне: систематизация, философско-психологический анализ и синтез, концептуализация научных идей.

Методологической основой исследования являются следующие подходы, рассматривающие различные аспекты феномена личностной идентичности: неофрейдизм (К. Хорни, Э. Фромм, Э. Эриксон), экзистенциальная феноменология (Э. Гуссерль, А. Шютц, М. Хайдеггер, Х. Арендт), социально-когнитивная теория (А. Бандура, Б. Скиннер), концепция социализации личности (Т. Парсонс), символический интеракционизм (Дж. Мид – основатель, исследователями этой концепции являются Ч. Кули, Г. Блумер, Г. Зиммель, В. Томас), постмодернизм (интердетерминистское взаимодействие М.М. Бахтина). На основе представленных теоретических подходов можно рассмотреть формирование гражданской идентичности индивида и конкретное содержание его самоидентичности по отношению к обществу и государству.

Следует также отметить, что сравнение и обобщение проводилось в том числе при обработке и интерпретации библиографических списков в электронной библиотеке диссертаций и авторефератов Российской Федерации (DisserCat – электронная библиотека диссертаций), электронной библиотеке «eLIBRARY.RU» [20].

Результаты и обсуждение. В нашем понимании идентификация трактуется как важный механизм социализации человека, охватывающий многие пересекающиеся области психологической реальности:

– «социальная категоризация часто приводит к выделению сходств между людьми, принадлежащими к одной группе, и различий между людьми, принадлежащими к разным группам. Люди могут принадлежать к разным социальным категориям, одна или несколько из которых могут быть более или менее важными» [21, с. 83].

– «рассматривать другого человека как продолжение себя и наделять его своими характеристиками, чувствами и желаниями» [22, с. 139];

– «понимание и интерпретация другого человека путем идентификации себя с ним, механизм постановки себя на место другого человека и усвоения личностного смысла другого человека» [22, с. 139–140].

В то же время гражданская идентичность определяется как «чувство принадлежности к гражданскому сообществу, чувство смысла, основанное на последствиях личной автономии, которые характеризуют отношения человека с гражданским сообществом и выполнение определенных социальных ролей в рамках этого сообщества» [15, с. 97].

Гражданская идентичность – это «вид личной социальной идентичности, тесно связанный с потребностью в общении с другими людьми и включающий не только признание принадлежности индивида к гражданскому сообществу, но и осознание важности членства, понимание принципов и основ этого союза, принятие моделей гражданского поведения и признание целей и мотивов его деятельности, а также понимание характера взаимоотношений между гражданином, гражданином и государством» [17, с. 88]. Гражданская идентичность – это «результат взаимодействия индивида с обществом во всех его социокультурных измерениях, который приводит к идентификации индивида с государством, обществом и страной и формированию набора установок, стандартов и параметров отношений между собой и группой других» [18, с. 17].

Э. Фромм считал поиск идентичности одной из основных экзистенциальных потребностей человека. Люди внутренне ищут свою собственную идентичность и поэтому чувствуют себя отличными от других [4]. Общество и культура определяют, когда и как различия между людьми становятся социальной идентичностью. Например, в отличие от цвета кожи, цвет глаз не считается социальной идентичностью в большинстве современных социальных групп. Поскольку социальная идентичность зависит от норм, то, что считается определенной категорией, а что нет, может варьироваться во времени и культурах. Наиболее влиятельным представителем неофрейдизма является Э. Эриксон [5]. Его подход учитывает социокультурный контекст в формировании самосознания и определяет восемь стадий. Его теория развития самосознания основана на концепции кризиса как поворотного пункта в формировании личности. Формирование личности Эриксон рассматривает как укрепление самости и ее продвижение к «идентичности» («идентичность» в понимании психолога означает самоидентичность, самобытность, целостность и чувство принадлежности к миру и другим людям).

Мы считаем, что отправной точкой для решения проблемы формирования социальной и гражданской идентичности является экзистенциальная феноменология Э. Гуссерля и А. Шютца [6; 7]. В основе этого философского понимания лежит концепция субъективно осознанной социальной коммуникации и человеческого взаимодействия как основы идентичности.

По мнению экзистенциальных феноменологов (М. Хайдеггер, Х. Арендт) [17], жизнь всегда предполагает выбор, в результате которого человек существует в так называемых «модусах»: «собственного» либо «несобственного». Другими словами, человеческое существование рассматривается в феноменологической философии только как возможность, поскольку оно всегда предполагает выбор. Одной из конститутивных особенностей человеческого существования в экзистенциальной феноменологии является «со-бытие». Негативный смысл связан с постоянным присутствием индивида в общественной сфере, что приводит к отрицанию возможности собственного существования. Позитивный смысл, с другой стороны, заключается в признании возможности индивидуализации не в самоизоляции, а в «сосуществовании» с другими, где каждый может быть признан уникальным.

В этом контексте следует отметить, что «в обществе необходимо формировать сознание и чувства молодых людей о социальных и личностных (жизнь, здоровье) ценностях, уважении, терпимости к религиозным, культурным, национальным и этническим различиям, опыт рационального разрешения групповых и межличностных конфликтов, интерес к белорусскому культурно-историческому прошлому» [23, с. 54].

Одной из самых популярных теорий развития и социализации личности, разработанных на Западе в XX веке, веке психологии, является теория социального научения или социально-когнитивная теория, авторы которой американские и канадские ученые А. Бандура, Б. Скиннер, З. Сирс, Я. Гурвиц и В. Бронфенбрэннер [8].

До 1960-х годов теория именовалась когнитивным развитием, этологией, социобиологией, генетическим психоанализом и генетической психобиологией. Современное название вошло в обиход благодаря трудам ее основателя, канадца А. Бандуры (р. 1925). Бандура был основателем социально-когнитивного направления в психологии и, отойдя от классического бихевиоризма, предложил новый взгляд на процесс обучения и основные детерминанты человеческого поведения. Он доказал, что поведение человека обусловлено непрерывным взаимодействием поведенческих, когнитивных и средовых факторов.

В рамках проведенного анализа психолого-педагогической литературы необходимо отметить, что теория социального научения, разработанная А. Бандурой, подчеркивает важность наблюдения, моделирования и подражания поведению, отношению и эмоциональным реакциям других людей. Необходимо обращать внимание на поведение и его последствия и формировать мысленный образ поведения. Для того чтобы поведение было имитировано, оно должно привлекать наше внимание. Мы ежедневно наблюдаем множество форм поведения, и большинство из них не заслуживают нашего внимания. Поэтому внимание очень важно для определения того, повлияет ли поведение на других и будет ли оно имитироваться.

Насколько важно запоминание модели поведения? Поведение можно наблюдать, но не всегда запоминать. Поэтому важно, чтобы память о модели поведения была сформирована и затем воссоздана наблюдателем. В таких случаях данный процесс особенно важен, поскольку

в большинстве случаев социальное обучение происходит не сразу. Даже если поведение замечено и воспроизведено сразу, должна быть память, к которой можно обратиться.

Также теория социального научения может раскрыть гораздо более сложные формы социального поведения (например, гендерные роли и моральное поведение), чем простые модели обучения на основе подкрепления. Однако, хотя она может объяснить очень сложные формы поведения, при этом не может адекватно показать, как мы развиваем целые области поведения, включая мысли и эмоции. Мы обладаем значительным когнитивным контролем над своим поведением, и влияние насилия не обязательно означает, что мы должны воспроизводить это поведение. Именно поэтому А. Бандура изменил свою теорию, чтобы лучше объяснить, как мы учимся на нашем социальном опыте, и в 1986 году переименовал свою теорию социального научения в социально-когнитивную теорию (СКТ). Теория социального научения не полностью объясняет все виды поведения. Это особенно верно, когда в жизни человека нет очевидных ролевых моделей, которые могли бы подражать определенному поведению. Открытие зеркальных нейронов обеспечивает биологическую поддержку теории социального научения. Хотя исследования еще только начинаются, недавно открытые «зеркальные нейроны» у приматов могут обеспечить неврологическую основу для подражания. Эти нейроны стимулируются, когда животное делает что-то самостоятельно и наблюдает за действием, выполняемым другим животным.

В общем и целом проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что теория социального научения, выдвинутая А. Бандурой, утверждает, что люди учатся, наблюдая, подражая и моделируя поведение других. Согласно этой теории, мы можем приобретать новые модели поведения и знания, наблюдая за другими, этот процесс известен как альтернативное обучение. А. Бандура подчеркивал важность когнитивных процессов в обучении и отличал его от традиционного бихевиоризма. Он утверждал, что у людей есть убеждения и ожидания, которые влияют на их поведение, и что они могут думать о взаимосвязи между своим поведением и его последствиями. Теория социального научения помогает нам понять, как наше окружение и окружающие нас люди формируют наше поведение. Она помогает объяснить, как люди приобретают новые навыки

и модели поведения, обращая внимание на поведение других людей и пытаясь подражать этому поведению.

Некоторые критические замечания в адрес теории социального научения связаны с ее зависимостью от окружающей среды как основного фактора влияния на поведение. Это ограничивает теорию описанием поведения только в терминах природы или воспитания, и любая попытка сделать это недооценивает сложность человеческого поведения.

Основатель западной теоретической социологии Т. Парсонс создал концепцию социализации личности под влиянием научной мысли Э. Дюркгейма. Ученый подошел к проблеме социализации с точки зрения структурного функционализма. Структурный функционализм – это принцип изучения социальных явлений и процессов как систем, в которых каждый структурный элемент имеет определенное назначение, социализация анализируется в контексте двух ключевых для этой теории категорий: равновесие и нормативный порядок.

Действительно, как показал анализ психолого-педагогической литературы по проблеме идентичности с подхода структурного функционализма, Талкотт Парсонс был одним из ведущих американских социологов XX века. Он является отцом структурного функционализма, и ему принадлежит заслуга в том, что он познакомил США с европейской социологией, переводя важные тексты европейских ученых. Согласно функционалистам, все институты и индивиды выполняют определенные функции в обществе и тем самым обеспечивают бесперебойное функционирование всей социальной системы. Т. Парсонс выделил четыре функциональные подсистемы в обществе и их цели:

- экономическая подсистема;
- политическая подсистема;
- семейная подсистема;
- культурная подсистема.

Данные подсистемы функционируют не только сами по себе, но и обеспечивают нормальное функционирование других подсистем. Социология Т. Парсонса основана на общей теоретической системе, а не на небольших эмпирических исследованиях. Т. Парсонс известен как теоретик функционализма, и его влияние распространяется на многие области социологии, включая класс, семью, образование и религию. Согласно Т. Парсонсу, стратификация является неизбежной и необходимой частью общества, он верил

в эффективное распределение ролей – это означает, что всем членам общества отводятся роли, которые лучше всего соответствуют их способностям, трудовой этике и квалификации, они также вознаграждаются в соответствии с важностью их работы. По мнению Т. Парсонса, «сущность каждого элемента или явления в жизни общества определяется его ролью в поддержании “баланса” и координации между его различными элементами, ибо общество может развиваться и выживать только в условиях “баланса” и “структурированного нормативного порядка”» [10, с. 290].

С точки зрения Т. Парсонса, люди конкурируют на равных условиях и их упорный труд и талант, независимо от происхождения, могут привести к более высокому статусу и более высокому вознаграждению, поэтому он считал общество меритократическим. Идеи Парсонса о распределении ролей и стратификации были позже подвергнуты критике многими социологами, которые утверждали, что люди не конкурируют на равных условиях и что социально-экономический статус определяет положение человека в обществе гораздо больше, чем трудовая этика или способности.

Проведенный нами анализ показал, что символический интеракционизм – новое теоретическое направление в социологии, особенно в США (1920-е годы), суть которого заключается в интерпретации человеческого поведения и понимании социальной структуры через явления человеческого взаимодействия. Разработчики концепции, ведущие американские социологи и психологи (основатель концепции Дж. Мид и его коллеги К. Кули, Г. Блумер, Г. Зиммель, В. Томас и др.) утверждали, что социальный мир может быть представлен бесконечным разнообразием символов, таких как язык, движения тела, жесты и культурные символы, которые считываются в процессе взаимодействия между людьми, несут социальную информацию, придают смысл человеческой жизни и составляют основу взаимодействия людей в процессе коммуникации. С позиции Дж. Мида отправной точкой для понимания социализации является не личность, а процесс социального взаимодействия, и только в этом процессе формируются качества личности. По мнению представителей данного направления, «общество – это индивид в символическом взаимодействии» [12].

В рамках операционализации содержания личностной идентичности с позиций постмо-

дернистской психологии обратимся к влиянию М.М. Бахтина. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия проявляется прежде всего в безусловном принятии «другого», обусловленном невозможностью существования, в принципе несовместимого. Данная специфика диалога как формы взаимодействия определена также качественной особенностью самого человека, который является объектом и субъектом признания; именно в этом контексте М. Бахтин говорил, что «субъект не может быть признан или изучен как вещь», как субъект, он не может молчать, оставаясь субъектом, и поэтому его признание может быть только диалогическим» [13, с. 383; 19].

Заключение. Таким образом, проведенная нами попытка операционализации феномена гражданской идентичности в традициях философской и психологической культуры позволила сделать следующие выводы. Теоретические основы гражданской идентичности сквозь призму современной психологии представлены в следующих подходах: неофрейдизм, экзистенциальная феноменология, социально-когнитивная теория, концепция социализации личности, символический интеракционизм, постмодернизм (интердетерминистское взаимодействие М. Бахтина). Данные подходы включают вопросы теоретико-методологической основы в исследовании различных аспектов личностно-гражданской идентификации и самоидентичности с обществом, что очень актуально в условиях современной Беларуси.

Литература

1. Болтыков, О.В. Междисциплинарный анализ феномена гражданской идентичности и путей ее формирования / О.В. Болтыков // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 4(59). – С. 85–88.
2. Хорни, К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление [Электронный ресурс] / пер. с англ. Е.И. Замфир; под ред. проф. М.М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б.С.К., 1997. – Режим доступа: psylib.org.ua. – Дата доступа: 12.05.2023.
3. Берн, Э. Транзакционный анализ и психотерапия / пер. с англ. – СПб.: Братство, 1992. – 224 с.
4. Fromm, E. The Crisis of Psychoanalysis / E. Fromm. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1970. – 161 p.
5. Хьелл, П. Теории личности / П. Хьелл, Д. Зиглер. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 607 с.
6. Гуссерль, Э. Избранные работы [Текст] / Э. Гуссерль. – М.: Территория будущего, 2005. – 465 с.
7. Щюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом [Текст] / А. Щюц. – М.: Росспэн, 2004. – 1056 с.
8. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.

9. Скиннер, Б. По ту сторону свободы и достоинства / Б. Скиннер. – М.: Изд-во ООО «Оперант», 2016. – 192 с.
10. Беккер, Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 895 с.
11. Парсонс, Т. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / под ред. Т. Парсонса. – М.: Прогресс, 1972. – 192 с.
12. Charon, J.M. Symbolic interactionism: an introduction, an interpretation, an integration / J.M. Charon. – N.Y., 1979. – 193 p.
13. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Изд. 2-е. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
14. Янчук, В.А. Культурно-диалогический интердетерминистский метаподход к анализу психологической феноменологии: теоретико-прикладные возможности / В.А. Янчук // Теоретичні дослідження у психології. – 2018. – № 4. – С. 21–82.
15. Голикова, С.Н. Особенности гражданской идентичности педагогов / С.Н. Голикова // Омск. науч. вестн. – 2011. – № 1. – С. 97–99.
16. Семенова, Ю.А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества / Ю.А. Семенова // Вестн. ОГУ. – 2010. – № 7(113). – С. 87–92.
17. Коряковцева, О.А. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи / О.А. Коряковцева, Т.Г. Доссэ // Ярослав. пед. вестн. – 2016. – № 6. – С. 29–35.
18. Конода, И.В. Становление гражданской идентичности россиян в процессе политической социализации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И.В. Конода. – Москва, 2007. – 206 с.
19. Психологический Vademecum: Витебщина М.М. Бахтина: сб. науч. ст.; под ред. С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи, С.Ф. Пашковича. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 306 с.
20. Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/>. – Дата доступа: 15.09.2022.
21. Богомаз, С.Л. Терминологическое поле исследования психологических механизмов формирования социальной идентичности личности в традициях патриотической культуры / С.Л. Богомаз, Е.А. Ильин // Право. Экономика. Психология. – 2022. – № 4(27). – С. 81–87.
22. Шапарь, В.Б. Словарь практического психолога [Текст] / В.Б. Шапарь. – М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2004. – 734 с.
23. Ильин, Е.А. Индикаторы формирования гражданской идентичности студенческой молодежи в Республике Беларусь / Е.А. Ильин [и др.] // Психолог. – 2023. – № 2. – С. 44–54.

Поступила в редакцию 14.06.2023

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у студентов

Чудакова А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье освещена проблематика изучения двух феноменов – эмоционального интеллекта и копинг-стратегий, а также рассмотрены результаты проведенного исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и копинг-стратегий студентов, обучающихся на факультете математики и информационных технологий.

Цель работы – изучение особенностей взаимосвязи копинг-стратегий с эмоциональным интеллектом студентов.

Материал и методы. *В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся на факультете математики и информационных технологий. Общее число испытуемых составило 68 человек (39 юношей и 29 девушек), в возрасте 17–23 лет ($M = 19,2$; $SD = 1,65$). Оценка уровня копинг-стратегий осуществлялась с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой). Для диагностики эмоционального интеллекта была использована методика «Тест (опросник) эмоционального интеллекта “ЭмИн” (Д.В. Люсин)».*

Результаты и их обсуждение. *Полученные данные показали, что большинство студентов, обучающихся на факультете математики и информационных технологий, обладают средним уровнем эмоционального интеллекта; предпочитаемой копинг-стратегией является стратегия, ориентированная на избегание. Результаты корреляционного анализа указали, что копинг, ориентированный на решение задач, положительно взаимосвязан с общим эмоциональным интеллектом, пониманием чужих эмоций, управлением чужими и своими эмоциями; копинг, ориентированный на эмоции, отрицательно взаимосвязан с общим эмоциональным интеллектом, пониманием и управлением своих эмоций, контролем экспрессии.*

Заключение. *Полученные результаты позволяют сделать вывод, что для студентов с низким уровнем эмоционального интеллекта характерно использование в стрессовых ситуациях неадаптивной стратегии избегания. Студенты с высоким уровнем эмоционального интеллекта склонны прибегать к адаптивной стратегии решения задач.*

Ключевые слова: *совладающее поведение, копинг-стратегии, эмоциональный интеллект, эмоции, стресс.*

Interrelation of Emotional Intelligence and Coping Strategies among Students

Chudakova A.V.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The article highlights the problems of studying two phenomena – emotional intelligence and coping strategies, as well as the results of the study of the relationship between emotional intelligence and coping strategies of students studying at the Faculty of Mathematics and Information Technology.

The purpose of the work is to study the features of the relationship of coping strategies with the emotional intelligence of students.

Material and methods. *The study involved students studying at the Faculty of Mathematics and Information Technology. The total number of subjects was 68 people (39 boys and 29 girls), aged 17–23 years ($m = 19,2$; $SD = 1,65$). The assessment of the level of coping strategies was carried out using the methodology “Coping behavior in stressful situations of the CISS” (S. Norman, D.F. Endler, D.A. James, M.I. Parker; adapted version of T.A. Kryukova). For the diagnosis of emotional intelligence, the method “EmIn Emotional Intelligence Test (questionnaire) (D.V. Lyusin)” was used.*

Findings and their discussion. *The data obtained showed that the majority of students have an average level of emotional intelligence; the preferred coping strategy is an avoidance-oriented strategy. The results of the correlation analysis indicated that task-oriented coping is positively interrelated with general emotional intelligence, understanding of other people’s emotions, managing other people’s and one’s own emotions; emotion-oriented coping is negatively interrelated with general emotional intelligence, understanding and managing one’s emotions, and expression control.*

Conclusion. *The results obtained allow us to conclude that students with a low level of emotional intelligence are characterized by the use of an unadaptive avoidance strategy in stressful situations. Students with a high level of emotional intelligence tend to resort to an adaptive problem-solving strategy.*

Key words: *coping behavior; coping strategies, emotional intelligence, emotions, stress.*

Проблема повышения эффективности профессионального образования студентов становится все более актуальной. Для подготовки высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов необходимо дополнять и усложнять изуча-

емый материал, наращивать интенсивность и темп учебы. Студентам приходится функционировать в условиях, требующих усиленной затраты внутренних резервов организма. Под влиянием этих факторов учебная деятельность может стать источ-

ником стресса для студентов и сопровождаться эмоциональным напряжением. Успешное преодоление трудностей во время учебной деятельности во многом зависит от выбора копинг-стратегий студента. Р. Лазарус и С. Фолкман определяют копинг как когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление ситуацией, обретение толерантности к ней, снижение ее требований. Совладание предполагает привлечение новых ресурсов и включает как влияние на ситуацию, так и ее избегание [1]. Копинг выполняет две основные функции: изменение условий, вызывающих стресс; регулирование эмоций и чувств. В соответствии с этим выделяются два типа копинга: проблемно-фокусированный предполагает, что человек анализирует проблему, выстраивает адекватный план ее решения, проявляет ответственность и самостоятельность в ее разрешении. Эмоционально-фокусированный копинг заключается в стремлении человека отвлечься, забыть о проблеме, игнорировать источник ее появления. Р. Лазарус и С. Фолкман указывали на динамичный характер копинга, который зависит от содержания ситуации и личностных факторов. Важным фактором выбора стратегии является оценка угрозы ситуации, когда ситуация оценивается как контролируемая, человек чаще использует проблемно-фокусированные стратегии, если же обстоятельства кажутся ему неподдающимися контролю, то он склонен прибегает к эмоционально-фокусированным стратегиям. Адаптивность совладания зависит от содержания угрозы, времени актуализации копинг-процесса, особенностей когнитивного оценивания происходящего. При этом поведение человека в большей степени определяет его субъективная оценка, а не объективные параметры ситуации. Стратегии, которые используют студенты, оказывают влияние на их академическую успеваемость. Так продуктивные копинг-стратегии связаны с более высоким уровнем успеваемости, а неадаптивные с низким, в связи с чем встает вопрос о необходимости изучения факторов, от которых зависит предпочтение студентов в выборе копинг-стратегий.

Социальный ресурс копинг-стратегий зависит от уровня сформированности у человека эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект (ЭИ) – это способность к пониманию и управлению эмоциями, как своими собственными, так и чужими [2]. Развитый эмоциональный интеллект позволяет осознавать и выражать собственные эмоции; правильно идентифицировать эмоциональные состояния других людей; эффективно управлять своими эмоциями и эмоциями партнеров; поддерживать позитивные и снижать негативные эмоциональные

состояния; эффективно справляться с текущей социальной ситуацией и быстро адаптироваться к новой; выстраивать надежные межличностные отношения с людьми [3]. Высокий уровень эмоционального интеллекта поможет студентам и в их будущей профессиональной деятельности: повысит стрессоустойчивость, снизит влияние эмоциональных переживаний на конечный результат деятельности, обеспечивает успешную саморегуляцию, поможет выстроить более эффективные отношения с коллегами [4; 5].

Цель исследования – изучение особенностей взаимосвязи копинг-стратегий с эмоциональным интеллектом студентов.

Материал и методы. Характеристики выборки: в исследовании приняли участие студенты, обучающиеся на факультете математики и информационных технологий. Общее число испытуемых составило 68 человек (39 юношей и 29 девушек), в возрасте 17–23 лет ($M = 19,2$; $SD = 1,65$). Оценка уровня копинг-стратегий осуществлялась с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой). Методика позволяет выявить показатели по следующим шкалам: копинг, ориентированный на решение задачи; копинг, ориентированный на эмоции; копинг, ориентированный на избегание; отвлечения (субшкала); субшкала социального отвлечения. Для диагностики эмоционального интеллекта была использована методика «Тест (опросник) эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В. Люсин)». Данная методика содержит такие шкалы и субшкалы, как шкала межличностного ЭИ (способность к пониманию и управлению эмоциями других людей); шкала внутриличностного ЭИ (способность к пониманию и управлению своими эмоциями); шкала понимания эмоций; шкала управления эмоциями; субшкала понимание чужих эмоций; субшкала управление чужими эмоциями; субшкала понимание своих эмоций; субшкала управления своими эмоциями; субшкала контроля экспрессии (умение контролировать внешние проявления эмоций).

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования по методике «Тест (опросник) эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Д.В. Люсин)» у студентов представлены в таблице 1. Эти данные позволяют сделать вывод, что большинство студентов обладают низким уровнем понимания (56%) и управления (47%) чужими эмоциями. Представленная группа студентов не готова к распознаванию и идентификации чужих эмоций, пониманию их причин; не развита способность понимать эмоциональное

Таблица 1 – Уровень общего эмоционального интеллекта и его компонентов у студентов, %

Показатель	Уровень выраженности		
	Низкий	Средний	Высокий
Общий эмоциональный интеллект	35	38	27
Понимание чужих эмоций	56	18	26
Управление чужими эмоциями	47	34	19
Понимание своих эмоций	34	44	22
Управление своими эмоциями	37	29	34
Контроль экспрессии	40	23	37

Таблица 2 – Уровень выраженности копинг-стратегий у студентов, %

Показатель	Уровень выраженности		
	Высокий	Средний	Низкий
Копинг, ориентированный на решение задачи	18	59	23
Копинг, ориентированный на эмоции	15	51	34
Копинг, ориентированный на избегание	53	31	16
Отвлечения (субшкала)	47	38	15
Социальное отвлечения (субшкала)	28	47	25

состояние человека, на основе внешних проявлений эмоций; отсутствует чуткость к внутренним состояниям других людей. Так же большинство студентов (56%) обладают низким уровнем управления своих эмоций, они не умеют поддерживать желательные эмоции и снижать интенсивность нежелательных. Не выражена потребность в познании самого себя, свойственна тенденция к занижению своих способностей, характерно неадекватное представлением о восприятии себя другими людьми. Конфликты в учебной деятельности часто могут быть связаны с непониманием причин поведения других людей и неготовностью принять чужую точку зрения, нетерпимостью к иным позициям, взглядам, ценностям. Студенты не способны контролировать внешние проявления своих эмоций.

В таблице 2 приведены данные, полученные с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой). Анализ этих данных позволяет сделать следующие выводы: у большинства (53%) студентов предпочитаемой копинг-стратегией является стратегия, ориентированная на избегание. Представленная группа студентов стремится преодолеть негативные переживания за счет реакции по типу уклонения; характерно проявление неконструктивных форм поведения в стрессовых ситуациях: отрицание либо игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению трудностей, пассивность, нетерпение,

вспышки раздражения, погружение в фантазии, переедание, с целью снизить эмоциональное напряжение. Эта стратегия является неадаптивной, студент не решает проблемы, растет вероятность накопления трудностей, действия по снижению эмоционального дискомфорта краткосрочны.

Для установления взаимосвязи эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у студентов был осуществлен корреляционный анализ, в ходе которого использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Результаты статистической обработки данных представлены в таблице 3.

Выявлена значимая положительная связь между копинг-стратегией «копинг, ориентированный на решение задачи» и шкалами: «понимание чужих эмоций» ($r = 0,457$); «управление чужими эмоциями» ($r = 0,369$). Умение понимать и управлять эмоциями других людей помогает выстраивать продуктивные межличностные связи, все это позволяет даже в стрессе сохранять способность управления социальной ситуацией, демонстрировать доброжелательное отношение к окружающим, сохранить оптимистичное восприятие себя и других, прогнозировать реакции окружающих на собственные действия и планировать способы их регулирования.

Значимая отрицательная связь была установлена между «копингом, ориентированным на эмоции» и шкалами: «понимание своих эмоций» ($r = -0,379$); «управление своими эмоциями» ($r = -0,336$). На основании этих данных можно сделать вывод, что студенты, способные управлять собственными

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа данных

Анализируемые результаты по шкалам	Значение коэффициента корреляции Спирмена и тип связи
Копинг, ориентированный на решение задачи – Общий эмоциональный интеллект	0,450** умеренная положительная связь
Копинг, ориентированный на решение задачи – Понимание чужих эмоций	0,457** умеренная положительная связь
Копинг, ориентированный на решение задачи – Управление чужими эмоциями	0,369** умеренная положительная связь
Копинг, ориентированный на решение задачи – Управление своими эмоциями	0,396** умеренная положительная связь
Копинг, ориентированный на эмоции – Общий эмоциональный интеллект	-0,436** умеренная отрицательная связь
Копинг, ориентированный на эмоции – Понимание своих эмоций	-0,379** умеренная отрицательная связь
Копинг, ориентированный на эмоции – Управление своими эмоциями	-0,336** умеренная отрицательная связь
Копинг, ориентированный на эмоции – Контроль экспрессии	-0,484** умеренная отрицательная связь

эмоциональными переживаниями, возникшими при столкновении с трудностями, умеют сохранять самообладание в стрессовой ситуации, при этом снижается вероятность возникновения агрессии, фиксации на переживании своей беспомощности и недостатках, что позволяет осуществлять действия, направленные на конструктивное разрешение проблемы.

Обнаружена значимая положительная взаимосвязь между копинг-стратегией «копинг, ориентированный на решение задачи» и «общим эмоциональным интеллектом» ($r = 0,450$). Таким образом, высокий эмоциональный интеллект способствует формированию оптимальных способов реагирования в стрессовых ситуациях на основании анализа эмоциональной информации, умения адекватно ее применить и способности регулировать переживания и чувства.

Заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что эмоциональный интеллект у большинства студентов, обучающихся на факультете математики и информационных технологий, развит на среднем уровне. Наименее развитыми структурами ЭИ являются такие компоненты, как понимание чужих эмоций, управление чужими и своими эмоциями, контроль экспрессии. У большинства студентов предпочитаемой копинг-стратегией является стратегия, ориентированная на избегание. Результаты корреляционного анализа указали, что копинг, ориентированный на решение задачи, положительно взаимосвязан с общим эмоциональным интеллектом, пониманием чужих эмоций, управлением чужими и своими эмоциями;

копинг, ориентированный на эмоции, отрицательно взаимосвязан с общим эмоциональным интеллектом, пониманием и управлением своих эмоций, контролем экспрессии.

Данные результаты исследования позволяют сделать вывод: высокий уровень эмоционального интеллекта способствует тому, что студенты выбирают адаптивную стратегию решения проблемы на основании анализа эмоциональной информации, умения адекватно ее применить и способности регулировать переживания и чувства. Низкий уровень эмоционального интеллекта может стать причиной использования студентами неэффективной копинг-стратегии избегания.

Литература

1. Folkman, S. Coping as a mediator of emotion / S. Folkman, R.S. Lazarus // Journal of Personal and Social Psychology. – 1998. – № 54. – P. 466–475.
2. Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люпина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 351 с.
3. Гоуман, Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоуман, Р. Боядис, Э. Макки. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 301 с.
4. Urquijo, I. The Contribution of Emotional Intelligence to Career Success: Beyond Personality Trait / I. Urquijo // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 13, № 1. – P. 390–341.
5. Елькина, И.Ю. Гуманистические аспекты взаимодействия субъектов образовательного процесса современного вуза / И.Ю. Елькина – М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2021. – 125 с.

Поступила в редакцию 07.02.2023

Барабан Иван Иванович – соискатель кафедры общей и медицинской психологии БГУ.

Бахмат Елена Михайловна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук.

Белякова Анна Владимировна – аспирант кафедры уголовного права и процесса ГГУ имени Ф. Скорины.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Бочков Александр Александрович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

Бочкова Гульчехра Шарофовна – старший преподаватель кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Вишневский Олег Владимирович – слушатель ИПКиП ВГУ имени П.М. Машерова.

Гуриценок Павел Валентинович – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Дем Ольга Дмитриевна – доцент кафедры «Финансы и коммерческая деятельность» Витебского государственного технологического университета, кандидат экономических наук, доцент.

Ильин Егор Артемович – стажер младшего научного сотрудника научно-исследовательского сектора ВГУ имени П.М. Машерова, магистрант кафедры психологии.

Лобановский Александр Андреевич – студент 3-го курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Николичев Денис Николаевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова.

Огурицова Ариана Юрьевна – студентка 4-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Павлыш Эдуард Владимирович – заведующий кафедрой информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Петров Анатолий Петрович – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Позняк Константин Вячеславович – аспирант кафедры социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета.

Самоховец Мария Павловна – доцент кафедры финансового менеджмента Полесского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры налогов и налогообложения Белорусского государственного экономического университета.

Семёнова Елизавета Александровна – студентка 3-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Сидорчук Валерий Кириллович – доцент кафедры хозяйственного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Солодовников Сергей Юрьевич – заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, доктор экономических наук, профессор.

Сюй Цзинь – аспирант кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.

Типанова Елизавета Игоревна – студентка 3-го курса факультета математики и информационных технологий ВГУ имени П.М. Машерова.

Чудакова Анастасия Викторовна – аспирант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, магистр психологических наук.

Baraban Ivan Ivanovich – applicant of Belarusian State University Department of General and Medical Psychology.

Bakhmat Elena Mikhailovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology).

Beliakova Anna Vladimirovna – postgraduate student of F. Skoryna State University of Grodno Department of Criminal Law and Process.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Bochkov Aleksandr Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

Bochkova Gulchekhra Sharofovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Germanic Philology.

Vishnevsky Oleg Vladimirovich – student of Vitebsk State P.M. Masherov University Institute of Qualification Upgrading.

Gurshchenkov Pavel Valentinovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Dziom Olga Dmitriyevna – Assistant Professor of Vitebsk State Technological University Finance and Commercial Activity Department, PhD (Economics), Assistant Professor.

Ilyin Egor Artemovich – Trainee Junior Researcher of Vitebsk State P.M. Masherov University Research Center, Master of Psychology Department.

Lobanovsky Aleksandr Andreyevich – third year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Law Faculty.

Nikolichiev Denis Nikolaevich – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process.

Ogurtsova Ariana Yurievna – fourth year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Mathematics and Information Technologies Faculty.

Pavlysh Eduard Vladimirovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Petrov Anatoly Petrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Criminal Law and Criminal Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Pozniak Konstantin Vyacheslavovich – PhD student of Belarusian State University Department of Social and Organizational Psychology.

Samokhovets Maria Pavlovna – Assistant Professor of Polesky State University Department of Finance Management, PhD (Economics), Assistant Professor, Doctoral Student of Belarusian State Economic University Department of Taxes.

Semyonova Elizaveta Alexandrovna – third year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Mathematics and Information Technologies Faculty.

Sidorchuk Valeri Kirillovich – Assistant Professor of Belarusian State University Department of Economic Law, PhD (Law), Assistant Professor.

Solodovnikov Sergey Yuryevich – Head of Department of Economics and Law, Belarusian National Technical University, Doctor of Economics, Professor.

Xu Jing – PhD. student of Department of Economics and Law, Belarusian National Technical University.

Tipanova Elizaveta Igorevna – third year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Mathematics and Information Technologies Faculty.

Chudakova Anastasia Viktorovna – PhD student of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, Master of Psychological Sciences.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется

в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 12.09.2023. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 66 экз. Заказ 92.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.